

Алексей Сухих

ЖИЗНЬ НИ ЗА ЧТО

Книга вторая

Алексей Сухих

Жизнь ни за что. Книга вторая

«Издательские решения»

Сухих А.

Жизнь ни за что. Книга вторая / А. Сухих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746820-0

Непростая судьба главного героя, его друзей и страны проведёт читателя от 1953 г. до начала XXI века и расскажет, как жили люди в первой стране социализма, которая не была страшной, не была злодейской, как её малюют демократы всех мастей последние 30 лет. Расскажет о победах и бедах, о бездарных вождях, о предательстве последнего генсека, приведшем к развалу СССР и невообразимым страданиям сотен миллионов людей, жизнь и труд которых в одночасье превратились в ничто.

ISBN 978-5-44-746820-0

© Сухих А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть пятая. От полудня до заката	7
Пролог	7
Бой с тенью	9
I	9
II	16
III	21
IV	25
V	26
VI	28
VII	32
VIII. Лесной пожар	36
IX	52
X	59
XI	61
XII	67
XIII	76
XIV	78
XV	83
Камчатский меридиан	86
I	86
II. Дневник Сугробина	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Жизнь ни за что Книга вторая Алексей Сухих

© Алексей Сухих, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Сухих

*Моим друзьям, всем трудовым поколениям создавшим богатство,
могущество и славу советского союза посвящается*

От автора

Первое. Устав видеть и слышать гадости, совершаемые людьми современными и жившими в прошлых тысячелетиях, и отражённых в истории, автор обратился к Богу:

«Скажи, ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ, почему ты не ограничиваешь человека в низких чертах его характера: пьянстве, разврате, +всякого рода, в том числе развязывание войн между народами и государствами».

Бог ответил мгновенно:

«Если я лишу человека права на самоограничение, я лишу его права быть личностью».

Ответ убрал сомнения у автора, но опечалил. Необузданность страстей и желаний проявились уже в первой семье прародителей Адама и Евы, в которой брат убил брата. А вся дальнейшая история жизни человеческой только подтверждала о неподготовленности людей для перехода к жизни по законам царства божия. И было грустно и печально понимать, что к идеям самоограничения человечество может прийти только через величайшие страдания планетарного масштаба.

Второе. Роман не является биографией автора. В главном герое Леониде Сугробине переплелись судьбы друзей, товарищей и знакомых из поколения тридцатых, сороковых, пятидесятых годов двадцатого столетия живших и работавших в суровые и гордые годы сражений, побед и свершений. Однако автор не отрицает того, что некоторые события в судьбе Л. Сугробина соответствует жизненному пути автора.

Третье. Все исторические события и характеристики личностей, вошедших в историю текущего момента, отражены в романе от взгляда снизу, от народа. И эта оценка не во многом соответствует официальной оценке событий и личностей, также как и изложению событий в текущих школьных учебниках, регулярно переписываемых под ежеминутную политическую направленность правящих политических сил.

Четвёртое. Предлагаемое произведение создано в память «потерянных» поколений, родившихся в 30-х и 40-х годах и уже ушедших из жизни. И в поддержку ещё живущих трудными старческими днями, униженных в окончании жизненного пути за то, что они строили новое общество. Они не прожили «жизнь ни за что». Своей жизнью, и своим трудом они создали могучую державу, в которой жили без страха за своё будущее и показали миру, на что способен освобождённый народ. А для нынешних поколений книга объективно показывает, что социализм как общественная система был ни страшным, ни злодейским, каким его малюют борцы за народовластие и демократию последние тридцать лет. И что борьба за реальную свободу ещё впереди.

Алексей Сухих

Часть пятая. От полудня до заката

*«Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя.
Спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны».*
Джон Фитцджеральд Кеннеди.

Пролог

Несколько странная произошла метаморфоза с нынешним государством Россия и её вооружёнными силами. В Советском Союзе режимными секретными службами был внедрён стойкий порядок – меньше говори, больше делай. Сотрудники, работающие в отраслях, связанных напрямую и косвенно с военными интересами, никогда ни словом, ни делом не рекламировали свою причастность к этому. Не были многословны и военнослужащие. Один из хороших знакомых Сугробина, приглашённый в институт в просветительских целях при новом государственном устройстве, встретившись с ним на территории института, сказал:

- Четверть века тебя знаю, но никогда не думал, что ты работаешь здесь.
- Нас учили не болтать, – улыбнулся Леонид.

Обыватель не представлял, что существует г. Саров и в нём федеральный ядерный центр. Не знал, что существует завод «Маяк» и ещё один федеральный ядерный центр. И уж конечно не знал, где создают ядерное оружие. Никто ему по телевизору не сообщал, что очередная ракета морского базирования «Булава» не долетела до камчатского полигона «Кура» или что-то не ладится на космодроме «Плисецк». Или на авиабазе стратегических бомбардировщиков в посёлке Катунино нет керосина, чтобы послать самолёты на дежурство в Атлантику.

Ныне каждая домохозяйка знает, что последние двадцать межконтинентальных бомбардировщиков России гнездятся на авиабазе под Саратовым, а авиазавод, производитель самолётов Сухого, работает в Комсомольске на Амуре. И даже знает, где стоят всегда готовые к полёту ракеты под названием «Сатана» или куда пошёл последний российский подводный крейсер с ядерными ракетами на борту. Знают домохозяйки, где строится и разрабатывается всё новейшее оружие, знают по фамилиям главных конструкторов. Знают даже то, что лучший в мире вертолёт «Чёрная акула» за тридцать пять лет своей жизни так и не появился в частях российской армии. И даже репортёры бульварной прессы самой жёлтой пробы, чей главный интерес заключён в жизни светских проституток и их хахалей, знают о дислокации воинских частей, численности и вооружении не меньше, чем в ЦРУ или в «Секрет интеллидженс сервис». И всё потому, что сами военные люди, генералы, адмиралы наперебой рекламируют сами себя. Издаются красочные рекламные буклеты и журналы с полной историей, жизни прошлой, настоящей и планов на будущее. Кто знал, что такое «Сыры – Шаган»? Здравствуй, пожалте... Издание самих полигонщиков не хуже чем «Метрополитен». Даже последний корабль из бывшей океанографической экспедиции на Тихом океане «Маршал Крылов», гниющий без дела в бухте Крашенинникова, тоже выпустил красочный журнал о себе и прошлых победах. Сам президент с гордостью называет имя города, где закрывается последний завод по производству оружейного плутония. А телевидение г. Сарова, рассказав подробно о музее ядерного оружия, приглашает задавать интересующие телезрителей вопросы обо всём.

И не надо репортёрам куда-то ездить или ходить, добиваясь разрешений на интервью или посещение объекта. Всё рассказано самими сотрудниками военно-промышленного комплекса и министерства обороны о том, кто и что делает, и какую составляющую оборонительного щита они представляют.

Страна «Плутония» да и только. Большого не скажешь. И записные книжки Сугробина, вообще, никаких секретов не содержат. В них жизнь человека, который, несмотря на противодействие «индюков» и внутренних врагов, своей работой боролся за могущество социалистической Родины. Родины, в которую верил, и которой гордился.

Бой с тенью

I

– Ребята, чуть поплотнее, поровнее и мне место с края оставьте! – Сугробин двигал треногу с фотоаппаратом, стараясь выбрать ракурс поколоритнее. Потом взвёл рычаг автомата, нажал на кнопку и встал с края рядом со Зверевым. Полыхнула лампа – вспышка, щёлкнул затвор.

– Ещё два дубля. Кадр исторический. Мгновенья уходят, века остаются, – говорил Леонид, возвращаясь к аппарату и взводя затвор. Ещё два всполоха. Сугробин отставил треногу с фотоаппаратом к стенке.

– Вот сейчас достаточно. И все по местам. Да здравствуем мы!

– Да здравствуем мы! Это хорошо, – сказал Валентинов, пожевав солёный огурец. – Но так не пойдёт. Это уже после первой можно заканчивать. Надо выпить в алфавитном порядке за каждого и спросить, как он живёт и как собирается жить дальше.

– Сугробина пропустим вперёд. Он в том году отсутствовал и пусть доложится, – вставился Сургутин.

В центре Сормова 13 октября проходил плановый сбор пятерых друзей. Сугробин встал. Перед ним сидели друзья. Они знали, что произошло в его жизни, и он знал о них. Володя Зверев родил второго ребёнка, получил двухкомнатную квартиру и должность начальника группы. Валерий Валентинов также стал начальником группы и весело жил с женой в «погребке». Сургутин ждал прибавления в семействе и, отпустив жену для спокойного предродового отпуска к родителям, принимал компанию у себя. У Ширяева были неурядицы. Он не пробился в аспирантуру и потерял интерес к себе со стороны жены из Балашихи. Там рос его сын, которого он видел мало, а может, уже и совсем не видел. Но Саня не скулил, старательно набирал очки на работе и стал ведущим специалистом. Сам Сугробин, вернувшись с армейской семимесячной службы, в июне официально развёлся с Мариной, и предстал перед друзьями независимым холостяком. В том же июне перевёлся на работу в СКБ, где служили Зверев и Валентинов.

Вернувшись на завод после трёхнедельного отпуска, который предоставил ему военкомат за ударную службу за счёт завода, Сугробин вспомнил слова капитана Ш ранга из военкомата, что «просить или требовать и получать запрашиваемое надо в тот момент, когда ты нужен». Его место было занято не кем-то временно исполняющим, а навсегда. Как будто он был убит на фронте, и вычеркнут из списков.

– Понимаешь, – сетовал его бывший начальник, – завод принял новый спецзаказ, и надо было срочно начинать. А на ВРИО никто не соглашался.

Сугробину сохранили зарплату, дали в подчинение двух женщин и сделали из него специалиста по особым поручениям при главном конструкторе. Времени для утряски личных дел у него оказалось достаточно.

В дом к Марине после её предложения о разводе, засланном ещё в действующую армию, Сугробин вернулся только на полчаса, чтобы забрать вещи. А пока Леонид искал пристанище, он болтался между Зверевым, Валентиновым и Сургутиным, проводя у них ночёвки по очереди. Даже у Ширяева ночевал в его комнатке, которую он снимал на Ильинке. Проскитавшись два месяца, Сугробин наткнулся на объявление, предлагавшее однокомнатную квартиру «недорого» одному или двум мужчинам. Вечерней порой он пришёл по адресу в новый микрорайон и столкнулся у подъезда с молодым человеком, как и он, сверявшим номер дома с запиской. Оказалось, что они оба шли по одному адресу. Построенная кооперативная квартира сдавалась на коммерческой основе за весьма приличную цену. В квартире были постав-

лены две кровати, стол, стол на кухне и пара стульев. И платёж вперёд. Оба соискателя согласились и поселились на следующий день. Сожителя Леонида звали Славой. Он учился на первом курсе юридического вечернего института и работал в городской столовой грузчиком. Остался в городе после службы в армии и не родных, не знакомых здесь у него не было. Новые знакомцы и коллеги по индивидуальному общежитию выпили за знакомство и добрые отношения, и каждый занялся своим делом.

Сугробин для колорита повесил на стену ружьё, ввернул в потолок крюк и подвесил боксёрский мешок. Напротив мешка на стене разместил мордобойные перчатки и массажный эспандер. Осмотрел всё со стороны и обстановкой остался доволен. В прокатном пункте взял пишущую машинку и вечерами, и полными выходными днями полтора месяца перепечатывал свои армейские записки, оформляя их в виде повести. Книжки об участии армии в уборке урожая в Союзе никто ещё не писал и он был уверен, что оригинальная повесть сможет получить одобрение и быть напечатана. Леонид перечитал машинописную рукопись, предложил прочитать Ширяеву и, получив его одобрение, отправил первый экземпляр в толстый журнал. Подумал, и через день отправил второй экземпляр в другой толстый журнал. Через месяц рукописи вернулись. Твардовских во главе журналов больше не было. Один ответ был равнодушно сухой, другой обвинял Сугробина в интеллигентской гнилости и намекал на необходимость его принудительного перевоспитания.

Ответы из журналов пришли до получения допуска к работам и документам в СКБ. Сугробин пошёл к знакомому поэту Михаилу Курмышову, которого, как и Клещёва, нечасто печатали. Но уже печатали. Он был художник по образованию и подрабатывал для кормления жены и маленького сына на рекламках, на оформлении магазинов, заборов и делал красками деньги для содержания семьи. Сугробин и познакомился с ним возле гастронома, где бородастый Курмышов с помощником приспособливал на видном месте рекламный щит и у них не получалось.

– Помощь требуется, – не спросил, а утвердительно сказал бородатому мужику Сугробин и прихватил щит. Вместе они удержали и закрепили громоздкое сооружение.

– Подожди, не уходи, – сказал бородастый Сугробину. – Деньги за халтурку я уже получил, но заведующая презент обещала.

В пакете, который вынес художник, оказалась бутылка коньяка, большая шоколадка и кружок краковской колбасы. Так они и познакомились. Михаил не сомневался в своих поэтических способностях и говорил, что ещё немного, ещё чуть-чуть и лёд тронется.

– Надо всё бросить и работать над написанным, писать новое. Ты видел страну, видел жизнь. Тебе есть о чём сказать. Солженицина у нас не печатают, так мы его по зарубежному радио слушаем. И ему в западных банках на счёт деньги откладываются. И если его попрут из Союза, то он там не пропадёт. Если, конечно, снова не посадят здесь. Я не призываю писать истории политзаключённых. Но думай, Лёня, думай. Дело непростое, но книга твоя очень даже нормальна. Подработать надо и снова подавать. Но двум делам одновременно отдаваться без остатка, например, для меня, невозможно. Я днём малюю не думая, что создаю шедевры, и сочиняю про себя. Сочиняю и записываю, если запомню. А ночью, в основном на кухне, никому не мешая, творю. Полный стол стихов и все хорошие, – рассмеялся Мишка. – Давай-ка, мы с тобой четверок раздавим. Припас с утра. Так и думал, что ты зайдёшь.

– Думай, Лёня, – повторил Михаил, выгребая кильку в томате из банки на кусок хлеба. – Стационарная работа хороша тем, что выпивать в любое время не позволяет и деньгу, пусть небольшую, но стабильную даёт. Но и стихи в рабочее время сочинять не станешь. Да и после работы не скоро соберёшься. Мозг, он ведь заклинивается на текущих делах и его освобождать надо. И отдохнуть тянет. Знаю я, работал.

Леонид думал. У него за семь месяцев сколотилось полторы тысячи на заводском счету. На них он мог прожить год, не работая. Он написал кузену в Ялту о возможности приюта.

Виталий ответил, что «шофёром можно устроиться с временной пропиской. Или пристрою тебя матросом на пассажирские катера, курсирующие вдоль берега. Получай права профи и приезжай. Не пропадёшь». Читая ответ, Леонид вспомнил Андрианова, ушедшего работать шофёром – дальнобойщиком. Тот точно не пропал. И он не пропадёт. Кроме работы лопатой, Леонид умел ремонтировать телевизоры, имел рабочий разряд электрика, водительские права шофёра – любителя. И всё же!?

Леонид думал. Его милая ростовчанка Нина Турчинская по телефону сказала ему, что согласна на любое его решение. «Но учти, – смеялась она в трубку, – что я не могу ещё содержать тебя, как обещалась». Она прилетала к нему в Горький в феврале, когда город был заснежен мокрым снегом, неуютен и грязен и ей очень не понравился. А сам он только что узнал о потере должности на заводе, и полной своей неустроенности. Ему удалось поселить её в одноместный номер в гостинице «Нижегородская». Из окна был виден Канавинский мост через Оку и заледенелая Стрелка¹ с застывшими портовыми кранами и полуразрушенным храмом Александра Невского. Нине не захотелось выходить на грязные улицы, и они тогда так и прожили все её дни, не выходя из гостиницы. Она читала его дневники о кочевой армейской жизни, о себе и говорила, что надо обязательно подготовить для печати. Строили могучие планы и верили в их свершения. И не задумывались над тем, что каждый день жизни в разлуке разрушает любовь. «Вдалеке можно так же любить, даже больше, чем часто встречаться», – сказала Нина, улетающая. – «Но очень буду ждать тебя в Ростове».

Проходили месяцы, и наступило лето, а он был всё ещё никем. Повесть о странствиях лейтенанта Сугробина журналы не приняли. Компетентные органы дали разрешение о допуске Сугробина к работам и документам под грифом «СС». Все прочие бумаги были подписаны ранее. Сугробин принял решение остаться инженером.

– Нечего больше думать, – сказали Валентинов и Зверев вместе сразу после его возвращения, когда вышли покурить на общую территорию и Леонид доложил, что его место занято. – Оформляйся к нам. Хочешь к нам в лабораторию, хочешь к конструкторам. Мы отрекомендуем тебя.

– Я решил, ребята, что буду конструктором. Образования у меня хватает и опыт есть. Рекомендуйте. И стал конструктором.

Рекомендаций у друзей хватило на встречу с начальником отдела, крупным мужиком Владимиром Чириковым, который предложил Сугробину должность рядового с начальной зарплатой.

– Твой послужной список ничего мне не говорит. Поработаешь, посмотрим, решим, – сказал Чириков.

– Что ж, – подумал Леонид. – Когда-то в Кыргызстане я шёл на рядовую должность, имея за плечами любительский опыт проектирования аэросаней. Сейчас умею многое. И терять мне нечего. Жизнь снова начинается с белого чистого листа, но не с нуля.

– Идёт, – сказал Сугробин. – Но прошу не препятствовать моему движению вперёд.

Лишившийся на заводе своего места, Сугробин был как бы обиженным верхами и главный инженер, поворчав для порядка, подписал ему бумагу о переводе на работу в СКБ. Сугробин стал проходить на территорию через другую дверь.

– Мне думается, что напрасно ушёл. Я предполагал тебя начальником цеха поставить, – сказал Каминский, когда Леонид зашёл попрощаться.

¹ Стрелка, территория, образованная правым берегом реки Волга и левым берегом реки Ока при впадении Оки в Волгу. До 30 – х годов XX века была занята Нижегородской ярмаркой.

– Что ж долго думал, – усмехнулся Сугробин. – Если ты считаешь себя передовым по взглядам, то думать надо быстрее. Я из—за тебя три года производственно-руководящего стажа потерял.

– Ладно, ладно. Не забывай.

– Рад, что ты выполняешь свои планы, – сказал Юрий Дмитриевич. – Теперь мне тебя уже не заполучить. А то, что пошёл в рядовые, так многие толковые так поступают и находят себя. На прощанье в домино сыграем?

– Пусть лучше со мной кофе попьёт, – взяла под руку Леонида Валя Аркадьева. – Совсем ведь уходит. Там за городом корпуса для них в таком темпе строят, что уедет скоро СКБ с нашей территории. Пойдём, дружок, в мой уголок.

Пока «кадры» в СКБ оформляли приказ о зачислении, Сугробин взял рукопись об армейских приключениях и поехал навестить Костю Халаева. До города Павлова, в котором делали всесоюзно известные ПАЗики, было семьдесят километров. Костю он нашёл на машинном дворе громко разговаривающим с механиком.

– Вон он, с механиком ругается, – показал Леониду вахтёр у ворот, когда он спросил, где ему найти Халаева.

– Лейтенант Халаев! – сказал Сугробин в спину товарищу по оружию. – Прекратите склоку, когда к Вам офицер обращается.

– Лёнька, чёрт! – крикнул Халаев и полез обниматься. – Какими ветрами? Надолго?

– Пока не прогонишь.

– Ладно. Сейчас распоряжусь, и двинем на природу. Ты, Петрович, – это уже к механику, – сделай всё, что я сказал. И покомандуй тут за меня. А я с лейтенантом Сугробинным отбуду. И возьму ЗиЛ. Выпиши мне путёвку.

Халаев пригласил Сугробина в свой небольшой кабинет, снял спецовку, вынул из сейфа какой-то металлический сосуд и сказал —

– Давай Сахарову позвоним.

Через полчаса Халаев за рулём, а Сахаров и Сугробин рядом с ним в кабине ЗиЛа переезжали реку Оку по плашкоутному мосту. Узкая асфальтовая дорога повела в заокскую равнину через Тумботино, в сосновые леса. Километров через десять машина вильнула на лесную песчаную дорогу и выскочила на крутой берег длинного изогнутого озера. Среди деревьев виднелись строящиеся домики.

– Турбаза строится, – пояснил Халаев.

– Как здорово, что ты приехал, – сказал Сахаров, листая рукопись. – И книгу добротную написал. Только зачем все характеристики Речкина про замполита записал. Неудобняк.

– Да не бойся. Рукопись всего в пяти экземплярах. Размножить ваши партийно-политизированные журналы отказались. А это значит, что и ни одно издательство не возьмёт. А самиздатом я заниматься не буду. Я и так в ЦК письмо отправил о перестройке социализма.

– Письмо в ЦК!? – повторил подошедший от костра Костя. – Как ты, Сахаров, думаешь по поводу этого заявления. Не оставить ли нам его в лесу и забыть про знакомство. Его таскать начнут и про нас не забудут.

– Нет уж, – ответил Сахаров, – сначала вино выпьем и уху съедим. А после пусть таскают. Кто в такой части вместе служил, тот не забудет друзей. Как можно забыть такой день, когда к нему Нина приехала. Как она, кстати?

– Пока всё отлично.

Ребята побыли на озере до темноты. На ночлег Леонид остановился у Халаева. Они сидели за бутылочкой и разговаривали до рассвета. Жена у Кости тоже не спала и читала повесть, отыскивая в ней следы возможных измен мужа.

В конструкторском отделе Сугробин встретил несколько шапочных знакомых, осмотрелся и встал за кульман. Согласно графика, нарисованного когда-то Степаном, ему отводилась по оси ординат только работа. Ему шёл тридцатый год. И вокруг него были молодые люди, набранные за последние годы из ВУЗов, окрестностей и привлечённые из «закрытых» городов.

– Вот тебе задание, – сказал начальник бригады Владислав Андреевич Удалов, молодой человек на два года старше Сугробина и перешедший из Арзамаса—16.² – Успешная работа будет твоей визитной карточкой.

Сугробину предлагалось создать конструкцию устройства, падающего с большой высоты, принимающее команды с земли и сообщающее все параметры своего полёта на землю. И издающее «последний писк» при соприкосновении с поверхностью земли. Устройство должно было работать при внешнем атмосферном давлении от 5 мм ртутного столба, при температуре от минус 50 градусов до плюс 50, выдерживать перегрузки...

В лаборатории, куда отправился Леонид с заданием на разработку конструкции, его встретил Василий Васильевич Суматохин, начальник группы и ровесник Владислава Андреевича.

– Вот, смотри, – показал он на настольный макет прибора. – Всё работает, но в термокамере не стоит. Здесь генератор (показал Василий на закрытый алюминиевый кубик) сам как печка. Всё надо охлаждать. Но вентилятор не поставишь. Внутри прибора должно быть нормальное давление, иначе при высоком напряжении всё сгорит. Уже пытались внедрить всё это в корпус. Не получилось. И ещё, – договорил Василий, – СВЧ часть сделана набело. От неё танцуем и остальную схему компануй по условиям, чтобы общий объём не превышал заданного. В схеме впервые в нашей конторе применены интегральные микросхемы³ и ты будешь первым, который поставит их на печатную плату в нашем институте. В общем, аналогов нет, списывать не с чего.

Жизнерадостный и улыбающийся, с выпирающим чувством юмора, Суматохин импонирует Сугробину. Ему долго помнилась его быстрая реакция на МВК⁴ по прибору. В схеме стоял диод с «фамилией» и назывался он «Кентавр». «А что такое «Кентавр»? – спросил член комиссии из столицы. «Кентавр, это полуконь, получеловек», – мгновенно отреагировал Васильевич. «Это я знаю», – смущённо произнёс комиссионер и вопросов больше не задавал.

– Мы с твоим руководителем вместе учились. Только он подался в Арзамас, а я остался. И вот через десять лет снова сошлись, – знакомил Леонида с обстановкой Василий. – И весь коллектив моей группы молодой. Вот эти двое пришли нынче из университета, эти двое из политеха. И две девушки симпатюшки тоже нынче пришли. Смешливые и незамужние. Ещё ничего не понимают, во всё приходится влезать самому. И их обучать. Сейчас для новой системы мы предварительные ТЗ получили. Начинаем прорабатывать. Работа интересная и связана с... – Василий показал пальцем в потолок, что означало сверхвысокое небо. – Так что давай, сделаем этот прибор на мировом уровне, и он будет нам трамплином. Владислав Андреевич сказал, что отдал его в разработку самому опытному. И я чувствую, что он прав. Потому что ты первый из конструкторов, который пришёл разбираться в принципах работы электрической схемы. Вызывай меня в любое время и по любому вопросу. Василий Васильевич протянул руку, и они разошлись, довольные друг другом.

Сугробин решил вопрос с теплом, отведя его от генератора на корпус через изобретённый им контактный пружинящий теплоотвод во всю плоскость генератора. Пружинность тепловода позволяла компенсировать всю цепочку допусков сопрягаемых деталей. А корпуса

² Условное название г. Сарова.

³ Интегральные – от слова интеграция (объединение). Интегральная схема (ИС) – микроминиатюрное устройство состоящее из нескольких десятков (сотен) радиоэлементов в кристалле кремния неразрывно связанные между собой и предназначенные для приёма и обработки информации.

⁴ МВК – межведомственная комиссия

мощных транзисторов выставил наружу корпуса прибора. Обеспечение герметичности выполнилось десятком оригинальных уплотнительных замков. Конструкция была обсуждена у зам. главного конструктора и принята к исполнению. Владислав Андреевич передал в распоряжение Сугробина всю группу, и через два месяца документация была готова. Необходимость в приборе была велика, и первые образцы начали изготавливать по белкам.⁵

Так в трудовой напряжёнке пролетело лето и половина осени. Леонид не смог вырваться в Ростов и Нина не настаивала, соглашаясь с его причинами. «Я всегда буду тебе рада», – говорила она при нечастых телефонных свиданиях.

В конце октября сумела собраться и разлетевшаяся компания.

– Давай, Лёня, рассказывай. А то пельмени стынут, – дёрнул Леонида Зверев.

Сугробин поднялся.

– Сегодня у нас особый день, – начал он. – И что говорить о себе. Вы и так всё знаете. Как ещё в школе биографии рассказывали. «Родился, учился, сейчас не учусь». Так и я. Учился, женился, сейчас не женат. Я себя сегодня оцениваю по-другому, чем оценивал несколько лет назад. Тогда я был чистый романтик. Сегодня я циник – романтик сорок девятого размера.

– Какого ещё сорок девятого размера? Не бывает, – засмеялся Сургутин.

– Не бывает, но сорок восьмой я перерос, а до пятидесятого не дотянул. Шил костюм у портного, – пришлось пояснять Сугробину. – И нам всем по тридцать лет. Самые правильные из нас Зверев и Сургутин. Они родили детей и построили дома. Им осталось по завету ещё деревья посадить и вырастить. И их обязанности на земле будут завершены. Останется одно наслаждение. Ширяев ребёнка родил, а об остальном в его семейной жизни сплошная темнота. А я ничем не порадовал ни родителей, ни страну. Семья распалась, работать начал с нуля. И мне известна древняя притча, в которой чётко сказано, что «в тридцать лет жены нет, и не будет».⁶

– Не думай о жене и не прибедряйся с работой, – встрял Зверев. – Я слышал, когда был у главного, как докладывал Георгий Емельянович, начальник отдела, о приборе, сделанном Леонидом. При положительных испытаниях его на премию Ленинского комсомола⁷ представлять будут.

– Любо, Лёня, любо, – прогудел Ширяев.

– Стар я для этой премии, Володя. Если и будет премия, то без меня.

– Авторитет заработаешь, – сказал Валентинов. – И не мешайте ему продолжать.

– Живу в чужом доме. Накопил за это время полтора десятка предложений по улучшению системы под названием социализм, но сейчас вы едва ли будете под ними подписываться. Повзрослели, остепенились, имуществом обзавелись. Но почитайте. – Сугробин вынул из портфеля отпечатанный на машинке список предложений для ЦК и положил на тумбочку рядом со столом. – А лучше давайте выпьем за здоровье и успех.

– Хорошо сказал, – поднял стопку Зверев. – Я действительно не буду подписываться. А выпить могу. За то выпить, что надо работать и работать хорошо, не обращая внимания на тех, кто откровенный противник социализма и нашего государства. И чем больше мы сделаем сейчас, тем легче будет всё выправить потом. Я за это. А письмами там наверху каминны растапливают, если они доходят. А то, что они не доходят, я просто уверен.

– Твой батя тебя не одобрит, – сказал Леонид.

– Он и не одобряет. Но он на пенсии и ему детей больше не воспитывать.

⁵ Белок – оригинал чертежа, выполненный на ватмане.

⁶ Восточная притча – в двадцать лет ума нет и не будет, в тридцать лет жены нет и не будет, в сорок лет денег нет и не будет.

⁷ Премия им. Ленинского комсомола была учреждена для награждения молодых учёных не старше тридцати лет

– Давайте выпьем, – подытожил Ширяев. – Писать нет смысла. И разговаривать, ничего не делая, тоже нет смысла.

– И это значит, что лучше пить вино, – вмешался Валентинов. – Я и предлагал всем выступить и за каждого выпить. Чем плоха жизнь! Хлеб есть, водка есть. Картошку сами вырастим.

– Не грусти, – обнял за плечи Леонида Володя Зверев, когда они курили на кухне. – Пять лет назад мы были очень молоды и не всё понимали.

– А сейчас всё понимаем?

– Намного больше, как я сам осознал, – ответил Зверев.

– Так, – сказал Сугробин. – «Так прощаемся мы с серебристой, голубой заветною мечтой. Флибустьеры и авантюристы, братья по крови горячей и густой».⁸ Не флибустьеры мы и не авантюристы уже. И даже «не кочегары и не плотники».

– «Пьём за яростных, за непокорных, за презревших грошевой уют... – запел Володя, не обращая внимания на сказанное Леонидом.

– Я ведь отправил эти записки сразу после возвращения из армии. Зла не хватало смотреть и ничего не делать, – остановил песню Сугробин.

– И что ответили?

– Рано ещё. Года не прошло. А впрочем, как ты сказал, камин растопили сухими бумажками.

– Это бы было самым хорошим для тебя. Помнишь, в 68-м, «вражи» голоса передавали, как тех пятерых или шестерых, которые вышли на Красную площадь протестовать против ввода танков в Прагу, осудили и сроки дали. Мы с тобой тогда тоже за выпивкой протестовали. И ведь какой случай Брежневу предоставлялся. Мог показать империализму «человеческое» лицо социализма и снова привлечь миллиарды униженных и забытых капитализмом людей на всех континентах. И вошёл бы в историю, как могучий политический деятель. А так останется в памяти одного поколения, как «мелкий политический деятель в эпоху Аллы Пугачёвой».⁹ Но нам сейчас пузыри пускать бессмысленно. Все пятнадцать миллионов партийцев повторяют за вождём каждое его слово и вместе с прессой кричат, что «экономика должна быть экономной». И рвут от безхозяйственной экономики всё, что можно безнаказанно урвать. И плюнь пока на борьбу за настоящий социализм. Время не подошло. И пойдём к ребятам. Они обнялись и пошли в комнату, распевая во всё горло песню —

«Капитан, обветренный как скалы,
Вышел в море не дождавшись дня.
На прощанье поднимай бокалы,
Золотого терпкого вина...»

– А я теперь также как и Лёнька, молодой, одинокий, – докладывал хмельной Александр Ширяев. – Только он стопроцентный жених, а я семидесяти пяти процентный. В аспирантуру не поступил, и моя жена посчитала меня не перспективным. Дала отлуп и закрыла пацана от меня.

– Ну, раз вы двое с Сугробиним разведённые, то вам скучно не будет, – хихикнул Сургутин.

– Не скучно, конечно, но семидесятипроцентному без казённого жилья туго придётся, – посочувствовал практичный Валентинов. – Ему срочно одинокую с дитём и квартирой искать надо.

⁸ Строчка из стихотворения П. Когана.

⁹ Кто такой Брежнев? Ответ – «Мелкий...»

– Бросьте вы меня жалеть. «Будут ещё девушки весною, будут ещё танцы карусели», – запел Ширяев Вовкину любимую. Тот уже перебирал струны гитары и включился в песню. «Это ничего, что мы с тобою, вот уже немного постарели».

– А ещё лучше поступить, как тот деловой, – не унимался Валентинов. – Он родил, развёлся и женился на даме, у которой было трое детей и все от разных. И он платит двадцать пять процентов, а его жене платят семьдесят пять.

«Люди меняются и становятся теми, кем могут стать», – сформулировал Сугробин чужую мысль, засовывая никем не прочитанные предложения обратно в портфель. Он ничего не сказал друзьям о Турчинской. Ему казалось, что любое слово может разрушить хрупкую надежду на эту нечаянную его любовь.

II

С начальником отдела схемотехников Сугробин познакомился ещё когда работал в цехе; когда участвовал в выездах на природу вместе со Зверевым и Валентиновым. И появление Сугробина в рядах конструкторов Георгий Емельянович Рустайлин встретил с удовлетворением, пожелав успеха. Они поговорили наедине за жизнь и Емельяныч (так его называли друзья и близкие сотрудники, чтобы не мучить сложное имя и отчество) также как и Василий Васильевич, пожелал, чтобы он сделал хорошую конструкцию и путь будет свободен. «Strase frei, как говорят немцы», – улыбнулся Емельяныч.

Образцы прибора были изготовлены и прошли заводские испытания. По откорректированной документации срочно изготавливались образцы для межведомственных натурных испытаний. Одновременно документацию отправили на серийный завод в Москву. Сугробина произвели в старшие инженеры.

– Это моя новая должность. Я никогда не был старшим инженером. Был замом в цехе, начальником КБ, а старшим инженером, никогда, – сказал Леонид Владиславу Андреевичу, когда тот сообщил ему о его повышении. – Но как на Руси принято, с меня причитается. Только Чирикова ты сам пригласи.

– Как видишь, – сказал Чириков, закусывая коньяк долькой лимона, – я тебе дорогу не перекрываю. Вижу, что твои друзья давали тебе рекомендации не зря. Номинальный оклад в двести рублей уже неплохо. Поедешь в Москву внедрять своё изобретение в серию. У нас это первый раз с листа и в серию. А пока Владислав даст тебе новые задания на рассмотрение. Комплекс большой. Группе Владислава на разработку будет отдан борт.¹⁰

– Тогда поднимем за знакомство, – разлил по стаканам Леонид. – Как говорится – у матросов нет вопросов, а у старшего матроса всегда два или три вопроса.

Они сидели и обмывали повышение Сугробина на кромке высокого берега над Окой в парке под народным названием «Нижегородская Швейцария», скрытые от прогулочной дорожки густыми зарослями кустарников. За рекой до самого горизонта раскинулась заречная промышленная часть города. Корпуса автозавода были совсем рядом. Остальное перемежалось с жилыми кварталами и скрывалось в дымке до самой Стрелки, отделённой от них тремя мостами. Солнце с запада светило прямо в лицо и коньяк в стаканах переливался янтарным блеском. «За старшего матроса!» – сказал Сугробин. Зарплата старшего инженера в СКБ с премией равнялась его зарплате и тоже с премией как начальника КБ на заводе, и он был предварительно удовлетворён.

¹⁰ Борт – условное название летательных аппаратов за пределами земной атмосферы. Приборы для «борта» классифицировались как бортовые.

Рустайлин и Суматохин рассматривали список сотрудников на включение в состав кандидатов на звание лауреата премии имени Ленинского комсомола.

– Я написал всех, – сказал Василий Васильевич. – К сожалению, там два кандидата, которым по тридцать два. Это я и Владислав Андреевич. И тридцать будет весной Сугробину. Но если мы подадим заявку до весны, то Сугробин проходит.

– Ты тоже проходишь, как руководитель творческого коллектива. А Владислав не проходит. И от конструкторов достаточно одного человека.

– Тогда остаётся Леонид Иванович. Его можно записать замом руководителя творческого коллектива.

– Наши верхи могут не понять. Только пришёл и сразу в лауреаты.

– Но это он сделал конструкцию прибора. Макет никаких испытаний не выдержал. А образец, сделанный Сугробиним, всю механику и климатику прошёл без задоринки. Низы не поймут. Ко мне из КО начальник группы подходил и сказал, что если Владислава включат, а Сугробина нет, пойдёт в партком. Все в отделе видели, что всё сделал Сугробин. Да и мы с тобой это знаем.

– Ну, низы в нашей системе поговорят и ничего не сдвинут. Сошлёмся на критический возраст, пообещаем дать ему группу и перспективу на потом. Мужик он умный, шуметь не будет.

– Так-то так, – вздохнул Василий Васильевич, но тридцать лет ему больше не будет.

– Такова жизнь. Кисмет! – закончил беседу Емельяныч. – У каждого своя судьба. Звёзды не светят сегодня в его сторону. Перепечатай набело и убери этого молодого сексуального разбойника, – ткнул пальцем Емельяныч в фамилию Макса Воскобойникова в списке. – Жена здесь работает, так он ещё здесь же подружке её ребёнка заделал. А та сразу связь обнародовала. Может весь хороший коллектив зарубить. И список у Чирикова подпиши.

Сугробин не видел и не слышал закулисных разговоров о нём. Он был в Москве в роли художника. Управление к совещанию готовило выставку достижений и Чириков направил его «размешивать краски».

– Ты склонен порисовать. У нас художники заняты, и руководство попросило меня направить конструктора. Познакомишься с московским НИИ, с министерской гостиницей и с министерством. С тобой поедет референт главного со всеми бумагами. А ты поможешь, как можешь.

– Неудобно будет перед художниками, – возразил было Сугробин. Но Чириков сказал, что пусть начальству будет неудобно, а мы извозчики – куда скажут, туда и повернём.

– Ладно, – сказал Леонид. – Раз партия за всё в ответе, то нам всё нипочём.

– Ты аккуратнее с партией. Не ровён час – замажут.

– Так я газетный лозунг повторил.

– Лозунг можно по-разному рассмотреть, – буркнул Чириков.

Референт и Сугробин отметились в управлении на Большой Ордынке и отправились в гостиницу, располагавшуюся напротив сталинского высотника на Москве реке. Гостиница была явно не по министерству. В холле перед администратором собралась толпа приезжих человек в пятьдесят, и ждала до десяти вечера, не шумя и не раздражаясь. Они с референтом съели первый ужин в буфете, погуляли по окрестностям, купили пузырь на вечер.

– В командировке выпить по приезду как бы традиция, – пояснил референт Николай Васильевич, мужчина не первой молодости с значком «Заслуженный радист СССР» на лацкане пиджака.

– Почему не заселяют? – спросил Сугробин. – Время десятый час вечера. Расчётный час с двенадцати дня. Какого беса они нас мордуют. И никто не пикнет.

– Мы просто рано подошли.

– Так это предложение, чтобы народ знакомился с Москвой. Так декабрь на дворе. Холодно, сыро, неуютно. Бардак это, Николай Васильевич, – сказал Сугробин. – А я то думал, что в этом министерстве всё образцово. И гостиницу можно было бы получше построить при наличии таких денег.

– Ты Чехова читал?

– Было время.

– Есть рассказ у него про книгу предложений в станционном буфете. Так там на жалобу о плохой котлете была приписка: «Лопай, что дают!» Так и нам приходится брать то, что и как дают. А в прочем, как я думаю, – оговорился Николай Васильевич, – всем ведь ведал Берия. До пятьдесят третьего он не успел бытом заняться, а после него Хрущёв начал туалеты с ванной совмещать...

Мало знакомым говорить ни о чём не просто. Они сидели и молчали. Наконец, в половине одиннадцатого народ зашевелился.

– Пойдём поближе, а то определяют ещё на десятый этаж, а это филиал в двух километрах отсюда, – сделал предложение Николай Васильевич.

Они придвинулись к стойке. Администратор начала называть фамилии руководителей предприятий, командированные из которых устраивались в первую очередь. Фамилии нашего директора названо не было.

– Как отва? – спросил Николай Васильевич.

– Среди первых, – ответила администратор.

Коллеги протянули документы.

Художник рисовал эскиз со слов Николая Васильевича, который Сугробин должен был перенести на планшет. Художник был недоволен таким помощником, но рабочие руки есть руки.

– Ты представляешь, как крылатая ракета летит на цель, – спрашивал художника Николай Васильевич. – Вот слушай. Сначала она стартует в направлении объекта, который должна поразить. Корабль, например, который находится в трёхстах километрах от пусковой установки. И летит боевая сигара по прямой на небольшой высоте, копируя складки поверхности. Подлетая к цели и не обнаружив её по направлению полёта, она поворачивается налево до прямого угла. Не обнаружив цель, поворачивает направо. Цель в пределах ста восьмидесяти градусов обязательно находится. Ракета, невидимая локаторам, летит на цель. На критическом расстоянии поднимается вверх и пикирует на цель. Среагировать ни люди, ни техника не успевают. И всё это обеспечивает вот этот кубик (Николай Васильевич показывает фотографию).

– Понятно, – говорит художник. И Сугробину, – бери планшет и прочее. Перенесёшь эскиз в масштабе и раскрасишь.

– Как художник, я зарабатываю деньги уже второй раз, – подмигнул Сугробин Николаю Васильевич, вспомнив, как рисовал плакат в Забайкалье.

Через день прибыли два художника из Челябинска. Главный художник выставки повеселел и уже не смотрел хмуро на Леонида, подшучивал, давая ему очередное поручение. Челябинцы поселились в соседнем номере и в выходной день пошли в Третьяковку. Сугробин провёл весь день с ними. И это было его второе посещение знаменитого художественного музея. С художниками было просто, без напряжения.

Новый год Сугробин и Ширяев, два холостяка, созданных вновь стечением обстоятельств, отправились встретить на малую родину. С Турчинской они решили, что этот новый год они проведут каждый по-своему. «Мне надо отдохнуть, – каким-то извиняющимся тоном сказала она. – Много всего набралось и накопилось». Нину он сумел навестить в праздник Октябрьской революции, прихватив отгулы от напряжённой работы. Она не обрадовалась, как всегда его звонку, а на сообщение о приезде помолчала, прежде чем ответить, что рада.

«Может, тебе мой приезд неудобен сейчас? – спросил Леонид. «Нет, нет, я жду, – быстро исправилась Нина и рассмеялась. – Не задумывайся. Ты моя любовь». Нина жила в университетском общежитии вдвоём с подругой. Сугробин был согласен погостить и в общаге с аспирантами, но Нина категорически сказала, что «её лейтенант» не может унизиться до студента, и даже не познакомила с местом своего обитания. Гостиницы перед праздниками опустели, и с жильём проблем не было. В Ростове было тепло. Они прокатились на катере до Азова. Сугробин ещё со времён службы хотел посмотреть места, где Пётр 1 воевал для России Чёрное море. В Ростове обошли злачные места, где Сугробин не забывал напеть блатной мотив «как открывалась ростовская пивная, где собиралась компания блатная...». Леонид делал предложение о знакомстве с родителями Нины, но не нашёл поддержки. «Рано ещё, – сказала она. – Они и так о тебе всё знают. Но не одобряют наших быстрых решений. Ты только что развёлся, я тоже недавно освободилась от штампа. Побудем независимыми. Может к новому году наша стабильность закрепится. Ведь я только второго года аспирантка, а ты начинающий инженер».

У состарившихся ворот родительского дома Сугробина встретил недружелюбным лаем пёс серого окраса, покрытый блестящей густой шкурой.

– Свои, Цезарь, – крикнул стоявший с метлой у молодого клёна, Иван Макарович. И подзвал собаку к себе. – Здорово, сынок. Как хорошо, что подъехал. Они обнялись. Собака радостно прыгала на обеих. – Татьяна завела летом. Говорит, с собачкой жизнь совсем другая. А я и так всегда думал, что у баб жизнь другая. Мужик у них должен быть, а собака так. Да что поделаешь. А жизнь идёт. Вон клён-то какой, а давно ли ты веточку в землю воткнул. Леонид подошёл к дереву, вытянувшемуся вверх вровень с коньком крыши. Ствол дерева на высоте груди он едва обхватил пальцами обеих рук.

– Жизнь – это могучая штука, – сказал он, заходя на крылечко.

– Опять холостой, – неодобрительным тоном сказал Иван Макарович, когда Леонид обнялся с мамой Тиной, и они присели на диван.

– Не трогай ты его, – заступилась мама Тина. – Чего тебе больно надо. Внук и внучка есть. Дочка на постоянную жизнь домой приехала. Живи и радуйся. Шёл бы баню топить, чем ворчать.

– Ладно, пойду топить. Только четвертинки у меня нет. Сходить в магазин надо.

– Не надо ходить. Я привёз с собой, – сказал Леонид, доставая бутылку «Столичной».

– Тогда совсем всё хорошо, и тратиться не надо, – сказал Иван Макарович, надел полшубок и вышел.

Из школы пришла меньшая сестра Татьяна, уже перешагнувшая бальзаковский возраст, но выглядевшая молодо и с морозца румяная на обе щёки.

– Ой, малыш приехал! – радостно сказала она. И подошла целоваться не раздеваясь.

– Разденься сначала. Застудишь парня-то, – остановила её мама Тина.

– Он молодой, крепкий, – засмеялась Татьяна. – Вот у нас и компания на новый год. Никого приглашать не надо.

Зазвонил телефон, который Леонид не заметил по приезде. Сестра подняла трубку, переговорила.

– Поставили без очереди, как учителю, – сказала она, вешая трубку.

– Очень хорошо. Валентину тоже поставили. Письма можно не писать. Цивилизация – это удобства. Вам бы ещё водопровод

– Не вижу пока проблем. Колодец с прекрасной водой рядом. Одного ведра в день на всё хватает. Для бани десяток вёдер достаточно. Говорят, что насос можно поставить при большой надобности.

– Нет проблем, нет и забот, – ответил Леонид. – Пойду, помогу отцу в бане.

Внуков Ивану Макаровичу не хватало, и он грустил. И отец у него, и дед, и прадед и пра, пра, которых он знал по рассказам отца, всегда имели много внуков. А у него даже те, которые есть, далеко от него.

– Непорядок в нынешнем государстве, – ворчал он сам с собой. – Какое это государство, если семьи разбегаются. И сыновья с отцами в одном доме не живут. И дочерей по родительской воле замуж не отдашь. А бабы своевольные и вот одна дочь ничего не насвоевольничала. А семьи и детей нет, какое у бабы счастье. Эх, жизнь моя некудышная. Хорошо в баньку ещё смогаю ходить.

Иван Макарович подкинул пару поленьев в огненную печь. Заскрипела дверь и в баню, нагнувшись, пролез Леонид. За ним протиснулась собака.

– Кыш! Куда! – замахнулся на Цезаря Иван Макарович.

– Да пусть побудет. Мне Джульба сразу вспомнилась. Та всегда от меня не отходила, когда я приезжал. Как топится? – спросил он, присаживаясь. – Покурю здесь. До помывки выветрится.

– Кури. Чем сейчас занимаешься? Уж на которой должности за восемь-то лет работаешь. Да учился ещё. Из начальников ушёл. Думаешь в рядовых лучше. Так и будешь без жены, без детей, без дома. Татьяна вон поболталась почти двадцать лет, и вернулась к отцу. Ничего не наработала.

– Так ты же сам хотел, чтобы с тобой дети были.

– Я хотел, чтобы сразу, молодые оставались. И здесь гнездо вили, свою жизнь строили. А коль пошли счастья искать, то я хотел, чтобы нашли его, а не вертались, как «блудные» дети. Я ведь всем добра желаю.

– И мы себе добра желаем. Не всегда получается. Сейчас я начал работать на том направлении, куда меня вело предчувствие. Ты ведь сам не раз говорил, что без божьего веления волос с головы не упадёт. Так!

– Да так. Но в то же время я не переставал говорить, что «на бога надейся, а сам не плошай». Бог бездейственных не одобряет. И скажи, сейчас бомбы что ли делать будешь?

– Бомбы, отец, уже сделаны. Проблемы сейчас в доставке этих бомб по назначению и очень точно. Чтоб в «Белый дом» и никуда больше. Над этим и думают лучшие умы. И я, возможно, буду у них одним из многих помощников.

– Не сладко будет нынешнему солдату. Ещё в шестнадцатом году, когда меня контузило, пушки немецкие так били по траншеям, что страшнее того ада и представить нельзя было. А сейчас...

– Как твои? – спросил Ширяев, усаживаясь по удобнее за столик в общем вагоне скорого поезда. И не дожидаясь ответа, сказал: – Мои в трансе, когда узнали, что к ребёнку меня не допускают. Требуют через суд права добиваться. Я же думаю – разбавил еврейскую кровь славянской, и пусть живут. Правда о происхождении моего сына прорвётся к нему. Ещё Сократ говорил, что «всё тайное рано или поздно становится явным». Так твои-то как? Я всё о себе.

– У кого что болит, тот о том и говорит, – усмехнулся Сугробин. – Я тебя понимаю. Обидно. Не знаю, какая у тебя была любовь. Но я своей, народи она мне хоть полдюжины, отдал бы всю нежность и проявил всю возможную заботу. Но был наказан за настойчивость. И теперь окончательно убедился, что высшие силы сдерживают мои намерения о создании семьи и детей. А родители грустят, но смиряются. «Всё в руках божьих», – говорит отец и идёт к иконам креститься.

– И меня также эти же силы оставляют одного, – вздохнул Александр. – Не верил я ни во что, а приходится задумываться.

– Ничего, Саня. Если нам нечего терять, то и опасаться нечего. Вперёд и вверх!

1970 год Жиндрию Ллойд Вебер написал оперу «Иисус Христос – супер звезда»

1970 год. В развитых странах началось промышленное освоение волоконно – оптической связи.

1970 год. «Луна 16» доставила с Луны грунт. «Луна 17» доставила на Луну самоходку с аппаратурой. Аппарат «Венера 7» совершил мягкую посадку на планету Венера.

1970 год. Проведена перепись населения. В СССР оказалось чукчей – 14000 человек (всего народов Севера, Сибири и Дальнего востока – 131000). Цыган оказалось 170000 человек. А евреев 2151000 человек. По переписи 1887 года евреев в Российской империи насчитывалось 5200000 человек.¹¹ Видимо, остались в Польше остальные.

1971 год. В СССР была запущена и заработала орбитальная станция «Салют» и осуществлён запуск на планету Марс космического аппарата «Марс—3» и его мягкая посадка на планету.

1971 год. В оркестре Олега Лундстрема появилась новая солистка Алла Пугачёва.

1971 год. С 30 марта по 9 апреля прошёл XXIV съезд КПСС.

Субботин в год тридцатилетия известил о себе в новогодних поздравлениях всех своих друзей и хороших знакомых без исключения. Даже не забыл Катеринку, которая сравнялась с ним в опытах жизни, вышла замуж, жила в Братске и не напоминала Леониду, что он для неё единственный достойный. Руденко сообщил, что надоели холода, и он уезжает в Киргизию. Фомин Виктор родил второго ребёнка, работал на патронном заводе и начал строить дом. Клецёв прислал толстое письмо с вырезками своих публикаций. Крюков прислал фотографии дочерей и приглашал приезжать к нему, обещая представить ему ладную невесту, которая станет верной женой. Промолчали Чащихин, Петрович и Смирнов, а Симонов пропал совсем. «Каждый становится тем, кем должен стать...», – повторял не раз Леонид.

III

«Дорогая моя столица, золотая моя Москва». Сугробин проснулся в гостиничной постели от ярких лучей апрельского солнца, упавших ему на лицо. Он вспомнил, что сегодня выходной и строчки вечной песни о Москве сами вошли в него, и он их произнёс громко и с чувством. На двух других кроватях, составлявших трёхместный номер, зашевелились коллеги. Один был «сексуальный разбойник» по определению Емельяновича, двадцатипятилетний инженер Максимилиан Воскобойников. Он разработал для прибора усилитель низкой частоты и замещал Василия Васильевича, когда того не было по служебным причинам. Вторым коллегой был в номере Василий Васильевич Суматохин, начальник группы и человек, лишивший звания лауреатов и Сугробина, и Воскобойникова. Ни Сугробин, ни Воскобойников не поднимали вопрос о своих заслугах. Сугробин вместе с Суматохиным представляли прибор на смотр главному инженеру Главного управления в министерстве. Леонид подробно объяснял конструкцию и способы, какими он добился выполнения поставленных требований. А когда тот спросил, почему его нет в составе кандидатов на премию, улыбнулся и сказал, что возрастом не вышел.

В этот раз они приехали на завод сопровождать внедрение прибора в серийное производство и осуществлять авторский надзор. Только что прошёл партийный съезд, и Москва освобождалась от рекламных транспарантов. Генеральным секретарём был подтверждён Леонид Ильич Брежнев. Первый секретарь горьковского обкома КПСС К. Ф. Катушев был избран секретарём ЦК. Москвичи ревностно следили за вождями, приходящими из провинции. Политизированный народ активно обсуждал решения и надеялся. Сугробин мало на что надеялся. После тихой встречи нового года он взял отгулы и двенадцатидневную путёвку за семь рублей

¹¹ Журнал «Международный сионизм», 1977 год, стр. 34.

и двадцать копеек в дом отдыха в Зелёный город¹². Десять дней ежедневных четырёхчасовых лыжных прогулок вернули ему работоспособное настроение и поправили утраченное здоровье. Но осталось всё остальное: жены нет, жилья нет, лауреатство пролетело. Турчинская на женские праздники не приехала, как договаривались. И обещалась в утешение быть с ним летом, если Леонид возьмёт отпуск, поехать с ним на Азовское море к своим родственникам, где они будут одни, затерянные от всего мира. Что-то у неё в отношении Сугробина не ладилось. В Москву на завод он привёз с собой письмо от руководства, в котором назначался официальным представителем с правом подписи за главного конструктора всех технических документов. И надеялся не только провести в Москве длительное время, а привести в Москве в какое-нибудь новое направление свои мысли и чувства.

– И чего шумишь. Такая рань ещё, а он уже Москве гимны распевает, – открыл глаза Макс.

– Он доволен. Вчера видел, какое внимание ему девушка из лаборатории оказывала, – сказал, приподнимаясь, Васильевич. – Я же говорил Емельянычу, что холостяков в Москву надолго посылать нельзя. Охмурят их москвички и оставят в Москве навсегда. Так нет, стоит на своём. Он разработчик конструкции, только ему поручаю.

– Какой я разработчик! – разозлился Сугробин, вставая с кровати. – Всю неделю ты здесь жужжишь всем об этом. Если бы я был им, то был бы в списке лауреатов. А вы мне с Емельянычем только и сделали десять процентов прибавки к квартальной премии. И послали ответственным на завод. А сами завтра в Керчь на полигон. Вино пить крымское. Я б тоже мог на полигоне пополачиваться, и за вредность прибавки получать. Удалова включили на лауреатство, но он точно по годам не пройдёт. Зачем так! И на Макса подружка в ЦК ВЛКСМ писать бы не стала. Жопы вы с Емельянычем, если по правде говорить.

– Оставь ты его, – вяло сказал Макс. – Мне уже всё равно. Ничего у меня с этой девушкой не было и ребёнок не мой.

– Ну, уж сволочью – то совсем не будь, – оборвал его Васильевич. – Сумел напроказить, умей и ответ держать, как мужик. О чём вы говорили друг с другом, когда трахались. Тогда бы и надо было договариваться. А сейчас ты как побитый щенок выступаешь. Она же сказала, что в суд подаст, как только родит.

– Это её дело.

– А тебе, Лёня, Емельянович обещал группу дать.

– Он мне отпуск на июль обещал. А про группу ничего не говорил.

– Испытания пройдут, и сделает, а не только скажет. И ладно! Завтра мы с Максом уезжаем. Ты за всех останешься. Эсвэчистыв понедельник подъедут, и ты им спуску не давай. А что сегодня будем делать?

– Мне та девушка из лаборатории билет подарила в Большой театр. И я вечером в театре, – сказал Сугробин

– Ох, повторяю, что нельзя холостяков отправлять в Москву надолго. Осенью будем констатировать, что с задания Сугробин не вернулся, – с деланной весёлостью проговорил Суматохин.

Коллеги молчали.

– Вот оно, гнездо советского милитаризма, – показывал Сугробину снимок своего завода из космоса в зарубежном журнале Сергей Лагутин, руководитель конструкторской группы серийно – конструкторского бюро. – Смотри подпись. Так без перевода латиницей и написано – «гнездо советского милитаризма». – Уважают нас.

¹² Зелёный город – курортная местность в черте города Горького, застроенная санаториями, домами отдыха, пионерскими лагерями.

– Действительно уважают, – полистал журнал Леонид.– И снимок хороший. Тебя бы ещё крупным планом изобразили, когда ты голову вверх задираешь. Вот бы похвастался перед ребятами.

Ребята в группе были в возрасте за сорок. Невысокий армянин Эдуард Осепян, и высокий русский Виктор Данилин.

– О! – воскликнул Данилин, когда Сугробин с Суматохиным появились в конструкторском зале. – «Горько в чане» приехали. Как жизнь в Горьком?

– Какая может быть жизнь, если сам назвал место, откуда мы прибыли, горьким. Так и живём. Ни магазинов «Берёзка», ни дешёвых столичных рынков. По отъезде из столицы отводим полдня на её разграбление. Тем и живём недели две. А затем опять в командировку в столицу.

– Н—да. Через таких мешочников, как вы, в центре не протолкнуться. Хорошо, что мы с краю живём, не замечаем.

– В центр вы с Осепяном выпивать ездите, чтобы при доме незаметно было, – подначил Лагутин.

– Ну, скажешь тоже, – возмутился Данилин.

– А про кого стихи сложили, – не унимался Лагутин. – Слушай, Лёня. «По улице Неглинной идёт Данилин длинный. А следом Осепян, в руке несёт стакан».

– Было один раз, было, – признался Осепян. – Но один только раз.

– Вот что, Сергей, – сказал Сугробин на следующий день, когда все церемонии знакомств с заводом были закончены. – Я здесь осяду до выпуска заводом установочной партии. Есть просьба по пятницам или субботам обеспечивать меня билетами в Большой театр и в театр на Таганке. В остальные места я сам пробьюсь.

– Я тебя познакомлю с культорганизатором СКБ, а надо будет, в профком ходим. Наш милитаристский завод уважают. Думаю, что всё тебе сделают. Встречу Сугробина с культорганизатором и засёк остроглазый Суматохин.

Сугробин прожил в Москве до дня сталинской конституции в декабре месяце. Он не раз читал эту тоненькую книжечку и считал её лучшим документом из подобных. Надо было совсем немного: довести социализм до уровня её статей и перевести на законодательную базу. Но вверху почему-то считали, что социализм построен.

Леонид выписывал командировки на двадцать дней. По окончании срока возвращался, оформлял новую командировку и, побыв в Горьком два – три дня, возвращался в Москву. Соквартирник Слава едва успевал перекинуться с ним несколькими словами. Завод для удобства в работе поселил его в полукилометре от завода в гостевой комнате при ЖКХ, и он стал почти москвичом. Всё СКБ его знало, знали технологи в механическом и выпускном цехах, офицеры военной приёмки вежливо раскланивались. Для ускорения освоения, из Горького поставили десять комплектов деталей. Детали подвергались входному контролю. Не соответствий с документацией хватало. Руководство завода, придавленное сроками, давало сообщения в Главк. Оттуда бумага шла в Нижний, а из Нижнего к Сугробину. Сугробин требовал направить к нему солидного представителя от производства для решения вопросов на уровне. В итоге приехал зам. главного инженера по производству Виталий Фомич. Крупный седой мужик, добродушный и улыбчивый. Был призван в армию в сорок четвёртом семнадцати лет и успел повоевать танкистом. У него подрагивала правая рука от боевой контузии, и он долго ставил перо на бумагу, прежде чем мог поставить подпись.

– Что у тебя, Леонид Иванович? Заколебал тебя завод.

– Мы сами себя заколебали, Фомич. На сопроводилках везде штампы ОТК стоят, а у здешних контролёров десятки несоответствий. Сплошной неудобняк. Я всё пропущу, но пусть приезжают наши контролёры, ведут совместную проверку и оправдываются.

Виталий Фомич звонит начальнику механического цеха.-

- Слушай, Федя, пришли мне какую-нибудь б... из ОТК сегодня же.
- Фомич, а тебе какую прислать, белую или чёрную.
- Если хочешь, обеих присылай, но чтобы завтра утром были на заводе.

Наутро прибыли две женщины и неделю под водительством Фомича перепроверяли детали. Фомич не видел препятствий в таких делах. Рассказывали люди. В Ленинграде проснулся он после вечерней выпивки и на Невский. А все заведения спиртным торгуют с одиннадцати. Заходит в кофейню.

- У вас коньяк есть?

В стране постоянно-действующий этап борьбы с пьянством.

- Коньяк только с одиннадцати.

- А кофе с коньяком?

- Кофе с коньяком есть.

- И сколько коньяка на одну чашечку отливаете?

- Пятнадцать граммов.

– Мне, пожалуйста, десять чашек кофе с коньяком. Только кофе отдельно, и коньяк отдельно.

В сборочном цеху пожилые радиомонтажники с любопытством и интересом рассматривали микросхемы и печатные платы, на которые им предстояло их распаять. Микросхемы как четырнадцать лапые паучки, перевернутые вверх лапками, лежали на чистом полотне. Технологии на работу ещё не было. В чертежах было обозначено требование – распайку микросхем выполнять строго по ТУ на микросхему. ТУ тоже не было. Лагутин и Сугробин проводили техучёбу.

– Сначала надо приклеить микросхему через прокладку к плате, ориентируя её по ключу на плате и микросхеме. И так, чтобы все лапки легли на контактные площадки платы. Паять паяльником мощностью не более 30 ватт с заострённым жалом. Паяльник с припоем кладётся на лапку и держится одну секунду. И так все четырнадцать лапок, – спокойно и неторопливо рассказывал Сугробин, как на занятиях в профучилище.

- Тебе бы, Леонид Иванович, преподавать надо, – сказал начальник цехового техбюро.

– Я и преподавал в нужное время, – ответил Сугробин. И к монтажникам, – Я у вас на заводе прописан до сдачи прибора. По всем вопросам через ваших технологов обращайтесь и я буду с вами.

В СКБ в конструкторском отделе и в лабораториях спецы строчили извещения об изменениях конструкторской документации, исправляя недочёты разработки и подгоняя КД под особенности производства. Вносили свою лепту и разработчики, подбрасывая уточнения электрических схем и требования технических условий. Все изменения согласовывались представителем заказчика. Военные инженеры расписываться не любят в бумагах на изменения. И в начале работы по прибору отношения с ними были сложными. Они ждали результатов натурных испытаний и заключения МВК.

Сугробин в первые же дни появления на заводе познакомился с начальником военной приёмки и ведущими спецами.

– Я буду утверждать все изменения, как главный конструктор, – предъявил он письмо начальнику приёмки о данных ему полномочиях. – И предварительно я просматриваю все подготовленные извещения, прежде, чем они появятся перед вами..

– Вот и хорошо, – согласились с ним военные. – Прибор срочный и такая постановка работы с вашей стороны будет положительна.

IV

В жаркий июньский полдень Рустайлин, Суматохин, Воскобойников и капитан второго ранга из военной приёмки их предприятия сидели на лавочке на горе Митридата и курили. Вчера состоялось заключительное заседание МВК, подписавшей заключение о испытаниях прибора с рекомендацией к серийному изготовлению. Хранимая для этого случая пятилитровая канистра спирта была выпита творческим коллективом разработчиков, комиссионеров и испытателей всех сторон. Утром каждый приводил себя в порядок по возможностям. Боевая четвёрка оказалась на горе Митридат.

– Митридат¹³ был отважный воин с характером. Ему не грозила смерть, если бы он сдался на милость победителей. Но он предпочёл смерть и убил себя сам. И навсегда вошёл в историю, как герой. Не сделай он этого и едва ли бы мы, спустя два тысячелетия, вспоминали о нём. – Симпатичная молодая керчанка звонким голосом рассказывала группе курортников, любителей истории, к которым на центральной площади присоединились горьковчане, не знавшие как выветриться. – А ведь Митридат был молод. Ему было всего тридцать один год.

– Васильевич, а ты ровесник Митридату, – сказал Емельяныч. – И тоже в историю вступишь. Без пяти минут лауреат премии Ленинского комсомола. С тебя причитается. Особенно Макс. Правда, Макс.

– Отстали бы вы от меня с этой премией. Лучше бы любовались красивой девушкой. Вся светится под солнцем и голос такой звонкий. Познакомиться бы с ней неплохо.

– Вот сексуальный маньяк, – засмеялся Емельяныч. — Жена есть, любовница уже родила, а он за керчанкой приударить желает. Правильно мы его из списка изъяли.

– А девушка действительно хороша, – вздохнул кап.2. Он зачем-то одел мундир и потел.

– Всё. Пора в пивную, – подвёл итог Суматохин. – Раз разговоры повернули на баб, отвлечь народ можно только пивом с креветками. Народ вниз пошёл, к автобусу. Отставать не следует.

В пивной на набережной они приняли по две кружки и пощёлкали креветками.

– Работы кончились. Завтра автобус с аппаратурой и механиками домой отправим. И нам пора подумать об отъезде, – сказал Емельяныч, раздирая толстый хвост крупной креветки.

– Рано ещё. Денька три на пляже покувыркаемся и поедим.

– Я не предлагаю лететь немедленно, – сказал Емельяныч. – Предлагаю сейчас сгонять в аэропорт, узнать расписание, а может и билеты прикупить. А вот и такси остановилось. Емельянович легко снялся с места и через мгновение махал рукой остальным, – всё путём, поехали.

Такси остановилось в стороне от входа в аэровокзал, но перед выпендрёжной кафешкой, откуда лилась тихая музыка, и веяло прохладой. Макс, вышедший первым, нырнул в кафе и торжественно шёл к остальным.

– Там сурожский портвейн стаканами и бутылками. Сколько можно спирт глотать. Вчерашнее дело надо облагородить.

Скольким количеством портвейна они себя облагораживали, никто не помнил. Никакого расписания они не посмотрели и билеты не заказали. В часть их привёз Макс, оказавшийся твёрже остальных. Не забыл прихватить он и «Сурожского». И уже за полночь проснулся и прихлёбывал из бутылки, откинувшись на спинку кровати. Близился рассвет, быстрый на юге, как и вечер. Засопел и зашевелился Емельяныч, открывая глаза и удивлённо оглядывая комнату.

– И давно мы дома? – спросил он.

Макса понесло.

¹³ Митридат У1 Евпатор, царь Понта, подчинивший себе всё северное причерноморье. Был побеждён римлянами и, не желая сдаться, покончил с собой.

– А как из Иванова (первое, что пришло ему в голову) прилетели, так сразу в часть, домой.

– Какое ещё Иваново?

– А ты что, не помнишь. Сам настоял: «Летим в Иваново и всё». «Зачем в Иваново?» «Надо!». Вот втроём и полетели. Моряк отказался. А ты погулял в аэропорту Иванова, подумал и сказал: «Летим обратно. Ошибся». Хорошо, что рейс обратно сразу шёл. Сели в самолёт и обратно в Керчь.

Георгий Емельянович задумался. Приподнялся Суматохин, молчавший во время разговора. Макс подмигнул ему и приложил к губам палец: «Молчи!»

– Дай-ка бутылку, – попросил Емельянович. Отпил большой глоток и засмеялся.

– А в Иваново-то зачем? Никогда там не был и дела никакого не имел.

– Наверное, потому, что Иваново город невест, а Керчь город моряков. Моряки поднадоели. И потянуло к невестам, – очень серьёзным рассудительным тоном сказал Суматохин.

Емельяныч отпил вина и снова рассмеялся.

– Ну и ладно. Все дома, все целы. Ни перед кем оправдываться не надо. Да и у нас полная победа. Леониду Ивановичу в Москву надо с утра телеграмму дать, порадовать.

Ребята так и не сказали ему, что был импровизированный розыгрыш. И никакие самолёты из Керчи в Иваново не летали. Но Емельянович не раз ещё хмыкал и предупреждал при случае своих сотрудников, чтобы в «Иваново» не летали.

V

В таких командировках, какая была у Сугробина, можно любому человеку было жить по-разному. И жили по-разному. В пиковые моменты на заводе собиралось до восьми человек разработчиков одновременно для решения вопросов своей узкой специализации в комплексе. Было шумно. Три гостевые комнаты при ЖЭКе гудели от перенапряжения. Напряжения на работе хватало. Приходили поздно, жарили московское дешёвое мясо и заедали им «наркомовские» граммы спирта. По утрам в выходные долго спали и медленно жили. Любители – картёжники расписывали пульку и сидели целыми выходными днями в сигаретном дыму под лёгким кайфом. В соседнем гастрономе продавался шестидесятиградусный пуэрто – риканский ром. Напиток крепкий, очень приятный на вкус и по цене водки. Макс, чтобы не напивались, установил правило, чтобы наливали по ниточке тем, кто объявит «восьмерную» игру и выше. Сугробин вернулся из театра в один из воскресных вечеров и застал громкий хохот игроков и болельщиков. Коля Мартынов, инженер из лаборатории СВК¹⁴, держал карты рубашками к себе и заказывал «восьмерную».

Сотрудники прибывали и убывали. Леонид был практически постоянно. Полушутливые предположения Суматохина о том, что он найдёт москвичку и останется в Москве, были безосновательны. Он не ставил себе такой задачи, потому что внутри его жила ростовчанка. Но «Ростов на Дону. До востребования» и телефон завкафедрой были единственными ниточками, связывающей его с миром любви и страстей. Ниточки были тонкими. Она уже два года училась в аспирантуре в Ростовском университете и работала лаборантом на кафедре.

– Быть научным работником для женщины самое то, – сказала она. – Через три – четыре года сделаю кандидатскую и возьму тебя к себе. Не пропадай.

Он не пропал. Но Нина оставалась «девушкой без адреса».

– Как у нас Азовское море? – позвонил Сугробин, оформив отпуск на начало июля. – Я могу поехать к тебе прямо из Москвы.

¹⁴ Система внутрприборного контроля.

– Всё хорошо. Я тебе дам телеграмму, когда тебе подъехать, чтобы мы сразу поехали на море.

И подала. « Милый Лёня! Я пропадаю без тебя, но ничего не могу поделать со своими желаниями. Дали на кафедру две туристические путёвки в Югославию. Я так давно хочу побывать за рубежом. Не устояла. Прости. У нас всё впереди».

– Твою мать! – только и сказал Леонид и скомкал в кулаке листок телеграммы.

– Не бери в голову, – сказал ему Сергей Лагутин, которому он пожаловался на судьбу. Сейчас пойдём в профком и дадим тебе путёвку под Москву. Наши профсоюзы созвонятся с вашими профсоюзами, и они договорятся, как компенсировать путёвки. Отдохнёшь, и всё рассосётся.

Сугробин был зол. Здравница была переполнена очаровательными москвичками.

Желание Сугробина быть в Большом театре исполнилось. Он получал билеты на все спектакли, которые хотел увидеть. Ю. П. Любимов в театре на Таганке ставил «Пугачёва» по поэме С. Есенина с Вл. Высоцким. Сугробин отметил и там и увидел «живого» Высоцкого, становившимся неофициальным кумиром всего народа. «Покажите мне этого человека...», -хрипел Высоцкий, вырываясь из удерживающих рук. А императрица игриво касалась пальчиками выпуклостей на мужских рейтузах, проходя мимо строя бравых императорских гвардейцев. «Быть или не быть?», – тем же хриплым голосом допрашивал Высоцкий ошалелую публику, изображая Гамлета таким, каким представлял его Сугробин. Не пропускал Леонид и другие театры и концерты, музеи и стадионы. В кинотеатре «Иллюзион», располагавшимся в сталинской высотке на Москве – реке у впадения Яузы, просмотрел многие иностранные фильмы, не пропущенные в нашу страну. В зале сидел переводчик с микрофоном и переводил синхронно. И даже прокатился с Суматохиным на ««американских» горках, только что появившихся в ЦПКО им. Горького, для чего пришлось отстоять длинную очередь. Центр города в пределах Садового кольца стал хорошо знаком и наглый таксист не мог увезти его в другом направлении от заказанного адреса. С навестившим его Чириковым они выпивали в сквере напротив кинотеатра «Ударник». Ухоженный элитный сквер вдоль рукава Москвы реки, казалось, не допускал вольностей. Но на дорожке у стриженных кустов стоял чисто одетый человек и большим пальцем показывал за скамейку. «Он же нам на стакан показывает» – воскликнул Владимир. На ветке действительно сверкал чистый вымытый стакан. Они разлили и выпили, оставив человеку чуток в бутылке. С Максом Леониду нравилось заезжать в бар при ресторане «Арбат». Там подавали виски «Длинный Джон» и они сидели часок – другой у стойки, повторяя по пятьдесят граммов. С Лагутиным пару раз ездил на дачу с ночёвкой. И познакомился с десятками москвичей, работавшими на заводе, которые все были приветливые, всегда выражавшие желание помочь, искренне вникнуть в заданный вопрос. И огромный город, вызывавший некоторые опасения в провинциале своим величием и «швейцарским»¹⁵ презрением, стал понятнее, ближе и теплее.

«Жаркое лето, играя, дней пронесло хоровод. В речке сверкал, погибая, таял полуночный лёд»¹⁶. Прошли весна, лето и заканчивалась осень московских дней Сугробина. Он не писал и не звонил в Ростов. Он давно знал предназначенную ему жизненную линию. Но ему хотелось верить, и он верил в короткие отрезки счастливых дней. Иногда встречался с братом Валентином Ивановичем. Он защитил докторскую диссертацию и был приглашён в Москву главным инженером Главка. Всё лето Валентин Иванович жил в гостиницах в ожидании квартиры.

¹⁵ Высокомерие швейцара в элитном месте к малоимущему посетителю

¹⁶ Строчки из стихотворения автора..

– Ищи москвичку, – не удержался и Валентин Иванович от стандартной фразы. – Я хоть и приглашал тебя в Нижний, но жизнь идёт, и предназначено мне жить в Москве. В Горьком один останешься.

– За меня решает провидение, – ответил ему Леонид. – Иногда приходит мысль, что надо было остаться в Бурмундии. Потому что где-то в неведомом подсознании колышется беспокойное чувство, что человек счастлив в жизни только в единении с природой. Забрать туда родителей надо было и быть счастливым. Знаешь, какие они старенькими стали. Хорошо, что Татьяна вернулась. Но она одинокая женщина и ей тяжело.

Брат молчал. Он ведь был старшим братом и главным ответственным за стариков.

Прибор Сугробина прошёл натурные испытания на керченском полигоне. Завод в октябре выпустил установочную партию, а в декабре ЦК ВЛКСМ утвердил премию шестерым разработчикам. Удалов по возрасту не стал лауреатом, и ему была наградой грамота ЦК комсомола. В декабре уходящего года на предприятии для концентрации творческих сил на создания нового поколения специальной измерительной аппаратуры по траекторной отработке специальных летательных аппаратов было создано дополнительное подразделение. Подчинили его заместителю главного конструктора. Дополнительным заместителем был назначен Рустайлин Георгий Емельянович. И в конструкторском отделе была проведена реорганизация. Отдел разделили на два отдела. Сугробин получил нового начальника и должность начальника бригады с номинальным окладом в 240 рублей. И получил в разработку комплект приёмо-передающей аппаратуры для комплекса. Вместе с премиями заработок вышел за триста рублей. Спустя десять лет заработок Сугробина немного приблизился к сумме, которую он зарабатывал, служа преподавателем в диких степях забайкалья.

На заводе освоение прибора в сжатые сроки отметили небольшим банкетом, на котором Сугробина наградили букетом белых крупных хризантем. Прибор выпускался до падения советского строя и Сугробин ещё не один год выезжал на завод для решения возникающих вопросов. И всегда встречал дружеское, приветливое отношение к себе.

VI

Нина Турчинская ждала на новый год Сугробина. Летом им не удалось встретиться из-за заграничной поездки Нины. По возвращению она неоднократно назначала себе сроки на поездку в Москву. И всё никак не получалось, а может, не хватало собственного наплыва желаний и былой безрассудности. Той самой, с которой она полетела в казахстанские степи к единственному обозначенному милому Сугробину, который кинул ей телеграмму со словами любви. Также как и те несколько дней в горьковской гостинице, когда ей всё казалось легко и просто. А вернувшись в Ростов вдруг осознала, что они после своих ранее наделанных ошибок оба ещё совсем никто. Она начинающая аспирантка, а Леонид рядовой инженер И никто из них не может полностью отдать себя другому. Даже материально помочь толком не может. Правильнее всего им надо было собраться с духом, объединиться и уехать на чистое место. Туда, где бы они были нужны, где бы у них был свой дом. И начать жизнь сначала. Но как на это оказалось трудно решиться. Она почувствовала перспективу в университете. Он нашёл настоящий интерес в новой работе. Она любит свой южный край, а он свой север. И как всё сложить и не повторять ошибок!? Он приехал на Октябрьские праздники на свидание к ней, любимый и желанный. А она отказалась встретиться с ним Новый год и познакомить с родителями. Пригласила в отпуск на море и уехала за границу. Кто выдержит такое!? И Сугробин не писал и не звонил. Она понимала его. И понимала себя. И думала, что время всё поставит на места. И время поставило. В заграничку её пригласил молодой доктор наук, начавший оказывать ей знаки внимания с первого дня появления её на кафедре. И он был всё время рядом, а Сугробин

далеко. И он был доктор наук и руководитель её кандидатской темы. И был всего на пять лет старше Сугробина. Нина решила не проходить мимо доктора наук. И пригласить Сугробина на новый год. Она знала, что любит Сугробина и уйдёт от него в любви.

Сугробин, не видевший Нину более года, летел с двойным чувством. Он рассчитывал на худшее. Но он любил Нину и надеялся на лучшее.

– Как прелестно! – сказал Леонид. – Так ты всё ещё любишь меня. А я, грешным делом, задумываться начал. А теперь не думаю. Я прилетел на пять дней и никуда из твоего уголка не пойду. Сейчас идём по магазинам, покупаем еду, вино, отключаем звонок и закрываем двери. Идёт! И я уже начальник бригады и наполовину могу содержать тебя. И это отметим.

– Идёт, мой лейтенант!

– Это наша последняя встреча, мой лейтенант, – сказала Нина в ответ на слова Сугробина, что ему пора укладывать портфель.

– У меня появлялось такое чувство, – ответил Леонид.

– Я люблю тебя, и не хотела, чтобы наша любовь оборвалась недоговорками и непонятными обидами. О, господи! Какая я была счастливая, когда ты был лейтенантом, а я девчонкой на распутье, – слёзы брызнули из её глаз. Сугробин наклонился и прижал девушку к себе. – А сейчас мне двадцать семь и я совсем, совсем никто. Даже с университетским дипломом на право преподавания истории в школе. И такие трудности с защитой диссертации у историков. У нас с тобой не хватило решительности бросить всё старое и начать всё заново в далёких краях. А сейчас я решилась расстаться с тобой ради успеха. Ещё неизвестного успеха.

– Даже если я единственный и неповторимый.

– Да. Ты единственный, ты талантливый, ты неповторимый. Я понимаю, что ты не пошёл обивать пороги редакций и стать полубродягой среди таких же не признанных будущих знаменитостей из-за меня. Ты вернулся в инженеры. Но здесь мне ждать твоих успехов нет времени. Пусть твоё сегодняшнее положение и соответствует положению среднего человека в нашей стране, я нуждаюсь в большем успехе. Я тебе говорю это, глядя в твои глаза, не скрываясь.

Слёзы высохли на глазах, и Нина поднялась, не отпуская Леонида из рук.

– Я люблю тебя и прощаюсь с тобой. Едва ли у тебя появится желание увидеть меня, чужую жену по расчёту.

– Когда любовникам по тридцать, никто из них не знает, о ком думают они, находясь в объятиях друг друга. Мне хотелось верить, что ты думала обо мне.

– Я всегда думаю о тебе.

– Бедный профессор... Спасибо, милая, тебе за жестокую правду и смелость. Ты меня ударила своими словами как ножом, в самое сердце. Считай, что ты убила меня. Но тебе и ответ держать за убийство. Прощай!

– Я с тобой в аэропорт.

– Зачем?

– Хочу до конца выпить свою мерзость.

В аэропорту он зарегистрировал билет. Объявили посадку. Сугробин отошёл к цветочнице и купил две алых гвоздики.

– Ты, несмотря ни на что, хочешь оставить меня с цветами? – удивлённо спросила Нина, протягивая руку к цветам.

– Нет! Я кладу их на могилу нашей любви, – ответил Леонид и положил цветы на пол у внешней стены вокзала. Прощай!

Сугробин сидел в самолёте и смотрел в иллюминатор на исчезающие за облаками ростовские поля и посёлки. Нина плакала в своей комнатке от душевной боли последний раз. Сугробину пришли из глубины памяти строчки Оскара Уайльда из «Баллады Редингской тюрьмы» об убийце любимой женщины:

«Любимых убивают все,
Но не кричат о том.
Издёвкой, лестью, злом, добром,
Бесстыдством и стыдом.
Трус – поцелуем похитрей.
Смельчак – простым ножом.
Любимых убивают все.
За радость, за позор.
За слишком сильную любовь,
За равнодушный взор.
Все убивают, но не всем
Выносят приговор».

Спасибо, тебе, Нина! Ты отбросила жалость и ложь и ударила наотмашь. Не уподобилась тем женщинам, которые отдаются каждому по расчёту, и уверяют того единственного, к которому их действительно влечёт чувство, что он только один у них, один на всём белом свете. А ты, Нина, хорошая девочка, правдивая. Но, ударив меня, ты убила любовь в себе, и она кончилась этим прощанием в Новый год. Остались сексуальные потребности. И чему ты будешь учить своих детей. И ещё подумал Сугробин, что СССР встал на опасную тропу разрушения, если любовь начала меняться на расчёт.

– Так-то, Зверев! И ушла моя последняя Любовь. Больше я ничего не жду и не имею мыслей о единственной женщине навсегда.

Леонид и Володя сидели в доме у Зверева и добивали встречу Нового года. Жена у Володи с детьми гостила у матери. Сугробин приехал к нему прямо из аэропорта.

– Такую встречу мы с тобой отметим по студенчески, – сказал Володя, обнимая Сугробина. – Пойдём в магазин, купим пельмени, селёдку, водочку. Сварим пельмешки с картофелем, вспомним юные года. Выпьем и закусим. И только после второй Леонид начал рассказывать о Нине всё по порядку, о чём своим друзьям никогда не говорил.

– Знаешь? Чтобы сказать слово умное по такому поводу, надо ещё выпить, – сказал Володя и разлил водку. – Как говорят в Польше – «За здоровье пань!» И чтобы не случилось с нами, без женщин жить нельзя на свете. Нет! Выпьем, и не держи долгую обиду. Ведь Всевышний создал Еву для Адама, а не наоборот. И женщины будут развлекать мужчин, воспитывать детей. А мужчины будут вкалывать, и строить социализм, коммунизм, империализм или просто свой удобный уголок. И так устроен мир, чтобы не говорили об эмансипации. И эмансипаторы круто лукавят, особенно, наши, социалистические. Они не хотят платить мужчинам достойную зарплату, на которую мужчины бы содержали семью. И заставили женщин вкалывать на самых тяжёлых работах, к примеру, путевыми рабочими, где прекрасный пол таскает рельсы и ворочает шпалы. Что остаётся от женщин после такой работы? И прекрасные в двадцать лет девушки, заставлявшие своей внешностью писать юношей стихи, к тридцати становятся ломовыми лошадьми человеческой породы, вместо того, чтобы украшать мужа и детей своим красивым и радостным существованием. Однако, заговорился. За здоровье пань!

Ребята стукнулись бокалами и выпили.

– Ты прав во всём, Володя, что сказал. И всё-таки многие женщины горды и смелы, потому что думают, что у них на спине ангельские крылышки. А на самом деле, на спине у них только застёжка бюстгальтера.

– А..., – протянул Володя и взял гитару.

На лекцию ты вошла.
И сразу меня пленила.
И понял тогда, что раз навсегда
Ты сердце моё разбила
Всё косы твои, да бантики.
Да прядь золотых волос.
На кофте витые кантики.
И милый курносый нос. (студенческая песня)

– Давай диссертацией будем заниматься, – сказал Володя, отложив гитару. – Тебя не было, когда директор собирал актив по поводу установления предприятию статуса НИИ. Так он прямо так и заявил: «Я сделал всё, чтобы коллектив стал научным. Так что работайте, обучайтесь, остепеняйтесь. И дорога перед вами откроется широко». Я уже записался на курсы по философии и языку.

– Большому кораблю..., – сказал Леонид. – А я, не имея семейных забот, пойду на вечерний юридический. Очень становится трудно иногда без юридических знаний. Штатные юристы и адвокаты, получая зарплату от государства, отстаивают права государства, а не права граждан и попросту, если не лгут, то уклоняются от правды закона. Мне байку наш заместитель секретаря парткома Удалов рассказал. Приходит Некто в адвокатскую контору. «Скажите, – говорит, – имею ли я право...» Имеете, – не дослушав вопрос, отвечает адвокат. «А могу ли я тогда..., – спрашивает Некто. «Нет! Не можете», – отвечает адвокат, снова не дожидаясь вопроса.

В отделе автоматизации и механизации завода из близких Леониду людей остались только начальник отдела Юрий Дмитриевич, начальник КБ и Валя Аркадьева. И когда Сугробин вошёл, на него посмотрели без интереса.

– Давненько не появлялся, – поприветствовал его Юрий Дмитриевич, подавая руку – Слышал от кого-то, что растёшь вверх как на дрожжах.

– Какие там дрожжи. Просто встал на полагающееся место по опыту и умению. Но работой доволен. И мысли и чувства мои в согласии. И если б не снимал квартиру, то и денег бы хватало.

К столу подошли начальник КБ и Валентина.

– Запробеднялся, – сказал начальник КБ. – Мы ведь остались на прежних ставках. У Валентины как было сто тридцать, так и осталось. ОТиЗ жмёт и не думает, что сук под собой рубит. Хотя всем до той бабки «Фени». Замёрзло что-то в нашей жизни. И чтобы хоть немного заработать, на БАМ¹⁷ надо ехать.

– Не прибежняюсь, но за квартиру плачу много. Валюшу, правда, прокормил бы, будь она моей. Но не соглашалась раньше, не соглашается и сейчас. Думай, Валя, думай. Я третий год, как свободный.

– Чего сейчас думать, – улыбнулась Аркадьева. – Думать надо было, когда ты только появился. Пойдём, кофе, как обычно, угощу.

Они присели в уголок, закрытый кульманом. Валя включила чайник, присела и улыбнулась ласково.

¹⁷ БАМ – - байкало амурская железнодорожная магистраль, построенная параллельно существующей транссибирской магистрали от Тайшета до Комсомольска на Амуре и далее до Советской гавани.. Строительство главной ветки от Усть Кута до Комсомольска длилось с 1972 по 1984 год. Самый большой в России Северо – Муйский тоннель был сдан в эксплуатацию только в 2003 году. Строительство унесло из казны всю выручку от продажи нефти и газа и оказалось совершенно экономически не нужным. С точки зрения военной безопасности также при ядерном конфликте БАМ будет разрушена.

– Не складывается житуха-то? Вот то-то и оно! Думаешь, любовь, а оказывается сексуальное влечение. Вот ушла бы я за тобой и сбой какой... И куда деваться. А так хорошо ли, сложно ли, а семья существует, и уже не думаешь о любви.

Вода закипела. Валя поставила чашки и налила кофе. Сугробин сделал глоток ароматного напитка и смотрел на Валю. Она ободряюще улыбалась.

Милая ты моя, – подумал Сугробин. – Милые вы наши женщины шестидесятых. Добрые, любящие, любимые, верные своим избранным мужчинам. Живущие в непрестанных заботах о детях, о достатке в семье и забывающие о своих женских слабостях и радующиеся тем небольшим радостям, которые выпадают в случае, когда мужчина попадает заботливый и понимающий. А если не так, то продолжают поддерживать покой и радость детей, выращивая детей такими же добрыми, честными, способными любить не только папу с мамой, но и свою Родину. И если на их жизненной дороге вдруг встречался человек, который и нравился, и к которому их притягивало никем ещё необъяснимое чувство, влекущее двоих именно друг к другу, а не к другим. То старались они это чувство заглушить, опять же сберегая покой людей, с которыми они связали свою жизнь. И если бы им рассказали, что спустя два десятка лет на почти божеский уклад страны в отношениях людей к семье и друг другу будет выплеснуто море разрушительной пены насмешек, презрения к самым светлым человеческим чувствам и призывающим жить одним мгновением, они бы не поверили. Они бы, наши женщины шестидесятых, отвергли кино и теле экранных див, рассказывающих с экрана о безморальной жизни. И со смаком рассуждающих на всю страну о том, что лучше: целую неделю жить с одним мужчиной или менять двоих через день, или брать каждый день нового. Люди шестидесятых, кроме партийных лживых моралистов, не были ханжами, но и бесовскими распутниками не были. Партия брала на себя все грехи поколения, провозгласив лозунг, что «партия за всё в ответе». И разложила, подготовила почву для разгула всех античеловеческих чувств и деяний к девяностым годам. Предатели, фарисеи и просто сволочи отдали страну на растерзание, а вас на позор и на стыд, потому что заполонили ваши внучки бордели всего мира.

Конечно, проститутки под разными названиями были всегда и везде. Но когда женская составляющая страны состоит из блядей и проституток на все восемьдесят процентов, это уже такой перебор, что вянуть нечему. Женщины шестидесятых были скромны в своих сексуальных воплощениях и страстные бесконечно, когда верили в любовь. Они были настоящими женщинами и любили их мужчины по настоящему.

И пусть воздастся по заслугам тем, кто привёл страну к последней черте!

– Пей кофе и не смотри на меня так, – сказала Валя. – Всё равно ничего из меня не вымотришь.

– Отчего так строго? Скоро наши свидания на заводе закончатся. Директор и производство уже переехало в новые корпуса. И только телефоном можно будет увидаться.

– Ладно, иди, – сказала Валя. – Я позвоню.

VII

По стране и миру шёл 1972 год.

В этом году было жаркое засушливое лето. На всей европейской равнине Советского Союза от ледовитого океана до южных морей горели леса, болота, торфяники. Дым не рассасывался месяцами.

На сцене шахтёрского дома культуры в Коми АССР дал первый сольный концерт Валерий Леонтьев.

Свершилась первая публикация романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнальном варианте.

Владимир Высоцкий из актёра театра и кино и сочинителя юмористических стихов и песен стал неформальным политическим лидером страны. Стал явлением необыкновенного влияния стихов и музыки на все слои общества и страну в целом.

Умер учёный палеонтолог, геолог и талантливый писатель Иван Ефремов, лауреат Сталинской премии. До того был талантлив, что серьёзно рассматривалась версия о подмене личности Ивана Ефремова английским шпионом во время экспедиции в пустыню Гоби.

В США и западной Европе достигла предельных высот сексуальная революция. Колонии «хиппи»¹⁸ заплоняли территории.

В Китае достигла апогея «культурная» револлюция.¹⁹

Северный коммунистический Вьетнам с помощью зенитно-ракетных комплексов СССР добивал южных коллаборационистов и американских интервентов, уничтожив всю боееспособную авиацию США.

СССР разорвал дипломатические и хозяйственные отношения с Египтом и потерял самый стоящий форт – пост социализма в северной Африке.

Американец Роберт Фишер отнял у СССР шахматную корону чемпионов мира, переиграв Бориса Спасского. Самого Спасского, не отдавшего в казну очень приличный гонорар в долларах, задолбали за проигрыш и за экономический подрыв страны. Он нашёл приют во Франции и в 1976 году покинул Советский Союз. Это считалось одним из поражений Союза в «холодной войне». Состоялись первые встречи советских хоккеистов с канадскими профессионалами. Яркие победы нашей команды развеяли миф о «профи», как о чём-то недостижимом для простых смертных.

Руководитель СССР Леонид Ильич Брежнев, задержавшись в кремлёвских апартаментах, на дачу не поехал. Посмотрел ночные новости по телевизору и прилёг на диванчике в кабинете. Но заснуть по-хорошему не сумел. Ранний майский рассвет разбудил его от непрочного сна. Он посмотрел на розовеющий край восточного неба, надел спортивный костюм и вышел на соборную площадь. Настроение у него было хорошее. Перед майскими праздниками сразу две иностранные державы наградили его почётными орденами, значительно улучшив его парадный костюм. Полюбовавшись на царь-пушку, он прошёл к Спасской башне. Часовые отдали ему честь.

– Прогуляюсь по Красной площади, – сказал он часовым. – А то в Кремле ежедневно, а по площади прогуляться не приходится. Как я москвичам завидую. Каждый день могут по площади гулять и любоваться.

Брежнев был вежливый нешумный человек. Обслуживающие его быт работники души в нём не чаяли. Он вышел на площадь. Голубели ели у кремлёвской стены, блестя золотом кресты и маковки собора Василия Блаженного, на посту номер 1 у входа в мавзолей застыли часовые.

– На Ильича давно не смотрел, – подумал живой Ильич о покойном Ильиче и двинулся к мавзолею. Но внимание его вдруг привлекло какое-то движение на лобном месте. Брежнев

¹⁸ Хиппи. Массовое движение молодёжи в Соединённых штатах и в западной Европе, разочаровавшейся в ценностях, предлагаемых им капиталистическим миром, лицемерием его моральных норм. Хиппи совершили массовый уход от общества, противопоставив лицемерию и лжи свободу чувств и отношений, не прикрываемую словоблудными завесами, закрывающими всю низость истинных буржуазных отношений, разрушающих все заветы Христа (Прим. автора)..

¹⁹ Движение хун вэй бинов, начавшееся в 1966 году и положившее начало «культурной революции», является сложным и противоречивым этапом становления социалистического Китая, который может оценить только объективный, знающий истинное положение и расстановку сил в ещё совершенно феодальном Китае и проживавшем в Китае во время этих событий. Вся доставляемая для народа СССР информация, подавалась в духе вражды, созданной Хрущёвым по принципу – чем хуже в Китае, тем лучше в СССР. Как показало время, коммунистический Китай преодолел все свои внутренние трудности, накормил полутора миллиардное население и к концу первой четверти XXI века выйдет на первое место в мире по экономическому могуществу. Сама же «культурная революция» сошла на нет со смертью Мао Дзе дуна в 1976 году. (Прим. Автора).

присмотрелся. Там стоял человек и, приложив руку ко лбу, всматривался внимательно в разные стороны. Брежнев подошёл к лобному месту и спросил —

– Куда это, мил человек, ты глядишь? Что высматриваешь?

– Да смотрю я, товарищ Генеральный секретарь, где жить хорошо.

– Ха, ха! – рассмеялся Ильич. – Хорошо там, где нас нет...

– Вот я и смотрю, пытаюсь отыскать местечко, где «нас» нет! – ответил человек.

– Так это ж поговорка такая, – смутился Брежнев.

– Очень уж она на правду походит, – ответил человек и пропал.

– Вот же, чёрт, приснится ерунда, – проговорил Леонид Ильич, поворачиваясь на диване и рукой смахивая капельки мелкого пота со лба.

Страну меряло время, названное позднее временем застоя.

«Доченьки, доченьки, доченьки мои. Где ж вы мои ноченьки? Где ж вы, соловьи?» Звучала проникновенная песня Александра Вертинского с долгоиграющей пластинки и наполняла комнату в доме Володи Зверева. Сам Володя сидел на диване и развлекался с девчушками пяти и шести лет, которые задирали его с двух сторон, перехватывая друг у друга отцовские ласки. Его располневшая жена и Леонид Сугробин сидели за столом и поднимали очередной тост за рождение младшенькой.

– Отпустите меня, – говорил Володя девчушкам, – дайте отцу за здоровье выпить. За тебя, игрушу, – поднял он на руки именинницу и, перехватив её на одну руку, взял свой бокал. – Искренне и с большим удовольствием выпиваю за мою девчушку. За тебя уже выпил! – обернулся он к старшей, кричавшей «А за меня!» Знаешь, Лёнька! Никогда не думал, что это очень здорово иметь двух таких кукол. Девчонки – самое-самое прелестное. Я очень счастлив. Спасибо большое моей подруге, не побоявшейся связать себя с безденежным, безквартирным. Дай я тебя поцелую.

Сугробин гостил у Зверева на день Красной армии. Здесь у Зверева всё было сердечно. Девчушки были очаровательны и шаловливо веселы. Сугробин снова не понимал, почему у него всё не так, но не травил свою душу, и принимал дружеские советы от Володи и его жены, со всем соглашаясь.

– Ты, Лёнь, зря гоняешься за самыми красивыми, – говорила Вовкина жена. – А ты привлеки к себе просто самую обычную симпатягу и всё у тебя зацветёт. Дома для житья наша шарага строит, все «старрики» уже получили квартиры и тебе дадут. Уже не самый последний, на слуху у директора, как Володя говорит. Давай я займусь твоим семейным благополучием.

– А что! – поднялся Володя. – Жена дело говорит. Как в старом фильме «Аршин мал Алан» говорили: «Один мулла, три рубля денег, головка сахару и делу конец!»

– Дорогие вы мои, – обнял счастливых супругов Леонид, – Как я рад за вас и за ваших девчушек, родившихся и живущих в любви. И спасибо вам за беспокойство обо мне. Но я точно найжусь под крылом всевышнего, и его не устраивают близкие мне женщины, которых я находил. Надо ждать.

Начальству видней. Эти слова повторяют миллиарды исполнителей, когда их не спрашивают, а что же хотят они, исполнители. То есть те самые массы народные, которых идеологи коммунистических идей возвели в ранг вершителей истории. А как показывает история, её-то, милую, вершат личности, которые увлекают массы в дни великих потрясений и с их помощью достигают своих целей. А в спокойные дни просто командуют массами с помощью условностей, ими же написанными правилами поведения. Одним из правил, которое Сугробин считал необходимым отменить, было назначение покидавших свой пост секретарей парткомов, райкомов и прочих на руководящие должности рангом по соответствию секретарства. Секретарь парткома на предприятии при уходе с поста меньше начальника отдела быть не мог. Так Сугробин

получил очередного начальника. Ему от начальника, как и всем самостоятельным исполнителям, было не жарко и не холодно. Начальник младшего звена зависит от подчинённых значительно больше, чем подчинённый от начальника. Самостоятельный исполнитель не позволяет над собой глумиться мелкому самодуру. Просто на работе создаётся нездоровая обстановка, при которой падает отдача коллектива и решением вопроса начинает заниматься высшее руководство. Сугробин за два года привык к Чирикову, не вмешивающемуся во внутренние дела бригады и относившемуся доверительно к его разработкам. И ему было бы проще плыть в знакомом течении.

Новый начальник был в курсе событий с коллективом молодых Ленинских лауреатов и согласился с загрузкой его бригады самыми сложными по конструкции приборами. Владислав Удалов был заместителем именно этого секретаря парткома и сказал Леониду, что Жарков Максим Петрович мужик нормальный. Приборы, данные на разработку бригаде Сугробина, должны были работать в составе испытательных ракет, на борту самолётов, вертолётных кораблей, автомобилей при всех климатических условиях с перепадом температур от минус пятидесяти до плюс пятидесяти градусов по Цельсию, выдерживать максимальные перегрузки и т. д. и быть работоспособными в течение десятков лет.

– Что ж! Будем работать, – сказал Максим Петрович, знакомясь с коллективом

В своей бригаде Сугробин был самым старшим по возрасту. И сотрудники называли его Леонидом Ивановичем.

В очередной отпуск Леонид был записан на июль. Предыдущим летом отпуск поделился пополам: две недели в Подмосковном доме отдыха и две недели зимой в «Зелёном городе». Сугробин, находясь в рассеянном состоянии, о личной жизни и очередном отпуске думал мало. И когда командор Белов позвонил и предложил участие в группе водников по реке Агул в Саянах, он согласился. Путешествие прошло спокойно без ненужных приключений и задержек. В начале августа группа вернулась домой. С Саянских троп он привёз бороду, которую решил оставить навсегда. Подправил её под Чехова и таким образом заявился в институт.

«Ну, Леонид Иванович! Ты даёшь! – встретили его в отделе. «А что! – ответил Сугробин. – Я все же научный сотрудник, пусть и младший».

При возвращении туристической группы в Горький, Сугробин решил навестить Крюкова и сделал остановку в Перми. Не рассматривая изменившегося города и отбросив воспоминания, он проехал а Добрянку. Вся семья Крюковых была на месте. Вечер воспоминаний с друзьями наполнен тихой грустью и радостью от того, что есть те, с кем можно повспоминать. Они повспоминали обо всём, только Бельскую не трогали. «Задержишься на два дня, и я тебе невесту найду на выбор, – горячился Крюков. – Заберёшь к себе в Горький и будешь иметь верную подругу на всю жизнь.» «Ладно, Евгений, – отбивался Сугробин. – Мне в Москве предлагали невест на выбор с квартирой. Но я почему-то не согласился. Наверное, жду последней оглушающей любви». «Смотри, пожалеешь. Но если надумаешь, приезжай. Обустроим», – повторил Крюков наутро при расставании.

Погода в Горьком была такой же, как при отъезде в Саяны. Над городом стоял густой смог. Горели окрестные торфяники. За два месяца ни одной капли дождя. В городе из друзей был только Ширяев. Ему тоже, наконец-то, повезло с квартирой. Сане удалось недорого снять двухкомнатную квартиру, хозяйка которой работали и жили на севере.²⁰

Выйдя после отпуска на работу, Сугробин подал заявление на поступление в юридический институт, и его пригласили на экзамены 1-го сентября с обещанием зачесть общественные науки при зачислении. За неделю до первого сентября он встретился в субботу с Саней

²⁰ Работавшим на Севере по контракту разрешалось в умеренных широтах строить кооперативные квартиры для устроенной жизни после возвращения.

Ширяевым, и они отметили свою холостяцкую жизнь в ресторане «Нижегородский». Вечер прошёл вдохновенно. Но машин у ресторана не оказалось и они в добродушном настроении пробирались с Гребешка к Ильинке, где ходил трамвай, который мог их отвезти на пересадочные точки. Поддали они ничего, но ещё стояли, пусть и нетвёрдо. Пробираясь по тёмным узким улицам вдоль глубокого оврага, они наткнулись на тройку «удалых». В ответ на «Закурить не найдётся?», Леонид протянул пачку с двумя последними сигаретами и тут же получил удар в грудь. Нападавший целил в голову, но Леонид успел отклониться. Саню тоже ударили. Леонид вспомнил свою боксёрскую сноровку и ударил «удалого», стоявшего перед ним. Но выпивка сделала своё дело – удар не нокаутировал нападавшего, а только придавил ему нос. «Сопротивляются, суки!» – услышал он крик. И что-то тяжёлое опустилось ему на голову, и он упал. Очнувшись, он увидел, что двое загоняют Саню в угол, а третий наклонился над ним, и шарил по карманам. Лежавшая на земле рука Леонида нащупала шершавый круглый предмет. Он ухватил его и понял, что это кусок арматуры.

– Ах, ты сволочь! – взревел Сугробин и лёжа, со всей силой ударил шарившего его карманы, по голове и вскочил, уклонясь от падавшего на него «удалого».

– Держись, Саня! – крикнул он и кинулся на обидчиков Ширяева. И сразу же приложил арматуру на плечо одного из них так, что услышал хруст ломающейся кости. Третий, небитый, обернулся и, увидав двух лежавших, бросился бежать. Но Саня успел подставить ему ногу, и тот полетел на асфальт. Саня подскочил, и вмазал ему ногой в подбородок.

– Уф, – сказал Сугробин, и взялся за разбитую голову. На ней выросла неприличная выпуклость. – Ты цел?

– Да ничего, только ногой меня достал вот этот, – показал он на лежащего.

– Проверим свои карманы, Саня. У меня вроде всё на месте. – Давай у них проверим. Двое лежали в отключке, ломаный сидел и стонал. – Вот с лежачих и начнём и начнём.

– Вам не жить, суки! – встрепенулся сидевший.

– Сейчас и тобой займёмся, – спокойно сказал Саня. – У этого только фонарь.

– А у моего сколько-то рублей и удостоверение. Проверь, что у последнего, многообещающего.

– О! – сказал Саня, – кастет из текстолита.

– Дай-ка мне. Похоже, им он меня и долбанул, – сказал Леонид и пнул в бок сидевшего. Тот заматерился. – И что ж, финки и кастета хватит на всех троих. Как? Жить будем? – обратился он к ломаному. – Сейчас в милицию звоним.

– Не жить вам..., – тянул ломаный.

– А, может, добьём да в овраг всех троих, – вопросительно переговорил сам с собой Саня.

– Вы чё, пацаны! Мы же только закурить попросили, – изменился голос у угрожавшего.

– А чего же нам вечный покой пообещал?

– Надоело мне это дело, – сказал вдруг Саня. – У меня весь хмель прошёл. Пусть сами с собой разбираются. А мы давай пойдём. Деньги заберем, и домой на такси. И пошёл к жилым домам.

– Пацаны! Уходят эти суки, – захрипел ломаный.

– Ещё хрипишь, гадина! – Леонид зажал кастет в кулаке и вмазал сидевшего по затылку.

Тот, уткнулся в землю. «Вот теперь в расчёте!» – сказал Леонид и догнал, уходившего быстрым шагом, Ширяева.

VIII. Лесной пожар

Такого жаркого лета старики не помнили. В далеко не южной широте, на которой стоял Горький, температура не опускалась ниже двадцати восьми градусов по Цельсию уже третий месяц. И третий месяц ни одной капли дождя не упало с безоблачного неба. Природа изнемо-

гала. Обмелели до неузнаваемости Ока и Волга. Пересохли ручьи, погибли посе́вы на полях. И земля с трудом дышала своей потрескавшейся от боли кожей. В округе постоянно занимались леса пылающим огнём, смрадно дымили торфяные болота. Большой рабочий город окутался пеленой дыма, не снижающегося даже ночами. Жизнь в городе становилась похожей на мрачные предсказания фантастов. Но люди жили, работали и боролись со стихией. В СМИ регулярно появлялись бо́дые репортажи с мест о том, что скоро, скоро...

Сугробин спал тяжёлым сном после посещения ресторана с Ширяевым и нелепой схватки с хулиганами, из которой они вышли победителями совершенно случайно. От этого мозг был переагружен, и он проснулся рано с головной болью. На голове за левым ухом отзывался резкой болью большой шишкарь. Было ещё только шесть утра. Утро было обычное, дымно мглистое. В открытую дверь с лоджии пробивался густой запах смрадной гари. Леонид потянулся в постели, взял лежавшую на стоявшем рядом стуле недочитанную газету и включил транзисторный приёмник «Океан». В субботний прошедший день открылись очередные олимпийские игры в Мюнхене²¹ и дикторы на разных волнах передавали впечатления от праздника открытия. Для объективности²² нашёл Би-би-си и выслушал её комментарий. Расхождений в оценке не было. Всем понравилась немецкие старания сделать олимпиаду праздничной. Первая олимпиада в Германии прошла при Гитлере²³ в 1936 году в Берлине. Новости наскучили. Он включил радиостанцию «Маяк» и получил в награду «Королеву красоты» в исполнении Муслима Магомаева. «Так-то лучше», – сказал он вслух и поднялся. Сожителя Славы не было. Он неделю назад уехал в отпуск. Леонид прошёл на кухню. На столе стояла бутылка коньяка, заполненная на две трети. «Совсем позабыл, а сюрприз приятен», – подумал он и достал стакан. Вчера они с Ширяевым вместе доехали до дворца спорта, где их дороги разделялись. На перекрёстке ещё работало кафе «Мечта».

– Подверни, шеф к кафе, – попросил водителя Сугробин. – Спрошу бутылочку коньяка, – пояснил он Саньке и прошёл в зал. Кафе закрывалось. Уходили последние посетители. Буфет ещё дышал. Он купил «Дербентский», не спрашивая армянского. Саня проглотил из горлышка. Пригласил ночевать к себе и уехал, не выгружаясь из машины, когда Леонид отказался. То, что он зря отказался, Сугробин понял к концу следующего дня, когда осознал, что ему предстоит тушить пожар в лесу не меньше двух – трёх недель. Но в этот момент он ничего не думал, а выпил, крякнул и сел в кресло, радуясь теплу, разливающемуся в груди.

Когда в дверь раздался стук, Леонид дремал в кресле. Стук повторился. Леонид открыл глаза и посмотрел на часы. Было пять минут девятого.

– Кого несёт нелёгкая? – подумал он и пошёл открывать.

В дверях, загадочно улыбаясь, стоял Емельяныч. За его плечом выглядывал Чириков. Первая мысль, которая мелькнула у Леонида при виде этого необычайного явления, была крамольная. «С какого народного гулянья идут уважаемые начальники, и чем я могу их порадовать?» Потом вспомнил, что по рюмке у него найдётся, а на большее раздумье времени у него не было.

²¹ Мюнхенская олимпиада вошла в историю, как первое мероприятие, когда был совершён крупный террористический акт. Была захвачена палестинцами еврейская спортивная делегация.

²² Ещё один недостаток социализма, который Сугробин предполагал искоренить, это навязывания населению страны однополярного взгляда на мир. И для правильной оценки событий размышляющие советские люди были вынуждены отлавливать зарубежные станции, вещающие на русском языке. Станции эти старательно глушились (в Горьком глушилка стояла в районе площади Лядова). Это не вызывало уважения к властям.

²³ Весь буржуазный мир настолько ненавидел Советский Союз, провозгласивший Сталинской конституцией победу социализма, что для поддержания имиджа откровенно фашистского режима Гитлера, олимпийский комитет проголосовал за проведение Олимпийских игр в Берлине. Игры прошли и Гитлер начал шупать своих благодетелей. Но, вопрос!? А если бы Сталин подал заявку на проведение очередных игр в СССР в 1940 году? И если бы предложение было поддержано? То, возможно и война бы не началась или хотя бы была отодвинута (Размышления автора)

– Давай быстро одевайся, бери еды на день и вниз. Там внизу машина стоит, – сказал Емельяныч.

Сугробин ничего не понимал, и это обоим начальникам было хорошо видно.

– Кстово горит, – пояснил Емельяныч.

– Огонь к нефтезаводу подходит. Мобилизация по линии гражданской обороны объявлена, – добавил Чириков.

– Шумит, гудит родной завод. А мне-то что, – сказал Сугробин прибаутку и раскрыл дверь. – Проходите, господа. Никуда я не поеду. Потому что «у меня нет дома и пожары мне не страшны. И жена не уйдёт к другому, потому что у меня нет жены»²⁴. Давайте по рюмочке отличного коньяка.

И Леонид пошёл на кухню ближе к бутылке.

– В такую рань в выходной день человека будить? А если у меня женщина в постели?

– Леонид Иванович, мы серьёзно! – сказал Емельянович, проходя за ним вместе с Чириковым.

– И я серьёзно. Я штатным бойцом Гражданской обороны не являюсь. Снаряжения и одежды у меня нет, и своей рабочей робы не имею, так как у меня ни двора, ни кола, ни огорода. Что я пожар тушить во фраке поеду. И еды у меня даже для закуси нет. Не поеду! Если по рюмашке, то пожалуйста, – сказал Леонид и выпил. – А то гражданская оборона... Нет её никакой обороны. На заводе бомбоубежище давно уже под склад ненужной продукции приспособили.

– Ну ладно, Лёня, выпендриваться. Мне, что ли больше других надо? Мы все в одинаковом положении, всех неволят, – сказал Георгий Емельянович.

– Надо тебе. Очень надо характеристику чистую. Ты большой начальник, тебе лауреатство нужно, ордена. А моё лауреатство уже в прошлом, и во второй раз на моей тропе не встанет.

– Сколько можно прошлое вспоминать? Всего на один день. Там же нефть и если вспыхнет, то всем мало не покажется.

– Но мне в самом деле нечего надеть. Саянскую форму вместе с обувью выкинул за изношенностью. Надеваю босоножки, футболку и тренировочные штаны и еду на один день, как сказано. Только неважный приём используешь, говоря об одном дне. Мы ведь все учёные. И, при бестолковости наших начальников, за день до места доставят и то хорошо. Так я доеду, и назад сразу же. Лады?! Покатаюсь. А ты отметишься, что полный комплект набрал. Это ж понятно, что тебе моей грудью количественную брешь заделать надо.

– На один день, на один, – сказал начальник. – Отбудешь на пожаре сегодня и завтра в отдел на работу. Выходи, ждём в машине.

Людей на пожары направляли регулярно. Их организовывали и собирали обстоятельно. И люди брали с собой вещи на все возможные случаи. Но чтобы аврально собирать по выходным, такого ещё не было. «Значит, действительно что-то серьёзное», – думал Сугробин, укладывая в карман четвертной и ещё несколько рублей россыпью на всякий случай. «Один день можно и без еды прожить. А если мобилизуют и завтра, то завтра и разберусь». Так размышлял он, собираясь, не забыв при этом про остатки коньяка.

В таком настроении он сбежал с крыльца и уселся в машину. За рулём сидел ещё один начальник отдела под кодовым названием «Максимыч»

– Ты чего это, Лёня, босиком и без одежды? – сказал он.

– На один-то день и так хорошо, – ответил Леонид.

– Кто тебе сказал, что на один день. Рустайлин, что ли? Так ты зачем его надул? – обратился он к Емельяновичу.

²⁴ Строки из шуточной песни появившейся в шестидесятых у альпинистов, туристов

– Попробовал бы ты его из дома вытащить. Не поеду ни на какой пожар и всё. Сейчас на службе ему одежонку по отделам насобираем. И в самом ведь деле, если у людей нет ничего, а их спасать отчизну босиком направляем. Уже начинали Отечественную с одной винтовкой на десять человек. Да поехали, а то эшелон уйдёт.

– Что-то я ничего не пойму, граждане! – сказал Сугробин. – Если надолго, то я никуда не еду. У меня с первого сентября приёмные экзамены в юридический.

– Заменим мы тебя до первого, обещаю, – сказал Емельянович. – Ты только слово дай, что не сбежишь по дороге. Не подведёшь меня и институт.

И, расслабленный утренним коньяком, Сугробин махнул рукой.

– Смотри, начальник! Собственным уважением отвечаешь.

– Ого! – подумал Сугробин. – Тут и крупные начальники, тут и средние начальники, тут и малые начальники. Полный офицерский корпус. Да и сам я тоже начальник бригады. Значит, тушение пожаров в таком составе будет энергичным, дисциплинированным и умелым. Кроме начальников волновалась и колыхалась толпа рядовых. Одни провожались с близкими, другие продолжали укладываться, третьи откровенно радовались возможности смотаться из душного города в любое место. «Какой же у тебя хороший народ, товарищ Генеральный секретарь! – подумал Леонид. – В любом европейском государстве руководители предприятий, отправляющих людей по такому призыву, подписали бы с тобой контракт на возмещение убытков, подписали бы страховые полисы на каждого сотрудника, затребовали бы выполнить экипировку и проведения обучения правилам и способам работы. А твой народ ничего не требует. Сам оделся, сам прикупил еду и готов совершать подвиги во имя спасения народного добра, от которого ему, народу, ничего не достанется за просто так. Тебе бы, Генеральный секретарь, этому народу надо было бы немедленно строить жильё, дороги, производить для него одежду, обувь не хуже, чем там, за бугром. А ты следишь, чтобы такой народ не говорил про твою власть правду, глушишь передачи зарубежников, оберегая народ от неправильного влияния. И строишь на народные деньги никому не нужный БАМ. А ты делай для народа добро, и не будет он никого слушать и сочинять про тебя анекдоты. „Правь как бог, и будешь богом“, – советовал Нерону его наставник. Ну, на хрена народу БАМ, если жить негде. И кусок мяса и пакет с сосисками²⁵ надо вывозить на Урал из Москвы или Ленинграда. И из деревни в тридцати километрах от областного центра в распутицу на тракторе не выедешь. И зачем тебе китель в орденах? Индюки вы надутые, товарищи министры – коммунисты. Когда смотришь на фотографии совета министров после очередных стопроцентных выборов депутатов, так и видишь индюшачьи мозги под каждым лысым или волосатым черепом. Индюк думает!? Думает о том, как ему хорошо на таком богатом дворе. И ни разу не подумал, что сварят из него суп совсем в чужом котле. Эх, и дурная же ты советская власть, если позволила выдвигаться бесталанным, а оттого лицемерным руководителям. Хоть бы к астрологу ходили! Ведь всего-то осталось от этого пожарного лета пятнадцать годиков вашей индюшиной жизни. И будет погублен такой прекрасный народ. Время показало, что за период вашего правления народ стал населением без идеи и принципов. А от вас, индюков, и перьев не останется. Вы оказались глупее тех фарисеев, которые отдали на муки и смерть сына божьего. Эх, вы! Индюки и есть на самом деле».

²⁵ Захотелось старику в престольный праздник чекушку самогонки пельмешками из мяса закусить. Старуха у него добрая была. И говорит он ей: «Сделай-ка мне пельмешек тарелочку в праздник. Давно не было. А страсть как захотелось».. «А ты сходи, да принеси мне кусочек мяса без косточки. Я пока тесто приготовлю». Надел старик шапку и пошёл в магазин. «Давно, дедок, ты в магазин не заглядывал. Не привозит мне никто мясо». «А куда же мне?». «А посоветую я тебе сходить в сельсовет, к председателю». Пошёл старик к председателю. «Я тебе посоветую сходить в райком», – сказал председатель. Секретарь райкома посоветовал сходить в обком. Там старику посоветовали сходить в президиум Верховного совета. Пришёл старик к председателю. Тот выслушал его и почти шёпотом сказал: «Посоветую я тебе в Австралию обратиться». «Да что вы мне всё советуете. А ты ещё в Австралию посылаешь. Мне кусок мяса без косточки купить надо», – вскипел старик. «Так потому и советую в Австралию. Потому что Австралия страна мяса, а у нас страна советов». (Байка)

Выплывшее из тумана подсознания в обозначении руководителей слово «индюк» так зримо начало характеризовать вспоминающиеся лица союзных и местных руководителей, что Сугробин рассмеялся своим видениям. «Наконец-то я понял, почему у нас всё так, – мысленно проговорил Сугробин сам себе. – Народом правят ИНДЮКИ. И у меня для них теперь будет это единственное название, обозначающее все стороны их деятельности». Разговорившись сам с собой и совершенно довольный пришедшим из космоса обозначением правителей, Сугробин не обратил внимания на подъехавшие автобусы, и не слышал команды на посадку.

– Леня! А ты что не садишься? Команда была, – услышал он голос и увидел Суматохина. – Емельяныч велел тебя найти и передать, что одежду пришлёт завтра. Сейчас ничего не удалось сделать, но завтра будет всё у тебя обязательно.

– А зачем она мне завтра, если я вечером домой вернусь. Болтуны вы все, как и большие индюки, – сказал Леонид, находясь под влиянием собственных размышлений. Ему очень понравилась выдумка об индюках, и он громко и сочно повторил, – индюки.

– Какие ещё индюки, Лёня. В автобус садиться надо.

– Индюки, Вася, люди, которые готовы раздетого и разутого подчинённого бросить в огонь, чтобы он тушил его, защищая их перья. Я поехал, но радостей оттого, что меня индюк Рустайлин снарядил в таком виде, никому не предвидится. И будете у меня моральными должниками. Самое большее, это я буду сидеть у костра, и помогать пожару. Всё же думать надо человеческими мозгами, а не индюшиными.

– Ну, раз так получилось, что мне завтра в командировку. А то б тебя не искали.

– Молчи, Васильевич. Молчи, раз со мной не едешь. Это «не так получилось». Это «так получилось» запрограммировано. И передай Емельянычу, что теперь все начальники снизу доверху будут называться у меня индюками за такие решения. Оригинально, не правда ли? Жаль, что это мне только сейчас боги прислали, а то бы в стихотворение вставил, которое недавно написал. Давай, я тебе четыре строчки из моего нового стихотворения прочитаю:

Когда в Москве вручают знак героя
Верховному правителю страны.
Я это дело принимаю стоя,
Как проявленье собственной вины.

– Потом, Лёня, потом. Смотри, сколько людей слушает!

– Боишься?

– Опасаюсь, дорогой. У меня уже дети растут.

Утром в понедельник Рустайлин позвонил Жаркову.

– Вчера я обманным путём, фактически голого, отправил Сугробина пожар тушить.

– Совершенно не одобряю. И без него бы обошлись, – сказал Жарков, выслушав Рустайлина. – Теперь посылай гонца с одеждой. По карте до Воротынца две сотни, да за Волгой ещё...

– Может, ты поможешь и обменяешь его.

– Человека я найду, а машину тебе искать.

– Ладно, сейчас подумаю.

– Никто ничего не придумал. «Болтать, не мешки ворочать», – сказал собравшимся руководителям по приезде Леонид.

Руководящая толпа всё ещё толпилась у автобусов.

– Ого! – ещё раз сказал Леонид после того, как автобусы стронулись с места без руководителей, дружно оставшихся в числе провожающих.

«Эх, начальнички вы! Эх, начальнички. Соль и гордость родимой земли!»²⁶ – проговорил вслух Сугробин строчки из популярной песни полупьяной интеллигенции в домашних пирушках, когда автобусы стронулись, а начальники остались. Автобусы двинулись в неизвестное на юг по Казанскому шоссе. Неизвестное ждало мобилизованный народ где-то за Воротынцем²⁷ на другом берегу Волги. Горели реликтовые сосновые леса в междуречье, между левым берегом Волги и правым берегом впадающей в Волгу Ветлуги. А Кстово не горел, и гореть в нём, кроме самого нефтезавода, было нечему. Лесов вокруг не было, одни кустарники. Наврал нетрезвому Сугробину Емельяныч и сбил его с панталыки. И Леонид сидел, пригорюнившись, на заднем сиденье тряского ПАЗика и грустил, понимая, что каждая минута делает его возвращение несбыточным.

Погода стояла жаркая, яркая, пыльная. На полях, прорезанных шоссе, желтели остатки погибших растений, и только ровный ёжик жнивья радовал глаз. Чтобы там не было, но это поле было убрано и урожай скрыт в хранилищах. А в городах и посёлках, ложившихся под колёса наших автомобилей, шёл обычный воскресный день. У пивных стояли очереди жаждущих прохладиться, такси и автобусы развозили людей, спешивших куда-то или уже возвращавшихся. На скамеечках перед палисадниками сидели бабушки с внучатами и лужгали семечки, покрикивая любовно на заигравшуюся мелюзгу. И неторопливо обсуждали давно прошедшее полузабытое или живо откликались на современное и молодое. Навстречу колонне, остановив её, промчалась многодневная велогонка. За спортсменами катили летучки с тренерами, запасными велосипедами и питанием. По приёмнику, лежавшему в руках у соседа Сугробина, передавали первые спортивные новости с олимпиады. Шла жизнь, и никто из приметивших колонну и не представлял и не задумывался о том, что две сотни специалистов едут тушить лесной пожар и спасти народное добро для этого, мирно живущего в жаркий воскресный день, народа. Никому в голову не пришло, что мимо них проехали неизвестные герои.

Кто они сейчас такие? Пожаротушители, мобилизованные и призванные? Или просто направленные – отправленные!?! Никто не знал. Их просили с момента отправки не беспокоиться ни о чём. За них будут думать. А раз за них будут думать, значит, они мобилизованные. Люди ехали разные. С НИИ полсотни инженеров, и с других предприятий полторы сотни разных специалистов мужчин. Из родного отдела их было трое, самых отзывчивых и спокойных. Кроме Сугробина, из отдела были ещё неразлучные Толя и Коля, призванные с Урала на укрепление технической мощи предприятия. Пока машины мчались по шоссе, они поахали, что оказались самыми «глупыми». Но, выкурив по несколько сигарет, приумолкли. «Надо – значит надо!»

В Воротынец колонна пришла в два часа дня с небольшим хвостиком. Солнце всё также катилось по небу в жёлтом мареве, воздух был суше и тяжелее, чем утром в Горьком. Автобусы припарковались на площади, где в трёхэтажном здании райкома совещалось высокое начальство и прибывшие командиры колонны. А рядовой состав прибывших спасателей развлекался розовым портвейном, обильно заполонившим полки местного магазина. И вскоре, пусть до песен дело не дошло, состояние значительного числа бойцов было превесёлое. Сугробину пить не хотелось, и он с коллегой Толей приспособил пустые бутылки ёмкостью 0,7 литра под удивительно приятную и вкусную воду из местного водопровода. Они пили её бутылку за бутылкой и ходили по очереди на колонку. Так прошло часа три. Откуда-то привезли хлеб и раздали по машинам. Потом раздалась команда «Садись!» и машины пошли в пекло. Но перед этим надо было переправиться через Волгу. «Переправа, переправа! Берег левый, берег правый!» Десятки машин стояли на грунтовой в колдобинах дороге от высокого берега до бревенчатого причала. Никто из «высокого» начальства и не подумал приказать пропустить

²⁶ Строчка из стихотворения А. Галича (Гинзбурга)

²⁷ Районный центр Нижегородской области на правом берегу Волги в 200 – х километрах к югу от Нижнего Новгорода

спасателей вперёд. Паром сделал две ходки, прежде чем на него пошли автобусы спасателей. Спасатели время не теряли и полезли в тёплую воду Волги, совершенно разумно приговаривая: «когда ещё придётся это удовольствие получить». Сугробин, не имея ни плавок, ни полотенца, в воду не полез, и бродил по берегу, ругаясь про себя, что дал слово доехать до места работы. Мог ли он за первой утренней рюмкой коньяка предполагать, что окажется в такой обстановке. Если бы не это, вырванное Емельянычем слово джентльмена, он бы бросил эту переправу и сиганул на автобусную станцию, чтобы наутро явиться на работу подготовленным к отъезду как надо. Но недовольство в нём раскручивалось, и он мысленно начинал входить в интимные отношения со своими начальниками, институтом и всей властью страны Советов. Его начинало мучить недоброе предчувствие, и ноги его уже почти понесли в гору, не слушаясь разума, когда автобусы пошли на паром.

За Волгой езда была весёлая. Лесная дорога без насыпей и грейдера была избита до не возможности лесовозами. «Пазики» спасателей останавливались перед каждым незначительным подъёмом, и шли вперёд только после прибавки к своим лошадиным силам, ещё пятнадцати – двадцати человеческих сил, усиленных розовым портвейном.

– А ну, ребята, толкнём! – открывал двери водитель. И ребята, вывалившись из автобуса, облепляли автобус как мухи и... Раз – два, раз – два. Взяли! Автобус качается, но не идёт.

– Давай ещё людей! Взяли!

Машина раскачивается и стоит. И вдруг обиженный крик. —

– Стой, ребята! Он, сволочь, ещё мотор не завёл!

Громкий мат и за ним весёлый хохот.²⁸ Кто-то кричит: « Может бечеву, как у бурлаков, и хрен с ним, с мотором!»

К девяти часам стемнело. Толкать никто не выходил и водители, надрывая моторы, вытягивали машины самостоятельно. В воздухе резко поволокло гарью. В просветах между кронами могучих сосен в темноту невидимого неба врывались неровные, бурые пятна далёкого зарева. Явственно слышалась дыхание большого пожара. Машины как-то вдруг неожиданно резво пробежали по прямому отрезку дороги, громыхнули на деревянном мосту через ручей и уткнулись белым светом фар в тёмные контуры домов. Водители заглушили моторы, фары погасли, и мрачно мерцающее небо нависло над посёлком и колонной машин. Край огня в лесном посёлке Дорогуча встретил огнетушителей молчаливой напряжённостью. Было одиннадцать часов вечера.

Люди без обычного ора и шуток покинули автобусы и смотрели на огромное мутное зарево. Неровные края зарева зловеще колыхались, исполняя замысловатый адский танец. И все прибывшие на борьбу с этой стихией, некоторое время молча смотрели на завораживающий, сковывавший мысли и чувства мрачный отблеск, цепenea как кролики, под взглядом питона. И переживали влияние непонятной незнакомой стихии.

Но дело было позднее. Встретившая колонну неторопливая женщина в окружении старших по колонне и любителей знать больше других, добротнo, уже привычным к несчастью тоном, рассказывала о трагедиях, произошедших на её глазах, и разъясняла где приехавшим разместиться на сон и что можно сделать ночью по устройству. Нестройные голоса требовали еды, а молодые и бойкие начали завязывать знакомства с неизвестно откуда появившейся стайкой местных девчонок. Сильнее чем есть, хотелось Сугробину спать. Вчерашняя выпивка, неожиданные события, закончившиеся пятнадцатичасовой поездкой в жестком автобусе по жёстким дорогам, разбили организм до моральной тупости. Не хотелось ничего выяснять и ни о чем думать. Он даже не включился в борьбу за набитые сеном матрасы, которых оказалось втрое меньше по количеству, чем людей. Вокруг суетились, сидели в круж-

²⁸ Эх, Компартия! Всё лучшее в людях погубила. Не будет больше такого народа ни у одной, пусть самой прехорошей власти. Ведь этот народ поверил, что ты ведёшь его к прекрасному будущему. (Размышления автора).

ках, закусывали прихваченными запасами и допивали вино. Он сидел на брёвнах, рассыпанных у дороги бесцельно, и докуривал пачку сигарет. Зареве всё также волновалось угрюмым облаком. Появившаяся луна только усугубила нерадостную картину зыбучей песчаной земли. Горели могучие сосновые леса, шишкинские леса горели. Сигарета сгорела. Леонид пошарил по немногочисленным карманам. Кроме денег и ключей от квартиры, в карманах у него ничего не было. И прошло ещё два часа, пока группа из института оказалась на постое в деревянной одноэтажной школе на краю поселения. Постелью всем оказался крашенный деревянный пол. Сугробин наткнулся на одинокую лавку, положил на неё валявшееся рядом полено под голову, закрыл глаза и немедленно уснул. Воздух был тёплый, и холодно не было.

Нет ничего прекраснее и полезнее огня. Нет ничего страшнее и ужаснее огня, его необузданной стихии, посылаемой людям толь в наказание, толь в напоминание о вечном. Пожар бушевал на пятидесяти тысячах гектарах лучших лесов России. Началось с малого, а когда будет конец, было одному Богу известно. Ни один человек не мог ответить на этот вопрос. Несмотря на великие достижения в науке и технике, и полёты человека в космос, человек выглядел совершенно беспомощным перед лесным пожаром, и ни остановить, ни локализовать его не мог. Отсутствовали понятия о борьбе с огнём в лесу, отсутствовала техника, если кто и понимал, как её применить на защиту леса, Самое большее в борьбе была не защита леса, а спасение деревень. Здесь же и деревень то не было. Было одно село и одна деревенька на всё междуречье. Их и спасали, но не уберегли. Село уже сгорело, а деревенька сгорела на следующий день по прибытию спасателей. Посёлок Дорогуча принадлежал леспромхозу, рубившему здешний лес десятилетиями. Его работники, должно быть, и виноваты в пожаре. Дождевой и грозовой погоды всё лето не было. И естественно пожар от молний быть не мог. Виновных никто не искал и пожар бушевал.

Тот, кто видел лесные пожары, никогда не забудет этого зрелища. Сугробин заявил после, что лучше бы никогда и не видеть. Нет зрелища более захватывающего, нет зрелища более печального, чем лесной пожар. Вихри огня охватывают кроны могучих столетних сосен. Горячий раскалённый воздух устремляется вверх. Трещат в огне деревья тысячами ружейных выстрелов, гудит искусственный ветер, созданный огнём. И красные молнии, соревнуясь между собой в скорости, прыгают с дерева на дерево, как бы передавая эстафетные палочки. Птицы умирают в раскалённом воздухе, не успев вырваться на простор. А ошалелый зверь, ведомый древним инстинктом, несётся по буеракам, колдобинам и завалам на дальний запах уже несуществующей воды. Огонь с вершук деревьев падает вниз. Вспыхивают как рассыпанный горстью порох, пересохшие мхи и лишайники. Разгораются могучим огнём валёжники, жадно лижут языки пламени густую смолу на стволах могучих деревьев. Только самому отвратительному врагу, насильнику малолетних, пыточнику, палачу и мошеннику, ввергающему миллионы в несчастья, можно пожелать оказаться в это время на месте огня, чтобы он смог огнём искупить свои гнуснейшие деяния. Тридцать километров в час в безветренную погоду может делать огонь в сосновом лесу. Останови его, человек!

Огонь прошёл. Густой дым окутывает пожарище. То там, то здесь вспыхивают здоровые стволы деревьев, уже обугленные, но ещё живые. Сосны качаются под лёгкими порывами ветра, но ещё стоят. Проходит день, другой. Сгоревшие корни не в силах удержать мощное дерево, и начинают крошиться. И дерево, глубоко охнув, наклоняется и падает. Вспыхивают от падения тлеющие частицы, и снова яркое пламя озаряет чёрный лес. Снова и снова стонут и падают деревья, наваливаясь друг на друга в неопишемом беспорядке, и образуют завалы, через которые и через пятьдесят лет не пройдёт четырёхлапый зверь.

Ещё несколько дней и только редкие струйки дыма оживляют мёртвое пространство. Куда не кинешь взгляд, вокруг одна чернота, вздыбленные в гигантском сражении обгоревшие корневища, мёртвая пыль под ногами. Сапог проваливается по щиколотку. А если толкнуть

пыль носком сапога, то нога уходит вглубь и не находит твёрдой опоры. Вся подслойка леса прогорела до самой земли. Часть деревьев ещё стоит. Они тоже мертвы, но держатся, держатся. Пройдёт небольшое время, упадут и они. И сто лет не будет расти на этом месте другой лес, такой же прекрасный и сильный. Сто лет! Мал срок нашей жизни, чтобы оценить этот бесценный дар природы. И ничтожны наши стремления в будущее, если леса в том будущем не будет.

На новом месте всегда что-нибудь снится. Сугробину сон снился совсем не о пожаре, и он улыбался во сне, обнимая пахучее сосновое полено как ту берёзку, которую обнимал поддавший поэт С. Есенин.²⁹ Разбудил устало спавших людей голос нашего командира звонким петушиным тенором прокричавшим: «Подъём!» Было пять часов утра. Запах гари за ночь не уменьшился. У всех от жёсткого лёжбища ломило все кости скелетов.

– Сейчас пойдём на завтрак, – сладко пел тенор. – А потом направят на работу. Работать будем по трём бригадам, которые я вам зачитаю. Коллега Анатолий был назначен бригадиром третьей бригады.

– Лады, Толя! Всё-таки свой человек в начальниках, – хлопнул по плечу Анатолия Сугробин. – Когда уйду в бега, прикроешь?

Толя, почему-то, припомнил чужую мать, и посмотрел на его босоножки.

– Много по огню в таких «сапогах» не находишься.

– А я и не собираюсь. Рустайлин обещал сегодня мне обмундирование доставить. Я на пенёчке и буду его ожидать.

– Ну, ну. Пусть так и будет, пузики-арбузики, – повторил Толя свою любимую приговорку, и пошёл сплачивать бригаду.

Выполнив самые неотложные дела, народ потянулся к длинному сараю с одним большим окном, обозначенному встречавшей ночью женщиной как столовая. Дверь столовой была на замке. Но рядом, как и везде, были россыпи брёвен и голодный народ, рассевшись кучками по организованным бригадам, начал ждать. Сугробин обошёл поселение вокруг и обнаружил, что автобусы исчезли. Путь к отступлению был отрезан. Он почесал затылок и тоже, как Толя, вспомнил чужую мать.

В семь часов подошёл человек и открыл в столовую дверь, сказав при этом, что продуктов нет, и приготовить он ничего не может, разве только воду вскипятить.

– Кипяти воду, – крикнули из толпы.

В восемь к столовой подошёл начальник колонны и объявил толпе в двести человек, собранных и вывезенных по авральному приказу в выходной день, что корму для них не приготовлено. За еду надо платить торгу, а денег привезённая толпа ещё не заработала, и леспромхоз не может выдать деньги. Так что у кого есть деньги, пусть идёт в магазин и покупает...

– А у кого нет денег?

Начальник молчал. Инструктор городского райкома КПСС, он был пешкой самой несчастной в этой обстановке, так как понимал, что власти района и руководство леспромхоза должны были решить кормовые вопросы, чтобы это не стоило. Кругом огонь. И голодные люди сами порох и недолго до мордобоя, а не до тушения пожара. Но он был ничто, и не мог взять на себя ответственность и извиниться за руководящую и направляющую. Партия не могла быть виноватой. Сугробин уже навоевался с властями местного значения за время службы в автобате, и ему было неинтересно слушать разговор спасателей с партийным чиновником. Он пошёл в магазин за сигаретами, пробормотав негромко найденный вчера эпитет; «Индюки надутые!»

²⁹ «И утратив скромность, одуревши в доску. Как жену чужую обнимал берёзку...»

Над Дорогучей поднималось, невидимое сквозь грязное марево копоти, солнце. Над лесом висели мрачные клубы дыма. Горел лес со скоростью тридцать километров в час в безветренную погоду. Двести голодных неприкаянных спасателей стояли у конторы общей массой и драли глотки.

– Кормить будут!?

– Вези обратно, тудыть твою...

– Жрать хотим!

Пролетарии от станка в выражениях не стеснялись, но слышали они только сами себя. Никто с ними не разговаривал, не выслушивал.

Наконец, в десять утра, на крылечко вышел человек, представившийся вторым секретарём Воротынского райкома КПСС.

– Пожар не разбирает, сытый ты или голодный! Тушить лес надо, а вы митингуете... Еду надо было купить, а вы всё вино в райцентре выбрали... Сейчас машины подойдут, и в лес. И чтобы никаких отказов. А пьяниц мы вычислим и в МВД передадим... И вообще, кормить район вас не должен. За всё Гражданская оборона отвечает.

– Господи! – шептал про себя Сугробин. – Ну, вразуми же ты этих потомков люмпенов из семнадцатого года. Вразуми! Какой народ вырос. В войне победил, все лишения, голод, холод, миллионы смертей перенёс, и всё ещё готов строить нормальный социализм. И как продолжают эти «руководители» над этим народом измываться. Вот останутся люди разом во всей стране на один день, и рухнете вы все лицемеры и горлопаны, паразитирующие на здоровом теле этого народа. Ведь всякое чувство меры потеряно сверху донизу. Я продолжаю верить, что ещё не всё потеряно, и можно выправить, но где тот новый кормчий, который поведёт. Раз в тысячу лет появляется, говорят мудрецы. За такие годы много империй сгинет.

– Мы тебя самого вычислим и на пожар возьмём, – раздалось из толпы. – Герой нашёлся. Раз секретарь, так вот тебе лопата и веди меня в огонь, а я за тобой. – Выдвинулся из толпы крупный мастеровой. – Пьяниц он выявит! Да я тебя... – и мастеровой резко шагнул к крыльцу, подняв лопату. Секретарь взвизгнул и скрылся за дверью. Толпа захохотала.

– Вот и вся наша власть. На пожаре как на войне – всё насквозь видно, – сказал мастеровой, повернувшись к толпе. – Давайте так, мужики! Поедем, посмотрим, может, что-нибудь сделаем. Машины от себя в лесу не отпускать. Мало ли что, а пешком от огня не убежишь. И от каждой бригады оставляем по человеку, и деньги им оставим, кто сколько может. Пусть что-нибудь прикупят к вечеру, чтоб с голоду в первый день не сдохнуть. А там решим. А «комиссар» пусть контру в наших рядах вычисляет. Лопату держать в руках его в партии не научили.

Люди, ругаясь и смеясь, пошли грузиться в машины.

– Странная у нас какая-то житуха, – сказал Анатолий. – Кругом вся власть работает для народа, все во всём правы, а от народа клочья летят. Куда засунули двести человек! Не поспать, не поесть! Кому это на хрен надо!? Кстати, раз ты не обул, может за «старшину»³⁰ останешься.

– Назначь, пожалуйста, другого. Я хочу посмотреть, что и как, – ответил Сугробин.

Было десять утра. Голодный и злой народ, чуть подобревший после бегства трусливого секретаря, уселся в поданные грузовики, которые помчались в глубину задымлённого леса. Песчаная пыль клубилась под колёсами, окутывая пожарников с ног до головы. И через несколько минут все оказались покрытыми толстым слоем пыли, пропитавшую не только одежду, волосы и все возможные ямки на теле, но и саму кожу насквозь до голых мышц. И казалось, что пыль проникла и в кровь. И заклинила привычные для неё дороги по венам и арте-

³⁰ В армии старшина отвечает за питание.

риям, потому что воздух состоял наполовину из пыли. По сторонам дороги среди деревьев сверкала огонь, а машины всё мчались и мчались.

«Осмелюсь доложить», – выразился бы по поводу сложившейся обстановки бравый солдат Швейк³¹, – « что большие пожары не тушат!» И действительно, такой лесной пожар, какой бушевал на территории, потушить людскими средствами невозможно. Такие пожары стараются блокировать, изолировать горящий район от соседних, ещё не охваченных огнём массивов. А горящему участку дают спокойно прогореть. Изоляцию пожара ведут разными способами. Наиболее простой и доступный самым распространённым подручным средствам топору и лопате, является прорубание просек и прокапывание траншей. Стараются использовать русла рек, ручьёв, имеющиеся уже дороги, ранее вырубленные просеки. От здоровых районов, уже отделённых просеками и траншеями, для полной гарантии пускают встречный огонь, чтобы сжечь часть леса и не пустить неуправляемый огонь самому решать эту задачу. Встречный огонь дело тонкое и требует большого опыта и разума. В самые опасные места, грозящие огненную катастрофу, бросают пожарные вертолёты, самолёты, сбрасывающие сверху воду. По земле пускают бульдозеры и другую землеройную технику, и даже танки, чтобы валить деревья с боевой скоростью. Привлекают команды взрывников, делающих просеки и рвы направленными взрывами.

Обо всём этом знают читатели средств массовой информации и наши спасатели тоже. Сугробин тоже читал и смотрел в новостях, как наши отважные вертолётчики тушили горные пожары во Франции. Читал, восторженные репортажи об отважных воздушных десантах. Но нигде не читал, чтобы не снаряжённых для спасательных работ людей везли на пожар по велению партийного руководства голодными и при отсутствии самых завалавшихся пожарных инструкторов. И Сугробин знал, что ни одно СМИ не поместит заметку о таком «героизме» советских людей. «Так не может быть!» – заявит презрительно редактор. «Это явная клевета!» – заявит другой. Хотя оба прекрасно понимают, что им представляют правду.

Лопаты в отряде умели держать все. Топоры держали единицы. Да топоров и было по паре на бригаду. Когда бригада Анатолия высыпалась из кузова на поляну, кромка леса, подожжённая встречным огнём, сверкала бегающими огненными гирляндами и рассыпающимися веером искрами. На поляне стоял местный лесник Андрей Капитонович и подзывал бригаду к себе. Он попросил откликнуться старшего, и дал задачу окружившим его людям. Не пускать огонь ближе пятнадцати метров до дороги. Бригада распределилась вперёд по дороге на полкилометра. Сзади работали приехавшие ранее. Впереди нашей бригады никого не было. Шофёру Капитоныч велел поставить грузовик посреди поляны и тоже взять лопату. Шофёр заворчал, но послушаться не решился при городских.

– Что, милоч! Сонного что ли взяли? Босиком на пожар приехал, – сказал Капитоныч, осмотрев критически Сугробина. – Босиком пожар не тушат. Пройди по дороге подальше, посмотри как там. Но далеко не ходи. Вчерась черемисы,³² человек пятьдесят, увлеклись, и в круговой огонь попались. Ладно, удачно получилось, что все выбрались. Но сегодня они в лес уже не пошли. Стоят вон там, на дороге и никуда. Да и кому охота за ни прошто гореть. Ведь никого из начальства с лопатой здесь нет. Они власть, они командуют. А командовать-то надо уметь. А лес горит. Наше добро горит, хоть и государственное всё.

– У меня отец, Иван Макарович, по таким делам всегда однозначно говорит: «Какова власть – такова и мазь!» Да и что её упрекать, нашу власть. Она ведь народная, и всё вокруг народное. И всем до «Фени».

– Всё равно жалко, – сказал Капитонович.

³¹ Герой юмористического и поучительного одноимённого романа чешского писателя Я. Гашека. о времени первой мировой войны.

³² Черемисы – они же марийцы, коренные жители Мари Эл, граничащей в описываемых местах с Нижегородской областью.

Сугробин и в бреду представить не мог, что социалистической бесхозяйственности времени остаётся совсем немного. Ему, как и основной массе людей, хотелось, чтобы исчезло насильно навязываемое состояние идиота, заставляющее на собраниях говорить одно, а в курилках совсем другое³³. Чтобы вверху, наконец, поняли, что ведут страну не туда. Чтобы поняли вверху, что народ смеётся и матерится, и не согласен ни с внешней, ни с внутренней политикой. Властители и правители с древности понимали великую опасность для государства, когда народ начинал смеяться.³⁴ А «Индюки» не понимали, что только единение всех сил на основе реальной оценки состояния всех слоёв общества может привести к успеху, и новым победам и первенству, которое ускользало от страны Советов как вода из решета. При такой обстановке народ смеялся и способствовал разрушению системы не понимая и не предполагая, что попадёт в очередную западню. Притесняемый властью экономически, несвободный в выражении действительных взглядов на политическую обстановку, обложенный во всех частях жизни формализмом и лицемерием, народ искренне начинал верить, что там, на Западе, рай земной. Желая приобрести автомобиль, рассуждал, что «у загнивающих» каждый безработный работу ищет разъезжая по стране на автомобиле. Другие, принеся домой в семью зарплату, говорили жене, что «там», безработный пособие получает в десять раз больше. Другие обижались, что не могут поехать, куда хотят. А пенсионеры, обижаясь на пенсию, сетовали, «что там» пенсионеры могут путешествовать на пенсию по всему миру. И даже старики, жившие до семнадцатого года в курных избах и надевавшие в семье лишь на праздник новые лапти, забыли хищный звериный оскал капитализма. И вслед за молодыми повторяли как «там» живут хорошо. Всё это была глубокая полуправда. В Советском Союзе жили скудно, но ни у кого не было неуверенности в завтрашнем дне. Люди планировали жизнь на многие годы вперёд и не задумывались над тем, как будут кормить и одевать ребёнка, если ребёнок появится. А правда оказалась в том, что на капиталистическую пенсию старики не то что за границу не могли поехать, а стали на картошке экономить, покупая ей по штукам.

Сугробин многое уже понимал в причинах и следствиях происшедшей в России социалистической революции. И Ленин не казался ему уже святым, и Сталин не казался демоном. А современные вожди вообще были в его понимании самыми обыкновенными людьми без вдохновенья и желаний строить новое, чистое, лучшее. Они сели на места и защищали их неприкосновенность. И пришедшее ему сравнение их с *индюками* оказалось настолько ёмким, что и расшифровывать ничего не требовалось. А то, что лес горит по разгильдяйству местных правителей, и объявлять об этом было нельзя, ему было понятно более, чем другим. Как же, подрыв авторитета на местах. А подорвёшь на местах, и выше поедет. Народ смеялся, осуждал, сетовал. Вожди не понимали, что сотворили в душе народа равнодушие и не понимали, что могут рухнуть. И продолжали рубить под собой сучок.

Народ в своем равнодушии также не понимал, что система может рухнуть. И не защитил свою народную власть, за которую отдал столько сил и жизней. Индюки довели народ до того, что народу казалось – хуже быть не может. И поддавшись пропаганде предателей и врагов, внутренних и внешних, народ отстранённо наблюдал за развитием событий в девяносто первом. И понял, что может быть хуже, когда также попал в чужой суп, как и индюки, когда всё рухнуло, и на землю Советскую пришёл хищник, без колебаний принявшийся разрушать всё на своём пути. Осознал народ, что стабильность и скромная, но надёжная жизнь – это един-

³³ «Живая мысль покрылась слоем пыли. От лицемерья вонь стоит кругом.. И в детсаду детишки научились Сказать одно, а думать о другом» (стихи автора)

³⁴ Один шах ин шах обнаружил пустоватость в казне. и вызвал главного визиря. «Увеличь налоги вдвое и посмотри, как будут подданные реагировать». «Ругаются, но платят», – доложил визирь. «Ещё увеличь вдвое». «Плачут, но платят». «Ещё увеличь!» «Смеются и не платят», – доложил визирь. «Скинь от назначенного на половину», – приказал шах. – когда народ начинает смеяться над властью, он уже ничего не боится (Восточная байка)

ственное, что хорошо. Но было поздно. Остался народ без работы, без зарплаты, без пенсий и без надежды. Лучше, оказывается для народа, рассказывать негромко анекдоты про вождей при таком – сяком социализме, чем громко кричать, что президент прохвост, и остаться без средств существования при самом лучшем капитализме.

Сугробин, покурив с Капитонычем, положил лопату на плечо и побрёл в глубь горящего леса.

– На разведку Капитоныч послал, – крикнул он Анатолию.

Вдоль дороги копошились спасатели. Двое с топорами рубили поросль и кидали её вглубь леса. Остальные с лопатами неуверенно и недоверчиво подходили к очагам огня и швыряли в огонь песчаную землю. Земля была сплошь песчаная, лёгкая. Песок рассыпался по огню, перекрывал доступ кислорода и гасил пламя. И казалось, всё – очаг потушен. Но огонь проник везде. Лёгкое дуновение воздуха, и из-под присыпанной песком древесины снова взрывается пламя. И снова надо присыпать, присыпать. Земля под ногами как горячая сковородка. Сверху жгучее не по сезону солнце. Вокруг едкий дым и огонь. Огонь, которого по законам физики уже не должно было быть. А что-то продолжало гореть под песком без кислорода и смрадно дымить.

У бачка с водой, выставленного у машины, постоянные клиенты. Всё время хочется пить. А после воды просыпается на время утихший голод. Все понимают, что еды не будет, но надеются. Человека же оставили. Прошло часа четыре, когда, за не упавшим ещё лесом, поднялась громадная чёрная туча. Вся бригада собралась у машины. Что-то горело очень смачно. Капитоныч сказал, что село горит уже третий день с переменным успехом. Как оказалось, в этот момент горело не только село. Горела и сгорела дотла деревня Рябинки в пятьдесят дворов. Пока жители давали встречный огонь, сзади подошёл верховой неуправляемый. И через час Рябинок не стало.

К пяти часам огонь на контролируемом бригадой участке приутих. Усталый, в саже и грязи, голодный народ собрался под уцелевшими соснами и прилег без обычных шуток и подначиваний. Неожиданно подошла машина и «наш» оставленный человек вылез из кабины с сумкой хлеба и краковской колбасой. Белый мягкий хлеб и кружок полукопчёной колбасы в триста граммов, подняли на ноги самых истомившихся. Досталась порция и Капитоновичу. Хлеб, колбаса и вода никогда ещё не казались такими вкусными. Все жевали, не сдёргивая оболочку с колбасы, и слушали лесника, который успевал жевать и говорить.

«Какой лес здесь, сами видите, – показывал он на уцелевший лес, – Какая красота в любую погоду. А когда дождь, сядешь под непромокаемую сосну, и слушаешь, как иголки с капельками разговаривают. Ведь всё живое. Думаете, что лес глухой, слепой, бессловесный. Сосем не так. Лес живой. И когда дождь, и когда сухо, и когда под сильным ветром шумит. Всегда по новому, по своему. Прижмусь, бывало, к стволу, приложу ухо и слушаю. И кажется, понимаю, что говорит. И спокойно становится, радость какая-то появляется. А сколько зверя здесь было, птицы боровой, зайчишек тьма – тьмущая. Куда все ушли? Птицы погибло много. Она глупая, сидит, чего-то ждёт. Вспархивает, когда огонь по гнёздам побежал. А рыбы в озёрах и речках! Теперь сто лет сосна расти не будет, – грустно закончил он. – Рябинки сгорели, село горит, да и Дорогуча сгорит». Сказал он последние слова как-то безразлично и равнодушно. Сугробину показалось, что он устал от пожара, устал от переживаний и собственного бессилия перед стихией. А перед этим рассказ его был яркий. Рассказ человека знающего свой лес, влюблённого в родные места. Теперь сто лет леса не будет. Жизнь человеческая измеряется другими сроками, и что ему теперь ждать в пятьдесят с добавкой. Бригада покурила после еды и пошла грузиться в машину.

Усталые, пропитанные до костей грязью, потом и дымом, спасатели вернулись в Дорогучу, когда смеркалось. Зарево, также как и сутки назад, мрачно висело над лесом. Первое

желание было помыться. Речушка Дорогуча в засуху превратилась в мелкий ручей, но каким-то чудом вода в полноводное время выбила ямку, которая была наполнена водой. И в неё влезло сразу полсотни голых мужиков, похожих на чертей с лубочной картинки дореволюционного исполнения. Вода самое великое чудо и ценность. После помывки даже есть не так хотелось. Никто из института на пожар не приехал и никакой амуниции, обещанной Емельянычем, Сугробин не получил.

– Что ж, – сказал Леонид Анатолию, – ввиду невыполнения обещаний руководства, я освобождён от своего обязательства и линия с первой машиной.

– Имеешь право, – подтвердил Толя. – Это им не пузики-арбузики.

Они покурили на крылечке. Усталость быстро уложила народ на боковую. Матрасов для устройства постелей не прибавилось, и Леонид снова примостился на лавку, и сны в эту ночь не снились. Затылок от полена гудел. Но сил улучшить спальное место не было и, поменяв руку под головой, Сугробин снова тревожно засыпал.

На утро ничего не изменилось. Долго на представленных постелях не понежишься. Поднимались люди один за другим, лишь забрезжил рассвет. Еду снова никто не представил. И снова митинг у конторы. Грузовики тоскливо стояли в ряд. В десять часов к конторе подрулил торговый фургон на ЗИЛе. Из кабины выбрались две женщины. Одна сразу прошла на крыльцо конторы и звонким голосом объявила:

– Товарищи пожарники! Сейчас я выдам вам деньги на неделю вперёд по пять рублей за день на человека. В машине продукты и вот продавец. Покупайте еду на все деньги и кормитесь. А, покормившись, наш лес спасайте. Продукты покупайте сразу. Лавка уйдёт. В общем, заботьтесь о себе сами. Всё. Пусть бригадиры со списками подходят ко мне. И скрылась в конторе. Продавщица с водителем раскрыли фургон и забрались вверх, организуя торг. Хлеб, колбаса, консервы, конфеты, печенье, табак.

Сами, так сами. Толя получил деньги и проводил совет о закупках.

– Овощей они не привезли, и супы варить не из чего. Будем есть колбасу и пить чай с конфетами. Согласны!?

– Согласны – не согласны, а куда мы на хрен денемся! – сказал мудрый человек из народа.

Сугробин, потолкавшись среди народа, подошёл к водителю фургона.

– Слушай, шеф! Ты меня не можешь доставить до Волги. Хоть на колесе. Мне надо срочно возвращаться в Горький.

– Не получится. В кабине места нет, а в фургон с товаром посадить нельзя.

Уговаривать было бесполезно. Фургон ушёл, и Леонид вместе с бригадой снова поехал на пожарище. За ночь большой огонь ушёл куда-то к Ветлуге в Марийскую республику. Дел было немного. Появившийся Капитоныч распорядился, чтобы пожарники парами делали обходы по трассе, отделявшей живой лес от горелого, и засыпали песком живой огонь. Так и ходили по очереди. А в остальное время сидели в песчаной канаве и перебирали события в мире, олимпиаде. Обед организовали по предложению Сугробина поджаренными колбасками на шампурах из берёзовых прутиков. И потчевали друг друга старыми анекдотами, и смеялись как над вновь услышанными. Так прошли ещё три дня. Начальство не появлялось. Транспорт на Волгу не ходил. Контрольное время у Сугробина заканчивалось, и планы поступления в институт срывались. «Кисмет», – снова говорил сам с собой Леонид, мрачно раскуривая сигарету за сигаретой. Одновременно молчаливо обзывал самого себя неласковыми именами за проявленную мягкотелость. Ведь знал, что надо всегда в таких делах быть твёрдым, и не выручать даже друга, если это вредит самому. Но он согласился, доверяясь слову начальника и выручая его. Он понимал, что ругать Емельяновича бессмысленно. Сам мудака. И было грустно оттого, что он взрослый и мудака.

В последний день августа в шестой день пребывания на пожаре, боевые бригады, возвратившись вечером в Дорогучу, не узнали посёлка. Всё пространство было наполнено шумом,

гулом, звоном стройки. На пожар прибыло пополнение около тысячи человек, снаряжённое и организованное. И вся эта команда окапывалась, ставила палатки, строила кухни. Две полевые кухни весело дымились, и разносился притягивающий запах борщей. Тяжело и глухо рыча, в направлении большого огня промчались три боевых танка, с повернутыми назад длинными стволами орудий. Прибыла дополнительная команда и из института. Привезли с собой матрасы, одеяла, и даже кипятильник титан с трёх – фазным питанием. Для подключения такого агрегата электрооборудования в Дорогуче не было. Поставили его в угол школьной прихожей как украшение. Посылки от Емельяновича с сапогами и одеждой не было. Назад ни один транспорт не пошёл. Был приказ, чтобы все автомобили находились при спасателях. После долгого ожидания и стояния в очереди, Анатолий с помощниками принесли бачок с борщом и люди впервые за неделю поели нормальную еду. Утром, среди прибывших, Леонид обнаружил Макса Воскобойникова.

– Вот уж не ожидал тебя встретить здесь, – удивился Макс.

– Приходится благодарить Емельяныча. Он Суматохина моей спиной защитил, из постели вынул. И приёмные экзамены мне в юридический сорвал.

– Зачем тебе юридический?

– Не знаю зачем, но нутром чувствую, что надо. Организм Сугробина за полтора десятка лет чувствовал смену декораций.

– На следующий год поступишь, – утешил Макс и без перехода сказал. – Знаешь, на меня Алёна в суд подала. Требуется, чтобы я признал отцовство. Пацану уже год.

– Так зачем суд? Признай и все дела.

– Меня Татьяна убьёт или сама себя, как она сказала. Я и так едва её успокоил. Говорю, что ничего не было и ребёнок не мой.

– Сукин ты сын, Макс, а не мужик. И чем ты передо мной сейчас хвастаешь.

– Я не хвастаю. Я помочь прошу.

– Чем?

– Выступить на суде свидетелем. Сказать, что я с Алёной ни, ни...

– Ты мне неприятен, Макс. Но я выступлю на твоей стороне, потому что Алёна мне неприятна вдвойне. Уже укладываясь с тобой в постель, она понимала, что может разрушить вполне добротную семью. А родив ребёнка, она откровенно пошла на шантаж, поставив под угрозу жизнь твою или Татьяны. Я большой противник таких действий со стороны женщин.

– Спасибо.

С прибытием массового пополнения, в посёлке вновь появилось местное руководство. Конторский дом раздувался от начальников и немислимой путаницы в попытках организации этой массы спасателей на действительно полезные дела. Был уже полдень, а никто никуда не ехал и ничего не тушил. Не уехал и наш первичный коллектив на свои обжитые места. Жаркий спор стоял между начальниками. И никто толком не знал, что надо делать. Куда послать людей, танки. Какие районы отсекать от огня, где тушить в первую очередь. Лесника Капитоныча на совещание не приглашали. Мелковат он для начальнической мудрости. И даже единоличного командира штаб не выдвинул. Местный второй секретарь авторитетом для горожан не явился. И непонятно куда, непонятно зачем к вечеру народ был развезён по лесу. Мчатся машины километров двадцать. Бригадир кричит: «Стойте! Приехали!» А огня никакого нет. Едут туда, где огонь, а там уже отряд работает. Помотаются по лесу машины с людьми, сожгут бензин и в Дорогучу. Бригада Анатолия Капитоныча больше не видела. В Дорогуче качественно работали только повара на походных кухнях. Варили доброту и кормили всех, денег не спрашивая. Приходил бригадир с ведрами, отмечался у старшего повара и получал еду. Получив матрас и одеяло, залечил синяки на затылке Сугробин. Смирившись с не поступлением на юрфак в этом году, он слушал известия с олимпиады. Там террористы захватили

еврейскую спортивную делегацию. Этого следовало ожидать. Кормчий знал, для чего он поддерживал идею создания государства Израиль.

Дни шли, пожары продолжались, и заграждения огню более чем тысячная армия спасателей не поставила. Просто отряды не знали, что делать. Каждый час ползли и менялись слухи: там горит, там сгорело, огнём дорога к Волге отрезана, и огонь к Дорогуче подходит. И подойди огонь к Дорогуче на самом деле, сгорела бы Дорогуча как коробка спичек на ветру вместе со всей многочисленной ратью спасателей и тремя танками. В массах спасателей назревало возмущение всем и главным – бестолковостью руководства. Индюки – они и в Дорогуче индюки. Громкие возгласы «Да пропади всё пропадом!» были одни из самых мягких. А в ответ на одёргивания осторожных, слышалось убийственное: «Дальше шахты не пошлешь, меньше кирки не дашь!» Сугробин ничем не возмущался. Но предполагал в раздумьях от ничего не делая, что вместо всей этой толпы начальников, надо было прислать одного боевого полковника, который в один день сформировал бы из этой орды стройную боевую часть, каждое подразделение которой знало бы свою задачу и район действий.

Прохаживаясь в босоножках по перекрёстку лесных дорог, Леонид встретил остановившийся УАЗ, из которого выбрались четверо начальников. Раскрыв планшет с картой, один из них стал что-то объяснять остальным. В человеке с планшетом Сугробин с удивлением узнал Гришу Шляпкина, лейтенанта из его роты.

– Григорий, ты! – подошёл он к группе товарищей. Григорий уже свёртывал карту.

– Леонид Иванович, – узнал его Григорий и обнял Сугробина. – Вот это встреча. Да так и должно быть. Мы с тобой штатные спасатели. Тогда хлеб спасали, сейчас лес спасаем. Не может страна без нас.

– Но как запрограммировано. И там, и здесь бардак с общим знаменателем.

– Не переживай. В Сибири и Дальнем востоке совсем с огнём не борются.

– Люблю я тебя, Гришенька, за твой оптимизм. Давай команду. Тебе я доверяю. Они ещё раз обнялись и начальники уехали. Леонид вспомнил, что Григорий работал в областном управлении по лесу.

Между тем временем командовал сентябрь. Погода начинала улучшаться. На небе, мешаясь с дымом, стали появляться серые облака. Иногда падали редкие капли дождя. Не один бы спасатель поставил свечку всевышнему, моля о дожде. Но в безбожном государстве свечами не торговали, и приходилось только шептать молитвы. И Бог смилостивился. К десятому сентября в ночь подул ветер, загремел гром. Мужики поднялись с постелей, собрались на крыльце. Шумели сосны. Редкие капли падали медленно и казалось, что ветер разнесёт тучи, когда упал ливень. Дождь шёл сплошной стеной и продолжался более часа. Радостные разговоры продолжались до утра. Это был наилучший и наисчастливейший выход из тупиковой ситуации в этой пожарной истории.

Утром совет командиров решил, что держать возле себя возбуждённую, ругающуюся и способную на неадекватные поступки толпу опасно. И дал команду на демобилизацию. Самые организованные быстро погрузились и уехали не пообедав. Бригада Анатолия пообедала, погрузилась в выделенный «УРАЛ». С ними устроился Макс. Анатолий скомандовал из кабины «Вперёд!». Прогремел деревянный мостик над речкой под колёсами, и через минуту Дорогуча скрылась за зелёными соснами. За Волгой, в Воротынце, Леонид с Максом купили бутылку коньяка и, выпив по стаканчику, решили про пожар не вспоминать, как о времени ненужных потерь.

Об этом лесном пожаре Леонид Иванович вспомнил в 2010 году, при капитализме, когда снова занялись огнём леса, уже по всем краям обрезанной России, и оказалось, что капитализм вообще ничего не может сделать для борьбы с огнём. Даже людей собрать с предприятий

и офисов! И что главная цель рыночной экономики – так вырубить российские леса, чтобы и гореть было нечему.

IX

В середине октября в гараже частного дома Бориса Шуранова Леонид Сугробин вместе с сыном Бориса молодым инженером Пашей закручивал последние гайки на колёсах УАЗика, который ремонтировался с весны и, наконец, принимал рабочее состояние. Капитально был отремонтирован двигатель, поставлены новые подвеска и коробка передач. Брезент на жёсткий кузов решили заменить на следующий год. Паша был крупнее Леонида на две весовых категории и ворочал массивными баллонами, как лёгкими колёсами от «Жигулей». Погода была золотая. И гончая Бориса, очень ласковая с людьми и неутомимо злая на охоте, вертелась и повизгивала в предчувствии скорого свидания с лесом и зайцами. Паша на охоту в этот раз не собирался. Он рано женился, и его подпирали малые дети.

– Вот и всё, – сделав последнюю затяжку, – сказал Паша. – Сейчас бадины военпреды с Сормова приедут, и батя подойдёт. Можно укладываться. Ружьё у тебя здесь? А то моё возьми.

– Всё у меня здесь. Даже фляжка наполнена.

– Тогда собран полностью.

Заскрипела тяжёлая калитка, и вошли два капитана второго ранга, не в форме моряка, конечно. Но мы знали, что они капитаны. Оба в сапогах, плащах – накидках и с рюкзаками, из которых торчали ружейные чехлы.

– Грузиться можно? – закричал черноволосый Никола.

– Едва доволоч, – сказал его коллега Аркаша, сбрасывая рюкзак в машину. – Этот чёрт кричит без остановки, «грузи, грузи». А я уже на плечо поднять не могу.

– А ты как думаешь три ночи на улице прожить? – сказал Николай.

– Костёр разведём, – сказал Аркадий. – А Борис где?

– Борис на месте, – сказал Борис из раскрытой калитки. – Время в обрез. Через пять минут выезжаем. Пань, открывай ворота и выгоняй. Водку все запасли? Кто не запас, наливать не будем.

– По дороге магазинов... – протянул Аркадий. – Доберем всего, о чём позабыли.

– В дороге и проверим у кого что. Последняя остановка в Ковернино.³⁵ Там должны быть в четыре вечера, – сказал Борис, усаживаясь на место водителя.

Ласковая собачка Лада забралась в машину, не дожидаясь приглашения. Собака Лада была из хорошей собачьей семьи. Её мать была известна широкому кругу охотников и сгинула в лесу. И как размышлял Борис над её пропажей, что увлеклась собачка, и забежала в волчьи урочища.

С семьёй охотников Сугробин познакомился через Воскобойникова, который в день Красной армии припёрся к нему домой вместе с Пашей. И восторженно поддатый, восхищался мощью приятеля, который как бульдозер, продвинул автобусную беспорядочную толпу, и они протиснулись в переполненный автобус. Потом Леонид по случаю зашёл в Пашкин дедовский дом, стоявший на берегу отрога Ковалихинского оврага. Разговорились и незаметно подружались в общих работах по восстановлению редкой тогда машины – вездехода, оказавшейся в частных руках. «Хорошие люди должны держаться кучкой», – не раз приговаривал Суматохин по случаю и без случая. Они и держались, совершенно не думая, что они хорошие. Держались и выживали в нередкие полосы черноты, когда казалось, что всё кончено. Они не ставили перед собой задач исправления официальной линии властей, не воевали на партийных

³⁵ Ковернино – районный центр на севере области. За ним Костромские леса.

и профсоюзных форумах. Но не поддавались и пропаганде, широко внедрявшей в общество давно уже не соответствующие научному социализму догмы и обязательки.

Николай сидел рядом с Борисом, Аркадий, Леонид и собака сзади.

– На выезде из Сормова нас на мотоцикле ещё один поджидает, – сказал Николай. – Наш человек, с завода. И собака с ним.

Мотоцикл с коляской стоял на условленном месте. Высокий, лет сорока, мужик попросил взять в машину собаку.

– Ладно, – сказал Борис. – И пёс пробрался назад. Сразу стало тесновато. А кобель, унюхав сучку, полез к ней по своим кобелиным делам. Лада рыкнула и куснула кобеля за морду. Тот отодвинулся, но не обиделся и снова полез.

– Вот ведь, – засмеялся Никола. – Его кусают, а он внимания не обращает. Вот поэтому собачьи кобели и добиваются успеха. А человеческих кобелей куснут игриво, а они сразу в бега. Так и остаются с носом.

– Давно это понял? – спросил Борис.

– Как только моряком стал. Моряки не отступают.

Машина бежала резво. Время ещё резвее. В Ковернино остановились возле чайной. Никола предложил остограмиться перед въездом в лес. Водители отказались, чтобы не рисковать перед местным ГАИ. На троих взяли бутылку и по толстой котлете с жареным картофелем. Полдня в хлопотах по подготовке машины и неблизкий путь притомили. Леонид выпил водку, съел вкусную котлету и ему стало хорошо. Захотелось прилечь, подремать.

– Здесь должен быть дом крестьянина, – сказал он. – Может, в лес не поедем, заночуем. Кормят вкусно.

– Не баламуть, – одёрнул его Николай. – Моряки не отступают. Сказано в лес, значит в лес. Проедем километров двадцать и в кусты. Палатку поставим. Охотниками на привале будем, как в кино.

Двадцать километров по спидометру прошли в темноте по совершенно раздолбанной колее. На двадцать первом километре фары высветили просеку. Борис свернул, проехал ещё пять километров, уперся в завал, остановился и выключил мотор.

– Всё! Встали. Утром разбираться будем.

Утро было похмельное. «Особенности национальной охоты» снятые на киноплёнку спустя четверть века, снимались не с чистого листа. Когда собирались на охоту на два выходных дня, Сугробин от такой охоты отказывался. Охоты не получалось. Приезжали на место, выпивали. Утром опохмелялись, стреляли по бутылкам и возвращались. «Пять полных дней, и точка, – говорил он. – Первый день пьём. Второй день возвращаем себя к жизни. Третий и четвёртый день охотимся и на пятый возвращаемся здоровые, отдохнувшие, с добычей».

Место стоянки, которое выбрал случай, оказалось со всех сторон удобное. Небольшая поляна, окружённая вековыми соснами, за стволами которых белели многочисленные молодые берёзы. Бурелом на дороге, обеспечил добротное сухое топливо. Под свет фар охотники поставили две палатки. Под дно палаток положили плотный слой пихтового лапника.

– Не жалейте лапник, – сказал Борис. – Земля холодная

От аккумулятора провели в палатки провода и организовали освещение. Время было тёмное, но раннее. На костре в котлах быстро закипела похлёбка с тушёнкой и чай. На плотной фанере, выполнявшей в машине ровный пол, организовался жёсткий стол. И в неторопливой беседе охотники засиделись за полночь. И не каждый утром вспомнил, как укладывался спать.

Капитаны, друзья Бориса Шуранова, дослуживали последний год в должности военпредов на Сормовском заводе. Нахватали за время службы немало рентгенов, и подолгу лечились в военном госпитале. После ухода на пенсию Николай на следующий год заступил еге-

рем на охотничьей заимке от Сормовского завода, на берегу Керженца³⁶. Аркадий отсиживался дома. Николай всё время задирает Аркадия, подшучивал. Тот также обижался шутливо ненадолго. С ними было просто и весело. К сожалению, прожили оба капитана на пенсии недолго.

Собаки, не дождавшись подъёма охотников, долизали вечернюю еду и скрылись в лесу. Когда Леонид вылез из спального мешка, с трудом разминая затёкшие мышцы, вдалеке послышались звуки собачьего гона. «Ав, ав, ав», – глухо и редко подавал голос кобель. «У... у... у...» – не выговаривая, визжала самочка. Собаки приближались к стоянке. Но заяц круто повернул в сторону, и лай удалился за ним.

– Надо выйти на тропу, стрельнуть. А то измочалятся впустую наши гончары, – сказал сормович-мотоциклист. – Пойду, встречу.

– Я не могу, – хрипнул Николай, выползая на четвереньках из палатки. Осмотрелся, увидел Леонида. – А ты, боженька, уже гуляешь. Достань пузырёк, и омой мою душу. Ничего не вижу, ничего не слышу.

– Думаешь, душа твоя примет, – усомнился Сугробин, которого Николай окрестил «боженькой» в день их знакомства в усадьбе на берегу Ковалихинского оврага. Но пошёл к машине. На волю вышли из палатки Борис и Аркадий. Сормович вскинул на плечо ружьё и ушёл спасать собак, которые, задыхаясь, пошли за зайцем по второму кругу. Борис присел у костра, ещё дымившегося с ночи тонкой струйкой и начал раздувать пламя.

– За смертью тебя только посылать, боженька, – ворчал Никола, усевшись возле костра на обрубок сосны. – Наливай. Всем наливай и себя не забудь. – Взял налитый стакан. Подумал и спросил, – Душа, примешь? Не сердись, душенька. Лучше отодвинься, а то обрызгаю. – И проглотил, сморщившись, одним духом.

Охотники выпили, – закусывая лещём в томатном соусе. Вдалеке послышался выстрел, затем второй.

– Настоящий охотник уже с добычей, а вы, командиры – алкаши, ружьё в руки взять неспособны, – высказался Борис. Подумал и добавил, – надо повторить по стопочке, не прожигает что-то.

Повторили. На стоянку прибежали собаки. Усталые и довольные. За ними появился охотник с убитым зайцем в руках. Собаки подбежали к нему.

– Сейчас, сейчас, – успокаивал он собак. – Нож не взял, – пояснил он, отрезая по лапе собакам. Получив заслуженную добычу, собаки довольные улеглись и грызли хрящи вместе с пухом.

– С полем! – поприветствовал его Борис. – Держи стакан. Надо отметить такое дело.

К полудню пробилось солнце и осветило поляну. Допив припасы и пообедав вновь сваренным густым макаронным супом, охотники сладко спали. Борис сидел в машине, упав головой на руль, Аркадий лежал в палатке, а Николай с Леонидом, расстелив спальники на полянке, лежали рядком, поворачиваясь заолодевшими боками к солнцу. Вечером пили крепкий чай и рассказывали байки.

С утра, едва забрезжил рассвет, началась охота. Леонид считал псовую охоту на зайцев по чернотропу лучшей из охот. Лучшей, когда собак не менее двух. В заячьем лесу собаки быстро находят и поднимают зайца, и начинается. Лада лаяла непрерывным звонким голосом. Кобель трубил густым басом. Остывшие за ночь деревья резонировали. Берёзки трепыхали оставшимися листочками, и в воздухе стоял звон. Когда охотников много, заяц попадает под выстрел быстро. И собаки, обглодав положенную по охотничьим законам, лапу, снова срывались на поиск, и снова раздавался азартный лай собак. К середине дня все притомились. Охота была удачна. Каждый нёс привязанного на спине зайца, а сормович и Борис по два. На опушке

³⁶ Керженец – историческая река в Нижегородской губернии, приток Волги. От её имени в России появились кержаки. Вблизи её среднего течения находится озеро Светлояр, в котором утонул град Китеж.

поля, где когда-то стояла немаленькая деревня, с берёзы сорвался тетерев. Николай и сормович выстрелили одновременно, и распорились о том, кто попал. Аркадий вынул монету и предложил жребий. На том и порешили. По лесу на просеках метров через триста на всём обозримом пространстве и дальше большими кучами лежали гранулы поваренной соли, диаметром миллиметров семьдесят. Работали геологи, определяя площади и толщину залегаемых пластов. Под землёй лежали неисчислимы миллионы тонн поваренной соли. И сейчас лежат, составляя крупнейшее месторождение России для потомков. Потом Леонид прочёл в местной прессе, что существует проект по доставке соли главному потребителю в город химиков Дзержинск. Предполагалось соль разжижать и гнать рассол по трубам. И это будет дешевле, чем доставлять соль с озёр Эльтон и Баскунчак. Но дело не дошло до реализации, и месторождение осталось для будущего. Для подтверждения факта Леонид положил парочку гранул в рюкзак.

Усталые собаки дружно легли отдыхать. Николай с Аркадием занялись варкой супа из тетерева.

– Мне домой ничего не надо, – сказал Леонид. – Поэтому я приготовлю своего зайца на вертеле. Мне русачок весьма крупный попался Перец, лук и уксус у меня есть. Немного подмаринуется до вечера и закусим, как белые люди. Никто не против? Все были не против.

– Шкурку я заберу, – сказал сормович. – Но за это сам её и сниму.

– Нет вопросов у матросов, – сказал Сугробин, закуривая. – А у наших капитанов всегда два или три вопроса.

– И откуда ты, боженька, всё это знаешь? – лениво поинтересовался Николай.

На следующий год охотничьей экспедиции было посвящено три недели летнего отпуска. Борис и Павел Шурановы, жена Бориса и Пашкина мама Ирина Шуранова; друг Паши и, внук народного комиссара в Туркестане Розанова, Николай и Леонид Сугробин составили боевой коллектив. В машине заменили брезент на жесткий кузов, для чего сделали лёгкий каркас из деревянных планок, обтянули стеклотканью и пропитали её эпоксидной смолой. После зачистки и окраски всё выглядело снаружи очень солидно, по заводскому. Внутри кузов утеплили пенопластом. Задняя дверь обеспечивала удобство загрузки и посадки. Рундуки с двух сторон позволяли спрятать мелкий груз, были одновременно сиденьями для четырёх человек и спальными местами для двоих. Поставленный дополнительный топливный бак и трёхходовой кран увеличивали пробег автомобиля без заправки до семисот километров. Пять человек и собака Лада – полный состав экспедиции, легко разместились в автомобиле. На раньше уместилась на крыше трёхместная резиновая лодка. Ещё большие возможности для экспедиций мог бы создать прицеп. Но прицепы тогда можно было увидеть только в кино. Была ещё только середина семидесятых. И такой агрегат и без прицепа вызывал жгучую зависть у любителей таёжных путешествий с удобствами.

В знакомом Сугробину Воротынце переправились на другой берег Волги и по неведомым дорожкам отправились по левому берегу, приглядывая красивые и удобные места для длительной рыбалки, охоты и всестороннего отдыха. До неведомого ещё места стоянки при форсировании, как показалось, обыкновенной большой лужи, круто сели. Борис, сидевший за рулём, включил второй ведущий мост. Никаких сдвигов. Колёса сначала крутились, а затем погрузившись глубже, заклинили и мотор заглох.

– Доставай, Пась, основную верёвку, лопату, топор, – обратился Борис к сыну. – И все выполняйте. Будем аварийный рывок делать.

То, что они тогда сделали, Сугробин никогда не видел и не слышал. В двадцати метрах от машины стояла сосна. Борис накинул петлю на крюк переднего бампера, кинул второй конец на сухое место всем троим мужикам, стоявшим и смотревшим.

– Обвёртывайте верёвку вокруг ствола на высоте груди и натягивайте как струну. А теперь вставайте с одной стороны каната и все вместе со всей силой ударяйте грудью по канату. Пошли.

От первого удара было видно, как машина дёрнулась. Ещё рывок, ещё! Верёвка ослабла на полметра.

– Перевязывайте снова в струну, – крикнул Борис из кабины. – Пошла милая.

Ещё две перевязки и передние колёса оказались на твёрдом сухом грунте. Мотор со всеми своими лошадиными силами рывкнул, и машина выбралась из засосавшей лужи. Потребовалось всего тридцать минут.

– Это давно известный способ. Но им редко пользуются. Обычно идут за трактором, – пояснил Борис своим коллегам, задумчиво смолящим сигареты.

– Не знаю, буду ли пользоваться, но обучился очень для себя новому и поучительному, – сказал Сугробин. – За науку с меня причитается.

– Согласен, – сказал Борис. – Очень жаль, что мало людей понимают, что за науку надо платить.

Остановились километрах в десяти от устья реки Суры. Сура впадала в Волгу с другой стороны. Высокие правые берега Суры и Волги образовали гору. И городок Васильсурск, разместившийся на ней, высвечивался в лучах заходящего солнца неприступной крепостью. Место напоминало соединение Волги и Оки в Нижнем Новгороде. Только кремля не было. Левый берег Волги был низким, заливным на многие километры, заросший смешанными лесами, скрывавшими бесчисленными озёра и ещё более бесчисленные болота. Базовый лагерь организовался между длинным заливным озером до сотни метров шириной и бывшим островом на Волге. Остров стал полуостровом, так как протоку в нескольких километрах выше по течению замусорило, заилило и застило прибрежным ивняком. За бывшим островом текла Волга в километре от лагеря. И плыли по ней белые теплоходы. С теплоходов звучала музыка и в бинокль было хорошо видно счастливых путешественников без забот.

Прекрасна река Волга. Нижегородцы отдыхали на Волге от Чкаловска до Васильсурска. Отдыхали, когда не было баз отдыха. Отдыхали, когда баз было мало. Отдыхали и тогда, когда баз стало достаточно. Всё было просто. Выбирала компания или группа или пара место, ставила палатку, забрасывала удочки и кайфовала. Бандитов и всякой мрази почему-то не было. И можно было без боязни жить вдвоём или с детьми, наслаждаясь свободой, гордясь добычей, чувствуя себя добытчиком, защитником и вообще мужчиной.

Всё стало уходить с начала непонятной перестройки. И окончательно ушло после падения Советского Союза. Появляться на реке без подготовленной защиты стало не позволительно. Пропадёшь, и искать никто не будет. Берега всё больше и больше становятся собственностью и огораживаются. И скоро в лес за грибами будет выехать невозможно. Частная собственность наложит лапу на всё и оставит остальным свободу не быть нигде, не быть никем, не быть ничем. Даже уход из этого мира стал таким накладным, что беднякам, а их как-никак девяносто процентов, приходится с рождения откладывать деньги на мало-мальски приличные похороны без попа и оркестра. А у капитализма кризисы, дефолты в арсенале средств на облапошивание непонятно зачем размножающегося и живущего контингента тружеников, обрабатывающих и обслуживающих хапуг и государственный аппарат. И пропали все накопления на чёрный день! И снова приходится труженикам терпеть. Но как только общество подойдёт к границе, за которой цена терпения и жизни сравняется, снова настанет время, когда люди скажут, что терять им нечего, кроме своих цепей. И понеслось... Как это регулярно повторяется в мире и ничему никого не учит..

Почему хапужные люди этого не понимают? Заблуждение простаков, что не понимают. Для Сугробина всё было ясно с первых размышлений об устройстве мира, и выявления первых

непонятностей строящегося социализма. Он знал, что хапужные люди не глупы и всё понимают. Но они знают, что жизнь коротка и надеются, что в срок их жизни месть униженных их не коснётся. И ещё хапуги, завоеватели, властители мира уверены, что земное существование и есть вся жизнь. И если земное наказание их не коснётся, то и беспокоится не о чем. И хапают, и хамят, и надругаются хапуги во всём мире. И законы всех государств, кроме социалистических, потворствуют им в этих безбожных делах.

Но как они плачут и каются, когда начинается народная война против них. Когда рушатся государства, горят нажитые несправедно поместья и дворцы, а самих властителей вешают на фонарях, расстреливают без суда и следствия, бросают живыми в шахты, топят и подрывают. Как хапуги начинают громко кричать тогда, что они не понимали, что творили и начинают вспоминать Бога и божеские заветы. И призывать восставших униженных к милости. Но пусть не смягчаются сердца мстителей, потому что отпущенный милосердным, хапуга вернётся и вырежет с твоей спины кожу на ремни для спутывания твоих рук. Не верьте хапугам, народы!

Новый российский порядок исторически определяет события в России в октябре 1917 года как насильственный захват власти, переворот, совершённый большевиками из Российской социал-демократической рабочей партии. (Меньшевики также состояли в РСДРП) И всё это правильно даже без упоминания о том, кем, на какие деньги, и для каких целей была создана эта партия тайными вождями правителей мира. (Экспроприатор Камо и жалкие рабочие ячейки с грошовыми зарплатами не могли собрать то количество средств, которые были нужны для организации партии, содержания руководства за рубежом, созыва и проведения съездов, выпуска газеты и создания тех же рабочих групп и содержания партийных нелегалов) Неправильно только одно. Россию сломали не только большевики, и направившие их сионистко – масонские организации из тайного мирового правительства. Россию сломала сама Россия.

С 1895 по 1917 год Россия находилась под абсолютной властью самого бездарного монарха из династии Романовых. Николай II настолько был непопулярен в народе, что в обычных разговорах назывался просто Николашкой, а после расстрела рабочих на Дворцовой площади ещё и Николаем кровавым. Поддерживала правителя разжиревшая церковь и глупая буржуазия с купечеством, состоящие из одних хапуг. И ещё более глупая интеллигенция, так и не определившаяся до сего времени и не знающая, что ей надо и в каком общественном устройстве она желает быть. А по всей территории империи безземельное крестьянство и замордованный пролетариат. И беспокойные окраины. На западе Финляндия, Прибалтика и Польша, желающие освободиться от бездарного царизма, на юге разрастался самостийный украинский национализм, на Кавказе всегда было непросто. Возможно, что Средней Азии было безразлично. Её тысячелетиями завоёвывали то одни правители мира, то другие. Вот что собой представляла Российская империя при вступлении в XX век. И как следствие главенствования в государстве хапуг, сокрушительное поражение в войне с Японией, мятежное противостояние народа правительству в течении трёх лет после позорного мира с Японией. И неподготовленное вступление государства в первую мировую войну по глупым обязательствам, заключённым правительством тех же хапуг. Россия сломала сама себя, и боевым масонам – революционерам, организованным, талантливым и решительным была представлена уникальная возможность подобрать брошенную всеми власть. Их повелителям и не снилась такая удача.

Прошло семьдесят лет. И снова хапуги у власти и крестятся на виду у всех перед телекамерами, причисляют покрытых позором правителей к лику святых и разглагольствуют о падении нравственности. Ничему история хапуг не учит. И не надо верить их сладким речам, не надо допускать их до власти. И пусть хапуги думают и следят за хронометром. Время в XXI

веке периоды сокращает до минимума. Оружие становится портативным и способным к глобальному поражению.

«Я был богатым, как раджа.
А я был беден.
И на тот свет без багажа
Мы вместе едем!» (Редьярд Киплинг)

Плыли по реке Волга белые теплоходы. Тогда на реках и в лесах было всё для всех. Охотничий билет давал право охотиться и рыбачить на всей территории Советского Союза. И, прибывшая на Волгу, экспедиция поставила две палатки, надула резиновую лодку, построила очаг и приготовила праздничный вечер под названием «Вечер с приездом». Охотники рыбачили на озере и на реке. На охоту выезжали в лес и на болота за десять – пятнадцать километров. На столе всегда была дичь и рыба. По вечерам собирались у костра, слушали музыку, новости мировые и местные, делились своими мыслями, рассказывали о прошлом. Николай, внук народного комиссара, рассказывал о служебной поездке в Индию. Индия в России была интересна со времени путешествия туда Афанасия Никитина. И все внимательно слушали Николая не один вечер. Рассказывал Николай и про своего деда.

Его дед Розанов, отличился тем, что будучи студентом варшавского университета, прилюдно посикал на памятник императора. Его сослали в Ташкент. Там обиженный дворянин состыковался с местной ячейкой социал – демократов. В это же время подобрал заблудшую европейскую девчонку и женился на ней. Девчонка оказалась дочерью придворного парикмахера Николая П, повздорившая в пятнадцать лет с семьёй. И назло всем стихиям добралась до Ташкента, где вела бродячую жизнь и жестоко бедствовала. У них появилась дочь, а спустя десятилетия и внук комиссара. Как высокообразованного человека, большевики ввели Розанова в состав совета комиссаров и он как-то и чем-то руководил в Туркестанской республике. Судьба у комиссаров в период гражданской войны была завидной и опасной. Но его гибель способствовала внуку. Сугробин наяву убедился, что социалистическая страна своих героев не бросает. Николай закончил архитектурный факультет и, как внук народного комиссара, мог выбрать любое место работы. Он выбрал ленинградское предприятие и получил в Ленинграде квартиру. Сугробин постеснялся спросить Николая о пенсии, которую он или его мать могли получать. Его совершенно не волновали бюджетные деньги, но интересовало время и поколения, которым будут приплачивать.³⁷

Забот у Сугробина в это время не было. Перед женщинами отчитываться не требовалось. Он был здоров, и ещё молод. От непрерывного трёхнедельного общения с природой в кругу приятных ему людей, Сугробину было без скромности радостно. Ночной порой он смотрел на звёздное небо и сознавал, что это великолепие бесконечности создано творцом для взора его духа, такого же бесконечного во времени. И его краткий путь на земле, подверженный земными испытаниями, не должен быть отмечен обидами на творца за не свершившиеся земные мечты. Чем были наполнены его прошедшие годы? Он не чувствовал, что сделал какое —нибудь зло. Он не стремился стать властью. Ему нравилась его работа. Он любил женщин и хотел иметь детей. Не получилось! Ещё не вечер. И он полностью согласился с английским поэтом, стихотворение которого переписал в свою записную книжку давно, и уже ссылаясь на него, когда уезжал в дальние страны, но ещё не во всём с ним тогда соглашался. Вечером, когда все уже спали по палаткам, он сидел у костра и негромко декламировал —

³⁷ В эти годы трудностей в обычном снабжении стали появляться различные магазины «Берёзка», «Торгмортранс» и др. для участников войны, работников тыла, чиновников и пр. Байка. Малоимущий гражданин обнаружил спецмагазин зашёл и заинтересовался – кому, что, и за какие деньги всё это продаётся.. «Всё, что угодно. Но только для участников Куликовской битвы.» «А что есть ещё живые?» «Не знаю, но приходят с удостоверениями, заверенными гербовой печатью».

Когда тебя женщина бросит, забудь,
Что верил её постоянству.
В другую влюбись. Или трогайся в путь.
Котомку на плечи. И странствуй.

Вздыхая, дойдёшь до синеющих гор.
Когда же достигнешь вершины.
Ты вздрогнешь, глазами окинув простор
И клёкот услышав орлиный.

Ты станешь свободен, как эти орлы.
И жизнь, начиная сначала.
Увидишь с большой и высокой скалы,
Что в жизни потеряно мало...

При чтении последних строчек из палатки вышел Борис. За ним вышла собака Лада.

– Что, Леонид, под звёздами снова новую жизнь начинаешь?

– Так, понимаешь, чистота такая на душе, что постоянно петь хочется. И как сказал поэт: «Счастлив тем, что целовал я женщин. Мял цветы, валялся на траве. Но вот звёрё (Сугробин потрепал за голову подошедшую к нему собаку Ладу) как братьев наших меньших, я никогда не бил по голове».

Охотничья компания держалась несколько лет. Было даже охотничье трёхнедельное путешествие, в котором с Пашей Шурановым и Сугробиным прокатились Макс Воскобойников с женой Татьяной. С собой тогда взяли картофель, лук, муку и водку. Дичь, рыба и грибы шли на стол с поля. Тогда прошли по левобережью Волги и Ветлуги семьсот километров. Машина проходила по лесным заболоченным дорогам, пробираясь по науке Бориса без паники и потерь.

Есть поверье, что время, проведённое на рыбалке, в срок жизни не засчитывается. Сугробин верил, что дни, проведённые на охоте, также не засчитываются.

Х

Владельцем квартиры у Сугробина был представительный хохол Иван Иванович Белинский. Высокий, крупный с благородной головой покрытой густыми седыми волосами, защищёнными от выпадения природой. Сугробин в десятых числах каждого месяца приносил ему плату. Белинский не извинялся, что берёт весьма прилично.

– Для дочери строил, – пояснял он. – Сам на пенсии и едва насобирал на первый взнос, а доплачиваю уже вашими деньгами. Дочь уехала счастья искать в Москву. Продам бы квартиру тебе, но я не уверен до конца в её московской карьере. Надумает вернуться, а будет некуда, если продам.

Сугробин соглашался. Он и купить-то не мог. Пять тысяч рублей он не мог ни набрать по родственникам, ни займы взять. Небольшие деньги, которые скопились за время службы куда-то издержались. Все жили от зарплаты до зарплаты. Сожитель Слава женился и в конце лета съехал. Сугробин, не желая терять удобства, платил четвертую часть чистого заработка, и терпел невзгоды бытовые, не придираясь к жизни и не жалуясь на неё.

Иван Иванович, когда Сугробин заявлялся к нему с квартплатой, доставал нераспечатанную бутылочку, расставлял шахматы. Жена у него ставила на стол картошечку отварную, солёную, огурчики солёные и уходила смотреть телевизор. Мужчины выпивали, играли и беседовали. Иван Иванович знал наизусть почти всю поэму Котляревского «Энеида». И рас-

ставляя шахматы, обязательно повторял: «Эней, детина был моторный...» Бутылочка выпивалась небольшими рюмками, шахматы менялись перед игроками цветом. Игра шла с переменным успехом. Иван Иванович немало повидал на своём жизненном пути. Воевал, списан из армии по ранению при форсировании Днепра. От него Сугробин услышал историю, решившую его сомнения в нужности и правильности строгого приказа Верховного Главнокомандующего, известного в народе как приказ «Ни шагу назад!»

– Война для меня началась после окончания пехотного училища назначением на должность командира взвода, – рассказывал Иван Иванович. – Дивизия, в которой мне довелось начинать службу, формировалась в Челябинске весной 1942 года. Формировалась боевая часть по всем правилам военной науки, и была к концу формирования полностью укомплектована личным составом, вооружением, необходимой боевой и тыловой техникой. В конце июня дивизию отправили на фронт и разместили на правом берегу Дона в тридцати километрах от реки. Никто нас не бомбил, не атаковал. Дивизия спокойно развернула боевые порядки, выкопала окопы и траншеи и ела горячую пищу.

– А потом произошло невероятное, – говорил Иван Иванович, – слухов у уцелевших было необыкновенное количество. В центр обороны дивизии подошла и ударила группа немецких танков без пехоты, прорвала оборону и ушла на Дон захватывать мосты. Как будто наша дивизия немцам и не нужна совсем была. Что там было на уме у генералов? Но командиры построили батальоны и полки в колонны, и пошли с пулемётами, пушками и полевыми кухнями к Дону. Идём час, второй. Прошли половину пути до реки. И вдруг по колоннам пролетело. «Танки!» Далее произошло совсем невероятное. Люди начали убыстрять шаг, а затем побежали. Панику остановить было невозможно. Немецкие танки не стали догонять колонны и давить гусеницами. Видимо у них был умный командир, который понимал, что паника уничтожит дивизию без его танков. Они постреливали, чтобы бегущим скучно не было. А что такое бежать пятнадцать километров по июльской жаре в полной амуниции. Я только кричал бойцам своего взвода: «Ребята, не разбегайтесь. Мы все друг друга знаем, и вместе не пропадём».

– Сколько упало от изнеможения, никто не считал. Но на берег Дона пришла не поддающаяся никакой воинской дисциплине толпа, не понимающая, что же делать. Так и бросались сотнями в воду и шли ко дну. Танки немецкие и автоматчики с высокого берега патронов не жалели. И на другой берег переправилось только треть дивизии из двадцати тысяч человек. Никто никого не мог найти. Командиры тоже тонули не хуже рядовых. И, вообще, всё было очень страшно и обидно. Дивизия погибла, не сделав ни одного выстрела. В самом кровопролитном бою живых осталось бы больше. Вот и думай сам, Леонид Иванович, кто виноват в гибели дивизии? Видимо и во всей армии, куда входила наша дивизия, не лучше было. И как оценить командарма – наградить или расстрелять? Сейчас много продолжают о жёсткости Сталина говорить. И за заградотряды его обвиняют тоже. А я этот приказ поддерживаю. Стояли бы пулемёты за нашими спинами, может, и Дон бы немцы не перешли. Ведь армия в 60 тысяч человек это лес, а не три тополя на Плющихе. Не менее жуткие времена пришлось перенести и под Сталинградом.

– Когда под Сталинградом стали наступать свежие войска, от наших дивизий оставалось по сотне человек. И в одной балке на каком-нибудь участке в один километр, размещалось пять – шесть дивизий. Мне исключительно повезло. Я уцелел до Днепра. Но после ранения воевать уже не мог.

Сугробин прожил у Ивана Ивановича почти пять лет и подсчитал, что мог бы за это время купить на отданную квартплату автомобиль «Волга». Иван Иванович уже склонялся к тому, чтобы отдать квартиру Сугробину. Но умер скоропостижно.

КПСС не строила квартиры в нужном количестве, и немало людей начинали жить в бараках и умирали в них. Но худшее при новом режиме начнётся, когда кончатся сроки службы

крупнопанельного жилья, построенного при социализме, и жилфонд посыплется, как карточный домик. Новые жилые дома стоят сейчас годами почти пустые, так как у населения нет денег, чтобы купить в них квартиры. А первые панельные дома стоят шестьдесят лет, и нигде, кроме Москвы, даже не задумываются над тем, что они отработали свои сроки. Просто людям скажут, что квартиры у них приватизированные и, естественно, частные. А это значит, что ничего и делать не будут власти. Скажут, что квартиры у вас частные и катитесь вы по шалашам.

XI

Междугородний автобус «Икарус» дальнего следования мчит через Арзамас, Дивеево в Саров. Это сейчас всё называется своими словами. Слово Саров в мыслях тогда держать нельзя было. Закрытый город, который на картах и в справочниках не числился. Федеральный ядерный центр и заводы по производству ядерных бомб и ядерных зарядов для ракет находились в Сарове, бывшей монастырской обители, спрятанной в глуши нижегородско – мордовских лесов. Обитель пользовалась популярностью в Российской империи и посещалась десятками тысяч паломников, в т.ч. императором Николаем II, просившим у Серафима Саровского рождения наследника. Некоторые утверждают, что часть пути от Дивеева до Сарова император прополз на коленках. И бог дал ему наследника Алексея. Правда, хилого, с врождённой неизлечимой болезнью, как и вся Российская империя к его рождению. Русской крови в цесаревиче было 0,39%.

В своё время за короткий срок шифровальщики называли и переназывали местечко многократно. Назывался нынешний город Саров Приволжском, Конторой №214, Москва – ЗОО, Кремлёв, Арзамас—75, Арзамас—16. Но не знали ничего об этом городе только ленивые обыватели и домохозяйки. Враги всё знали. Шпионы иностранные и добровольные российские наполняли Советский Союз, а через спутники всю её территорию сняли по квадратному сантиметру. Сейчас снова десятки тысяч паломников приезжают в Дивеево, находящееся в полутора десятках километров от главной проходной федерального ядерного центра.

Сугробин поехал в Саров на третьем году службы в НИИ вместе с Жарковым на автобусе без обозначения. Две сотни километров отделяли областной центр от федерального ядерного центра. С Москвой центр был связан самолётом и поездом. Нижегородцы ездили на автобусе, имевшему нешумную остановку на площади Минина у кремлёвской стены. Пассажиры молча подходили, покупали у водителя билет и усаживались в мягкие кресла. Движение было немногочисленным. Из Сарова выезжали только в командировки и в отпуск. Навестить «бабушку» по собственному желанию никто не мог. Этим население платило за предоставленные им удобства жизни. На командированных в Саров, режимный отдел подавал заявки на пропуск с указанием времени прибытия. И они подавали свои режимные документы дежурному офицеру охраны и пропускались. Объект охранялся дивизией внутренних войск.

Если из НИИ выезжали на своём транспорте, то дорога была и легче и приятнее. Делали остановки в Дивеево, Арзамасе.

Дорога шла через поля, поля. И вдруг лес. За лесом ничего не было видно. Город строился двух – трёхэтажным и крыши из-за леса не высывались. С восьмидесятых годов, когда стало понятно, что иностранная разведка через спутники сняла всю территорию, в городе начали строить многоэтажки.

Чистый благоустроенный город с сосновым лесом внутри и по окраинам. Уютный универмаг и колокольня бывшей обители с телевизионными антеннами вместо креста. В одном из зданий обители драматический театр. Небольшая речушка под берегом обители половодьем заливают приличную территорию, заросшую непородным лесом. Через неё проложены пешеходные дорожки от жилых кварталов на дамбах. Магазины в городе заполнены продоволь-

ствием по московским нормам. Нижний Новгород в то время уже круто страдал от отсутствия продовольствия, особенно мясных и колбасных продуктов, и изобилие Сарова было приятным. Одинокому Сугробину много было не нужно. Остальные посетители набивали портфели до незапирания. Сугробин понял, что шпионов здесь быть не должно. Имя полковника Пеньковского было тогда у всех на слуху. И обыкновенному человеку было понятно, что предателей надо искать наверху.

В ядерном музее было безлюдно. Интересующихся пропускали по разрешению. Бомбы как бомбы. Большие металлические контейнеры нестандартной формы и всё. Но ко всему, что касалось создания бомбы, создатели относились очень серьёзно. Когда на Дальнем Востоке совершила вынужденную посадку группа американских самолётов той же модели, что и самолёты уронившие бомбы на Японию, СССР машины не возвратил. КБ Туполева скопировало их до вмятины на пепельнице. Самолёты вышли в серию под маркировкой ТУ—4. Первую ядерную бомбу испытали 29 августа 1949 года. Сброс этой бомбы с самолёта осуществили 17 октября 1951 года. Первую водородную взорвали 12 августа 1953 года. Это было последнее испытание, которое проходило по планам, созданным командой Л.П.Берия. Первая термоядерная бомба была испытана в 1956 году. В 1956 году первая ядерная голова мощностью 40 килотонн была поставлена на баллистические ракеты. С постановкой бомбы на вооружение в 1953 году («Татьяна», мощность 20 килотонн) армия СССР через некоторое время была сокращена на 2, 6 млн. человек.

Гостиницы в Сарове располагались в парковой зоне рядом с водоёмом, где летом можно было искупаться, и вблизи от центра и института. Весь район был застроен типовыми одно – двух семейными коттеджами с небольшими приусадебными участками. В них жили в своё время учёные и другие специалисты из Москвы. Для них же работал и аэродром, чтобы они могли на выходные слетать в Москву и навестить свои семьи.

Сугробин регулярно после первой поездки посещал федеральный центр. Иногда подолгу. Жил он, в основном, в заводской гостинице, стоявшей в «генеральской» зоне, где был магазин – ВИП, по нынешним понятием, кафе. В этой гостинице было спокойнее и с лучшими удобствами в номерах. Тихо и уютно было настолько, что не раз приходилось видеть лосей, гулявших под окнами.

С конца семидесятых в городе стало ухудшаться снабжение. Были поставлены заслоны на вывоз продуктов за ворота города. Горожане стали покупать мясо и другие мясные продукты по талонам. И командированным приходилось эти талоны доставать. Сугробин к тому времени был настолько «своим», что его профком завода всегда обеспечивал талонами на мясо и колбасу.

Строительство и содержание таких городов обходилось государству не дёшево. Но в период жёсткого противостояния и тотального шпионажа создание таких городов было оправдано. В США немало подобных объектов, в которые доступ ограничивается намного жёстче. И всё же шпионов надо прежде всего искать в верхах, среди которых немало тех, которым хочется «играть роль и войти в историю».³⁸

Михаил Курмышов, Виктор Кумакшев и Леонид Сугробин выпивали в Архирейском саду. Леонид встретил Курмышова на Покровке, когда тот шёл в редакцию областной молодёжки, где Кумакшев тогда работал. Шёл в надежде занять трёшницу на выпивку. Поэты и писатели регионального калибра литературным трудом зарабатывали крохи и подрабатывали, где могли. И в этот раз денег у Кумакшева не было. Оба с надеждой смотрели на Сугробина. Бутылку водки и три пирожка с капустой они купили в буфете гостиницы «Дом крестья-

³⁸ К примеру генерал – дипломат Дмитрий Поляков с 1960 по 1985, добровольно работавший на США. Или полковник Олег Пеньковский, работавший на Англию. А сейчас предатели и не скрываются...

нина». И в поиске удобного места для самообслуживания зашли в бывшие архиереевы владения. Сам архиерейский дом был приспособлен под консерваторию.

– Неважно вам платят за ваши бессмертные творения, товарищи поэты, – сказал Сугробин, закусывая свежим вкусным пирожком. – А вы у власти первые агитаторы. Я вот очерк написал о лесном пожаре. Может газета молодых и отважных расскажет, как это было:

– Ну, уж избавь, – ответил Кумакшев.

– Но там же подвиг. Настоящий. Не выдуманный, как «Шестая лихая», – поддел Сугробин Кумакшева. – Я вот слушал, как ты её читал у бюста Свердлова. Слова о подвиге, а глаза грустные, грустные. Её должно быть и не было никогда этой «шестой». И все формирования в Нижнем были сделаны из уголовников. Недаром сам Ленин так заботился...³⁹

– А на что бы я выпивал, когда друзей вроде тебя рядом нет. А так прочитал и червонец получил. И не один, потому что не раз читал по разным поводам.

– Ты, Лёня, пиши что-нибудь попроще, – попросил Курмышов. – А то у тебя в повести командир роты «сивый мерин», директор совхоза бестолковый управленец. А уж в очерке о пожаре наверно такое... Ты чего-то всё копаешь, копаешь. Будто колодец. Так нельзя. Какому редактору менять работу хочется.

– Да не копаю я. Беру, что само выпирает. Как то тело впёрнутое в воду выпирает на свободу. Грустно мне от этого, – вздохнул Сугробин. – Целых три вечера старался. Думал, друзья протолкнут.

Друзья молчали, прожёвывая пирожки с капустой.

– И вообще мне обидно за вас. Помнишь, Курмышов, ты мне рассказывал, как на пятилетнюю годину Люкина⁴⁰ собирались. Посидели, повспоминали, помолчали грустно. Так вы всегда и молчите, когда орать надо было, когда он умер. За грудки секретаря обкома брать, защиты для себя и наказания виновных требовать. А вы все пришипелись. Кольцо в ноздрю вам партия вдела союзом писателей и водит. И вы гуртом на общем собрании съедите кого угодно, как съели Пастернака и Солженицына, которые и талантливее, и значимее всего союза писателей. Что молчите, неправда что ли?

– Правда, Лёня, – сказал Курмышов. – Но чтобы признать это, надо ещё выпить

– Вопросов нет, – сказал Сугробин, уже жалеющий, что раскипятился. – Пойдём в «Крестьянку». Там ещё по сотке добавим.

– Но грустно мне с вами. Даже переживаю за вас. Трудно вам, писателям, сейчас, – продолжил Леонид уже за столом в столовой. – С вас требуют подавать вверх трудовой энтузиазм, подвиги, патриотизм! И хрен будут печатать, если вы этих фальшивок придуманных не вставите. А от этого сам Фадеев запил, когда его в «Молодую гвардию» заставили вставить руководящих и направляющих молодёжь коммунистов, которых в Краснодаре в подполье не оказалось. И мои записки о трудовой армейской жизни не напечатали. Потому что я пишу: «утром слякоть, дождь со снегом, ветер, холод. В такую погоду хороший хозяин собаку со двора не гонит. А солдаты встают, завтракают кое-как вечерним варевом, и матерят всех и всё вокруг. Но заводят машины и выходят на трассу, делают работу». Вот это и есть патриотизм, настоящий, не придуманный. Так всё это как поклёп на действительность объявляют ваши индюшачьи редактора. И пошли бы они...

Зимой к Ширияеву в день его рождения Сугробин привёл к нему будущую его жену, с которой тот прожил вторую половину жизни. Всё было просто. Сугробин, ездивший домой

³⁹ Сионизм, воплотившийся в коммунизм в Советской России, не признавал интеллигентного сюсюканья и прочей нравственности при достижении целей. При формировании в Нижнем Волжской флотилии для сохранения боевого духа полуанархистов – балтийцев по прямому указанию Ленина были расстреляны все действующие в Нижнем проститутки. Дабы не разлагали боевой дух бойцов. (факт известный. Прим. автора)

⁴⁰ Александр Люкин, значимый горьковский поэт. Умер в 1967 году после побоев в вытрезвителе

через центр, встретил на Покровке девушку, которую часто видел у общежития в ту пору, когда все друзья в нём жили. Видывал её и Саня, и однажды они даже разговорились о ней в лёгком тоне.

– Чего мы заикнулись на своих женских проблемах в поисках счастья и много размышляем. Подойти надо к этим молодухам, свободным и независимым. Завлечь, уговорить – вот и жёны будут молодые, красивые.

Они оба едва ли с ней перекинулись десятком слов за все годы до этой его встречи. А в этот раз Леонид остановился и спросил: «Как жизнь?» Жизнь девушки была как у многих. Была она лет на семь – восемь помоложе, кончила вечерний факультет университета по экономике и ждала принца. Принца не было. Сугробин пригласил ее в кино, потом ещё. До постели они не добрались, когда у Ширяева наступил очередной день рождения. Он жил в двухкомнатной квартире на правах квартиранта. Были все друзья, так как очередной день тринадцатого октября не состоялся. Леонид пришёл с Милой, и как только увидел загоревшиеся глаза Сани и ответный взгляд Милы, понял, что на дорожках у общежития она смотрела на Ширяева, а не на него. У Ширяева в гостях была подруга, которую он сразу же оставил на глазах у всех. Ребята удивлённо поглядывали на Сугробина, но он сказал, что всё в порядке. И как в давнишней песне: «Если случилось, что друг влюблён, а ты на его пути. Уйди с дороги, таков закон. Третий должен уйти». В тот вечер Сугробин ушёл вместе с Милой, как её кавалер. А на другой день она сама назначила встречу и, путаясь в словах, объяснила своё давнее увлечение его другом. Извинилась и сказала, что пригласит на свадьбу. «Дай – то бог вам счастья!». – сказал тогда Сугробин. И добавил: «А не всё врут в романах. И действительно, «только раз бывают в жизни встречи...» Саня платил алименты за сына, которого ему бывшая жена не показывала. Но на работе у него всё шло успешно, и как стало известно после, шасси не одного самолёта было его творением. Через пару месяцев состоялась шумная свадьба в снимаемой им квартире. Через год у них в семье родилась дочь.

Очередной новый год Леонид провёл с родителями и сестрой. Иван Макарович, как всегда, истопил баньку. А за столом, когда мама Тина с дочерью были на кухне, сказал с явной горечью —

– Старым я стал, Леонид. Не дожидаться мне твоих внуков.

– Возможно и так. Мне самому обидно, что не получилась жизнь как надо.

– Ну, ты старайся. У тебя годы еще не вышли. У Татьяны не вижу ничего. Ей скоро сорок пять стукнет. Она только ордена получает, но это ей ничего не даёт.

Мама Тина поставила сковородку с жареными пельменями и другую еду. Татьяна достала бутылку шампанского. Леониду было грустно, что в доме не раздаётся детских голосов. Но дружелюбие родителей и сестры сделали пребывание Леонида умиротворяющим без горьких осадков на душе. Он пролежал пару дней на диване, и в который раз перечитал «Героя нашего времени» очень уважаемого Михаила Лермонтова. В этом романе при каждом прочтении ему открывалось новое для себя. В этот раз он задумался над судьбой княжны Мэри. И будущая её жизнь представилась ему беспросветно тоскливой, неискренней.

– Я тебя всегда жду, – сказала потихоньку мама Тина при его отъезде и смахнула слезу.

«Бедные старики! Как они постарели. Надо чаще навещать. Уже каждый день у них может быть последним», – подумал Леонид, смотря на грустно стоящего на перроне Ивана Макаровича.

1973 год. Солженицын А. И. выпустил на Западе роман «Архипелаг ГУЛАГ», а также статьи «Жить не во лжи», «Письмо вождям Советского Союза». «Архипелаг» распространялся нелегально. Главу за главой его диктовали ВВС и другие радиостанции враждебного мира. И правительство Брежнева ничего не придумало, как выставить писателя из страны. Бедные наши вожди. Они ничего не понимали. Нельзя ничего запрещать, если это не вредит

здоровью людей. «Голоса» прорывались сквозь заслоны, книги передавались из рук в руки. И советские люди, кроме прямых предателей, совсем не считали страны так называемого «свободного мира» друзьями Советского Союза. Они прекрасно понимали, что и у царской России, и Советского Союза нет, и не было там друзей. Император Александр III прямо заявлял: «У России только два союзника – российская армия и российский военно-морской флот». В английской дипломатии есть понятие, что «у Англии нет друзей. Есть партнёры, с которыми Англия может быть в своих отношениях ближе или дальше в зависимости от возникающей ситуации». А Россия была не то, что партнёром Запада, а костью в его горле. И Запад всегда старался помешать её успешным военным и экономическим делам на самом Западе и в США, на всём Востоке и в странах третьего мира. И Запад печатал книги, написанные советскими писателями не в соответствии с идеологической стратегией ЦК. И распространял информацию о них, чтобы как можно в большем числе советских людей возбудить негативное отношение к своему руководству. И существовал глобальный план Кеннеди о разделении Советского Союза на национальные республики. И существовало мировое правительство, осуществившее к этому времени две мощнейшие попытки уничтожения России и Советского Союза. Борьба велась в таких масштабах, что правителям СССР надо было не начинать войну в Афганистане, а поддерживать басков в Каталонии, ирландскую республиканскую армию и антиамериканские партизанские движения в Колумбии и Венесуэле для того, чтобы выровнять как-то антисоветский навал.

Советским людям, верившим в идеи социализма, было просто до остервенения противно жить по двойным стандартам, и они искали правдивую информацию. Солженицын был искренним патриотом России. Но к нему не прислушались коммунистические вожди. Не прислушались и пришедшие на смену им. И непонятно было уже что, то ли вожди просто индюки, то ли давно управляются тайным мировым правительством, о котором стали говорить много и открыто на стыке тысячелетий. Западу надо было развалить Союз. И Запад бросил Россию в бездну. Сейчас Россия сама опустилась на уровень стран третьего мира и то, что с ней ещё разговаривают, то только затем, чтобы выдавить из России остатки ядерного оружия. Чтобы не опасаться даже одной бомбы с нашей территории в их сторону. А добьют ядерную составляющую, и страну начнут оккупировать по частям.

1973 год. Израиль провёл очередную войну с арабами и объявил Иерусалим вечной столицей Израиля

1973 год. На экраны страны вышел первый многосерийный советский фильм режиссёра Татьяны Лиозновой, по новым понятиям «мыльная опера», под названием «Семнадцать мгновений весны» по одноимённому роману Юлиана Семёнова.⁴¹ Фильм сделан добротнo, убедительно. Л. И. Брежнев так полюбил киношного разведчика, что хотел наградить его звездой героя. И всё же это опера, так как всё придумано. Если бы такие разведчики у нас были, то победа бы далась значительно быстрее с меньшими потерями. Таких суперменов не было в советской разведке, не могло быть. И они не могли вырасти в таких суперменов, так как заваливались своей же системой руководства тайной разведкой. По словам полковника Абеля: «Советский разведчик проваливается не потому, что его раскрывают противники. Его проваливает глупость центра, аппаратные интриги и безнравственные идиотические коллеги. Никто против нас с таким рвением не выступал, как мы сами...»⁴² А этот человек знал предмет, о котором говорил.

В нынешней России мыльные оперы лепят одну за другой про ментов – суперменов и агентов национальной безопасности, кристально непорочных, живота не щадящих. Такие

⁴¹ Семёнов (Ляндрес) Юлиан Семёнович – популярный в шестидесятые годы писатель шпионских романов. Главный герой советский разведчик Исаев проходит по всем романам. По слухам, писатель находился в близком общении с КГБ.

⁴² Полковник Абель, он же Вильям Генрихович Фишер, советский разведчик – нелегал. Работал в США. Был выявлен и осуждён. на 30 лет. Свободу получил в обмен на лётчика – шпиона Пауэрса

супермены выступают на экране, что одним глазом видят насквозь через три стены. И ни одного слова правды и никакого доверия. Потому что на самом деле эти герои «крышуют» над ворами, над наркобаронами или способствуют рейдерам, сами преступают закон. Всё делают, лишь бы обогатиться. И эти «герои» попадают на своих преступлениях один за другими в одиночку, и группами. И ведомство не может скрыть это от СМИ, несмотря на всё старание отмазать «своих». Выражение «оборотни в погонах» стало нарицательным именем сотрудников МВД первого десятилетия XXI века.

А «Семнадцать мгновений», фильм добротный. И он ежегодно занимает своё телевизионное место в телевидение к дням Победы, и смотрится как лучший фильм социального капитализма. «Реформаторам и демократам» так называемым, разрушившим великую страну, нечем привлечь обездоленный народ в бесперспективной стране. Оттого и празднуют, ежегодно увеличивая расходы, день Победы. И крутят советские военные фильмы, пытаясь вызвать к жизни патриотизм, но вызывают только ностальгию у людей социализма по ушедшему времени и надёжной жизни.

Курмышов Михаил выпустил в это же время свою первую тоненькую книжку стихов, на двадцать пять страниц, и гулял по этому поводу целую неделю. С лоджии квартиры Сугробина были видны два окна в квартире Курмышова. Мишка сидел дома, выходя только в ближайший магазин. Перед своим эпохальным событием он сорвал неплохой куш на халтурке и тратил, угощая всех его поздравлявших. Сугробин, возвращался обычно к восьми, выходил на лоджию и смотрел на окна дома, находившегося в полукилометре от него. И шёл на огонёк. И к Курмышову, как «на голос невидимой пэри, шёл воин, купец и пастух»⁴³, шёл заблудший поэт, прозаик, инженер и художник. Все были не против повеселиться, а денег всегда ни у кого не хватало. И шли туда, где у хозяев была причина потратиться. Среди гостей появлялись Сугробин и Макс с Татьяной. Татьяна давно дружила, с Метелиной.

– Вот видишь, Лёня, лёд тронулся. Сделаю ещё книгу, вступлю в «союз» и перейду в профессионалы. А там Алина подтянется. – Михаил вынул из стопки книжечку и подписал – «Леониду Сугробину с верой в будущее»

В дверь заколотили. Вошла румяная с мороза Алина во главе шумной компании из Лопуховой, Адрианова, Кумакшева и четы Арсениных. У всех в руках были кульки, пакеты. Дмитрий Арсенин держал в руках небольшую картину.

– Поздравляем этот дом с рождением поэта, – хором пропели гости, и стали обниматься с Курмышовым.

– Ставьте всё на стол и быстренько разбирайтесь, – командовала Алина.

– Не смотрите на толщину этой книги, – говорил Адрианов, держа в левой руке книгу Михаила, а в правой бокал. – Сами знаете, с каким скрипом выходят наши книги. Людям есть, что представить на суд читателя, а им приходится читать стихи друзьям по таким вот застольям. Там, у «загнивающих»⁴⁴, книгу напечатать может любой, были бы деньги на издание. Но мы не стремимся «туда», и я искренне поздравляю талантливого коллегу.

– Поздравляем, Мишенька! – потянулись чокаться с Курмышовым гости. – Начало положено. Читатели и критики скажут свои слова. Но путь открыт.

Арсенин подарил Мишке пейзаж и сказал, что следующую книгу возьмёт иллюстрировать.

Курмышова заставили прочитать парочку стихов из книги, поплодировали и принялись хвалить Алину, которая поставила на стол большой горшок из литого алюминия с тушенкой по-домашнему.

⁴³ Строчка из стихотворения М. Лермонтова «В далёкой теснине Дарьяла».

⁴⁴ Загнивающее общество – официальное определение стран Запада советской пропагандой.

– За картошкой и нищие выпивают, – сказал Сугробин, наполняя бокалы водкой.

– Чьи слова? Запиши мне на память, – попросила Лигия Лопухова.

– Слова эти, Лигия Петровна, моего отца, Ивана Макаровича. Записывать не буду, а напомним при случае, – сказал Сугробин и стукнулся с ней бокалом.

Пьянка не рыбалка. Она дни жизни сокращает вдвое стремительней обычного. Но вино подано людям создателем.

После суда над Воскобойником, на котором судья обозвал Макса «сукиным сыном», а Алёне в иске отказал, посоветовав её родителям погладить розгами нежные места у дочери, Сугробин спросил у Татьяны:

– Какого беса ты заставляешь своего мужика врать всему свету. Прогнала бы его и делу конец.

Таня, крупная симпатичная женщина, у которой Макс безмятежно жил примаком в квартире тёщи, грустно посмотрела на него.

– Не могу, Лёня. Люблю я его.

– Ничего хорошего не будет. Он уйдёт, когда окрепнет в уверенности, что ты не наложишь на себя руки.

– Я знаю, но не могу.

– И что прикажешь делать? Улыбаться и дружить. Такие мужики не по мне. И чего Алёна пошла на это. На что надеялась. Дуры вы, и всё.

– Да, дуры. Но будем улыбаться, и дружить, как будто и на самом деле, всё так, как в суде.

– С Метелиной, Курмышовым и Сугробинным вино пить! Лучше бы взяли малыша из детского дома, раз у самих не получается, и занялись бы воспитанием человека.

– Не всё просто. Вот ты разошёлся, чтобы тоже с Метелиной и Курмышовым вино пить.

– Моя жена не хотела детей. Бог позволил нам разойтись без обид. И теперь моя судьба в руках неба.

– Я и о себе так думаю, – сказала Татьяна.

ХII

1974 год. Бульдозерная выставка в Москве. Так выставка названа потому, что художники в Москве не найдя понимания у чиновников от искусства и, не имея других возможностей показать свои творения, выставили картины на пустыре. Индюки снова не нашли другого решения, и пригнали для расчистки пустыря от самовольной выставки бульдозеры. Запад долго щерился по этому поводу. А Советский Союз терял престиж в глазах творческой элиты запада, да и своей тоже

1974 год. Умерла Фурцева Екатерина Алексеевна, первая женщина в советском правительстве. Министр культуры СССР. Как могла, поддерживала азербайджанца Муслима Магомаева, который был ею охраняем от мелких и крупных невзгод. В конце своей службы привлекалась за расходование государственных средств в личных целях. (А кто из министров не расходовал?)

1974 г. 2 октября. Умер Шукшин Василий Макарович.

Было какое-то совершенно сумбурное время в трудовых отношениях человека и государственного предприятия. Других предприятий при социализме просто не было. Даже колхоз, по сути, являлся государственным предприятием, несмотря на статус коллективного хозяйства. Существовали законы о труде, времени, переработках и компенсациях. Ничего это в НИИ Сугробина не соблюдалось. Просто невозможно было соблюсти закон, чтобы выполнить работы в назначенные сроки. Законом был заложенный кем-то вверху срок окончания запланированных работ. Он и выполнялся любыми средствами. Работали сутками. Задержка

до полуночи была нормальным явлением. Профсоюз не вмешивался. Начальники лабораторий и отделов ставили крестики в неучтённые таблицы. Крестики стремительно росли. А когда авралы кончались, начальники отделов и лабораторий рассчитывались с работниками отгулами в удобное для работников время. Отгуливали и сами, так как мелкий начальник как командир взвода, кашу ест с солдатами из одного котелка. У Сугробина ежегодно в дополнение к законному отпуску набирался месяц – полтора отгульных дней. Обычно он брал две недели сразу и путёвку в дом отдыха за семь рублей и двадцать копеек. А остальные дни отгуливал по необходимости. Это его устраивало больше, чем официальные приказы на отгулы за работу в выходные дни. В один из таких отгульных дней, когда Леониду взгрустнулось, он зашёл к Курмышову, и они с ним выехали в центр проветрить мозги. Сначала зашли к Метелиной, которая стационарно подрабатывала в редакции многотиражки и уезжала на работу к восьми. Нового у Алины они ничего не обнаружили и двинулись дальше. Кумакшева в редакции не было. Отдел культуры в «вечёрке», которым заведовала Лопухова, был закрыт совсем.

– Давай Адрианову позвоним, – сказал Михаил. – Он недалеко, на Ковалихе живёт.

– Конечно, заходите, если душа неспокойна, – откликнулся Юрий. – Только прихватите чего—нибудь.

В «Доме крестьянина» Михаил купил водку и пакет пирожков с ливером.

– Неудобняк к мэтру нижегородской музыки с одной водкой, – сказал Сугробин. – Я возьму коньяк.

Через сквер «Чёрного пруда»⁴⁵ они прошли на Ковалихинскую улицу и через несколько минут толкали дверь к Адрианову.

– Как хорошо, что вы появились, – не скрывая удовлетворения, сказал Юрий. – Я третий день в каком – то мутном беспокойстве. Ничего не припомню недостойного, а котёнок скребёт и скребёт. Но ваш визит принёс уже положительные эмоции, и всё непонятное рассосётся. Я думаю, что меня тревожит недосказанное. Не пропущенное на страницы моих книг. Адрианов сел на своё рабочее место за большой письменный стол, спиной к стеллажу с книгами во всю стену. Курмышов и Сугробин расположились напротив.

– Пусть рабочий стол поэта станет столом яств, – сказал Михаил и поставил на стол пакет с пирожками и бутылку водки.

– Да не оскудеет рука дающего, – сказал Леонид и поставил на стол бутылку коньяка.

– Да не остынет любовь к жизни несмотря ни на что, – закончил Адрианов, и достал бокалы.

И что вы, поэты, да и прозаики тоже, так выпить любите, – спросил Леонид после второй, обращаясь к Адрианову. – Я как —то сочинял рассказ в поддатом состоянии. Утром перечитал и ужаснулся.

– Знаешь, дорогой строитель коммунизма. Руководители строительства предъявляют такие требования к поэтам, что лучше быть иногда пьяным, чем сочинять гимны про БАМы. Вот так, – поднял стакан Юрий. – За униженных и оскорблённых поэтов. Салют!

Неожиданно в городе объявился школьный корешок Николай Смирнов. Оказалось, что и его не обошла разводная лавина крушения семей, охватившая страну. Восемь лет пацану, однокомнатная квартира неразделимая. Мужчине пришлось уйти на частную квартиру. И Николай начинал жизнь с середины. Николай появился неожиданным сюрпризом. Он не сообщал о себе несколько лет, и даже не прокукарекал в тридцатилетие Леонида, когда он подал о себе сигнал всем дружески расположенным к нему людям.

– Я зашёл к Ивану Макаровичу, и он дал твой адрес. Мы с ним выпили четверок, поговорили. Так что я о тебе всё знаю. Я мать навещал. Отец у меня умер, слышал, наверное. Кстати,

⁴⁵ Историческое место в центре города, где действительно был в давние времена пруд

мы встречались тогда на балу, я сам тебе об этом говорил. А у меня сейчас всё хуже некуда. Ты, по сравнению со мной, счастливчик.

– Давай, меряться не будем, – сказал Леонид. – Вспомнил школьного друга и хорошо. Я понимаю, что старых друзей вспоминают, когда становится плохо. Но в твоей ситуации нет трагедии. Такая судьба у каждого третьего мужика, даже если он не пьяница, и не наркоман. Церковь порушена и не оказывает влияния на нравственность. А коммунистическая мораль вся в одном лозунге – «Партия за всё в ответе!» Вот мы с тобой и не несём ответственности за детей и идём с бабами на невозвратную конфронтацию. А они, равноправные, выкипев злобой на своих мужей и разведясь с ними, остаются одни навсегда, перебиваясь случайными встречами или неотвественными сожителями. По статистике агентства ОБС только пять процентов разведённых женщин с детьми создают новые нормальные семьи. Так что располагайся. А я сейчас сделаю яичницу с луком, и у нас будет вечер воспоминаний.

– Устал я, – сказал Николай. – Беру отпуск и хочу поехать в Крым. На весь месяц. Если планов нет, приглашаю с собой.

Леонид обещал подумать.

В конце июня Николай позвонил и сообщил, что вылетает в Крым. Леонид попросил оставить ему весточку в Ялте на главной почте.

Весной Сугробину выделили комнату в 10 квадратных метров в двухкомнатной квартире. И он съехал с последнего частного места обитания. Благосостояние у него увеличилось на четверть месячного дохода. За три месяца до этого умер хозяин квартиры Иван Иванович Белинский. Квартира была продана с выгодой.

Примерно в это же время получили комнату в малосемейке Макс с Татьяной. Сугробин подарил Макс ружьё на новоселье. Макс был восторженно – увлекающимся человеком и верил в свои увлечения. Ему так понравилась охотничья экспедиция, что он целый год мечтательно говорил об оружии, о тайге, о будущих охотах на зверя. Леонид к тому времени обзавёлся «Зверобоем» двенадцатого калибра и поощрил охотничьи устремления Макса ружьём, которое купил у механика в Бурмундии. Но увлекаемость необычным не мешала быть Максу практичней других. И он не стал охотником, как перед этим не стал автогонщиком, о чём грезил не один год. Не получилась у него и последняя мечта – стать наездником. При выходе на пенсию, он завёл жеребёнка и вырастил его. Но дальше не пошло. Конь – не собачонка. Он этого, в силу своей восторженности задуманным, не осознал.

Начало года и вся весна прошла в сплошных переработках. Работали по вечерам и по выходным дням, получая полноценный отдых один – два дня в месяц. Захлёстывали переделки по изменяемым электрическим схемам. Схемотехники не всегда понимали, куда надо идти для достижения цели. Военная приёмка не успевала переварить только что введённые новые стандарты, требовавшие совместить несовместимое. Испытательное оборудование не могло выполнить все требования стандартов. Это приводило к длительным бесплодным совещаниям в поисках приемлемого выхода из ситуации. Составлялись многочисленные решения, утверждаемые на самом высшем уровне. Разработчикам иногда приходили в головы крамольные мысли о стандартах, что в них сознательно закладывают невыполнимые требования и этим тормозят развитие советской военной техники. Окончательные схемно – конструктивные решения находились после десятков вариантов проб и ошибок. Такая работа выматывала инженеров не меньше, чем работа кайлом на каменоломнях или в каменноугольных шахтах. По возможности руководители подразделений позволяли измотанным работникам отгулять отпуск летом.⁴⁶ У Сугробина возможность уйти в отпуск появилась после звонка Николая Смирнова через неделю. Он получил отпускные и улетел в Симферополь, в Ялту.

⁴⁶ Вопрос об отпусках был одним из вопросов улучшения системы социализма. Сугробин не понимал, почему предприя-

В лёгком светлом, почти белом костюме Леонид появился в Ялте в середине дня и направился на почту к окошечку «До востребования». До этого дня Леонид был в Крыму только один раз с Мариной Нориковой с базовой квартирой в Симеизе. Николай Смирнов написал, что остановился именно в Симеизе по адресу... Совпадение не было ни странным, ни удивительным. Мало ли! Он вернулся к автостанции. Выпил кружку пива в бойком пивном зале, где к трём кранам стояли три очереди. Потом сел в дышащий гарью львовский автобус и по изумительно искривлённому узкому шоссе через Мисхор, Алупку прибыл в Симеиз.

Николай лежал в постели после жаркого пляжного дня и не удивился, когда появился Леонид.

– Я был абсолютно уверен, что ты появишься, – только и сказал он, поднимаясь. – Пойдём к Васильевне, пусть она тебя разместит.

– Ты откуда батюшку-то привёл? – всплеснула руками Васильевна.

Сугробин с длинными космами, бородой и усами мог по внешнему виду представлять профессию самую необычную, в том числе и священника, пусть она была очень редкая.

– Устрою я твоего знакомого, устрою, – говорила Васильевна, проходя в дальнюю часть дома. – Вот смотри, батюшка, половина окошечка в сад, кроватка одноместная и тумбочка с табуреткой для гостя.

– Отлично, Васильевна! – сказал Леонид и поставил свой саквояж на тумбочку.

– А как называть тебя, если ты не батюшка?

– Ты Васильевна, – Леониду пришла случайная мысль назваться именем соседа из подъезда Алексеем Васильевичем. – И меня зови Васильевичем, Алексеем Васильевичем, если захочется. А по паспорту меня немного по другому зовут, но тоже по-русски.

– Ох, крутишь ты, Васильевич, – покачала головой хозяйка. – Но я понимаю, что назывешься по правде батюшкой, и не отдохнёшь, как хочется. Живи, не думай.

Колян на море время не терял. Он подкоптился под южным солнцем и нашёл подругу из Литвы. И не какую-то белорусско – русскую славянку, а самую настоящую литвинку – прибалтийку из Паневежиса.

– Я же не знала, что ты придёшь с другом, – сказала литвинка Николаю. – Моя подруга только что укатила в Ялту с соседкой. Как жаль. Она всё ещё одна, а время идёт.

– Спасибо, милая, – сказал Леонид. – Я пока не чувствую себя готовым к немедленному контакту. Позагораем, поплаваем. Возможно, я Вашей подруге просто буду несимпатичен.

«Призрачно всё в этом мире бушующем. Есть только миг, за него и держись. Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь!» Гремел оркестр в ресторане Алупки на открытой площадке. Солист за три рубля исполнял любые песни, прибавляя при этом, что исполняет по просьбе Лёши, Феди, Коли из солнечного города Тулы, Вологды или Норильска. «Есть только миг...» был шлягером сезона. Не затерялся он и через десятилетия, но тогда гремел везде. А для курортов был не менее значим, чем «Утомлённое солнце». Компанию Сугробину составляла неунывающая жительница Симеиза двадцати двух лет. Она работала медсестрой в санатории и воспитывала двухлетнего сына от гостя с Украины, не оставившего ей адреса. «Я родила, потому что хотела быть матерью, настоящей женщиной, а не просто шлюхой, какими у нас всё побережье заполнено. Я тебя люблю, пока ты со мной и не выпрашиваю у тебя подарки, потому что люблю. И больше мне ничего не надо. Дай только три рубля, я ещё закажу для тебя песню. Какую?» Красивая, стройная, гибкая она смотрела на Леонида, и он видел любовь в её глазах. «Как провожают пароходы», – сказал Сугробин. – И потанцуем

тие не может установить отпускной месяц для всех сотрудников одновременно. В лучшее для отдыха время года. Или предоставлять отпуск по желанию в любое время. Кто придумал распределять отпускные деньги равномерно на все двенадцать месяцев!?

медленно. «Тогда идём вместе», – протянула она ему руку и они стали пробираться к эстраде среди танцующих. «Я люблю тебя», – шептала она на ушко, покусывая за него и целуя.

– Ну что, Колян? – спрашивал по утрам Леонид приятеля, пытаясь поднять его под утренние лучи крымского солнца. – Прошли твои невзгоды и тоска по семейной жизни? И всё, что было, забыл с литвинкой?

Николай мычал, натягивал на голову простынь и отворачивался. Литвинка крепко завлекла его, и он несколько лет ездил к ней, пока они неразумно не раскрылись. Николая немного поколотили, а обманутый литовец написал жалобу на русского распутника на предприятие с требованием принять меры по восстановлению моральных устоев.

У меня крымчанка работает с утра. Я её не задерживаю до утра и сам здоров. Оставляю тебе полбутылки Алиготэ и ухожу, – сказал не отзывающемуся Николаю Сугробин. Открыл бутылку прохладного вина, отлил половину в бокал, выпил и, покинув усадьбу Васильевны, пошёл по узкой изогнутой улице к рынку при автостанции. Ему было привольно и хорошо. «И почему я всегда так долго мучился, страдая по потерянными женщинам? – спрашивал он себя. – Такая прекрасная жизнь и такая верная любовь. За три недели ни разу красавица не фыркнула, грубого слова не сказала. Одни ласковые взгляды и любовь без конца». На рынке он купил пакет абрикосов, в магазине две бутылки ординарного молдавского Алиготэ и, насвистывая мотивчик из «Сильвы», стал спускаться к морю через прибрежный парк. «И детей рожать не страшно!» – почему-то промелькнула мысль..

Николай уже уехал. Милая девушка, женщина и мама целовала Сугробина у калитки своего дома. Утром уезжал и он.

– Напиши мне письмо. Позвони мне по телефону. Я буду ждать тебя даже зная, что ты не приедешь!

1975. Вышел на экраны фильм «Ирония судьбы или с лёгким паром». Барбара Брыльска, Андрей Мягков в главных ролях.

1975. Умерла заслуженная артистка РСФСР Валентина Серова.

1975. Введён в строй Токомак 10.

1975. Осуществлён совместный полёт космических кораблей СССР и США названный «Союз – Аполлон».

Максим Петрович Жарков и Сугробин сидели в ЦИЛе⁴⁷ в помещении вибростенда, на котором стоял передатчик. Уже были перепробованы десятки вариантов конструкций и виброгасящих элементов. А приборы упорно показывали на частотах от 1750 герц до 1850 герц в отдельных точках резонанс на лампе.

– Надо изобретать дополнительную фиксацию консоли, – сказал Сугробин, выключая стенд.

Он уже давно отказался от помощи специалистов – испытателей и работал сам на стенде, наблюдая и фиксируя малейшие отклонения в установке датчиков, амортизаторов, усилия затяжки крепёжных деталей. Но менялся диапазон частот вверх или вниз, а резонанс оставался.

– Не вижу я в созданной конструкции других решений, – повторил Сугробин.

– И каким путём? – спросил Максим Петрович.

– Конец консоли надо укрепить кольцом. Кольцо подпереть тремя-четырьмя керамическими стержнями. Через резьбовые отверстия в корпусе контура.

– Ещё четыре точки надо будет герметизировать.

– Герметизировать мы научились, – улыбнулся Леонид. С работой над этим прибором я уже вижу несколько тем для диссертаций. Даже названия придумал.

– Ну, и какие?

⁴⁷ ЦИЛ – центральная испытательная лаборатория

– Пожалуйста. «Некоторые особенности герметизации высокочастотных узлов для работы в условиях отсутствия атмосферы». «Особенности защиты высоковольтных цепей для работы в условиях отсутствия атмосферы». «Способы защиты электронных элементов от механических воздействий в условиях высоких вибрационных и ударных перегрузок»

– Хватит, хватит, – засмеялся Максим Петрович. – А ты кандидатские сдавал?

– Да нет. Я тогда хотел в юридический поступить. А после пожара у меня запал пропал. «И ни о чём я больше не жалею. И ничего я больше не желаю», – пропел Сугробин. – Мне иногда совсем ничего не хочется. Смысл жизненный теряю. Уже тридцать пять. Идеи социализма размываются в борьбе за элементарные условия жизни. Торговля жирует, милиция её прикрывает. Как Емельяныч толкует: «У них дескать, военно – промышленный комплекс, а у нас торгово – милицейский комплекс». Народ придавлен. Недавно у Зверева отца хоронили. Выпили на поминках, как полагается. И троих из их лаборатории замели в вытрезвитель. Сам знаешь, какая радость в кадрах и режиме поднимется, если бумаги придут. Полночи Зверев со Степаном сидели в вытрезвителе, прежде чем вполне приличных ребят отпустили без последствий. Весь месячный запас спирта перекачали. Эх! – Сугробин махнул рукой.

– Ладно, Леонид Иванович. Рисуи распорки и два прибора в экспериментальный цех на доработку. Надо побеждать резонанс. Три месяца бьёмся. – Жарков поднялся. – Делай всё сам. И герметизацию закладывай сразу. Время сократим вдвое.

Жарков ушёл. Сугробин подвинул к себе чистые листы бумаги и начал набрасывать эскиз. Маленький титановый кубик лежал перед ним на столе. Общий объём по выступающим частям 500 кубических сантиметров. Пол – литра, скажет понимающий человек. Его выпускная стоимость на серийном заводе будет равняться стоимости автомобиля «Волга» и вдвое больше годовой зарплаты его ведущего создателя.

Курмышов, с неожиданно появившимся в его жизни самодеятельным скульптором, лепил монумент памяти погибшим солдатам в Шаранге.⁴⁸ В эти годы по всей стране прокатилась волна строительства малых мемориальных памятников посвящённых ратному подвигу земляков. Кто поднял волну? Возможно, лёд стронул писатель Сергей Смирнов⁴⁹, великий патриот земли русской, возбудивший в обществе великий стыд за безнравственное забытие подвига миллионов безвестных героев, отстоявших отечество. Райцентры, посёлки, малые города, совхозы и колхозы повально воздвигалиobelisks и скульптурные композиции по своим финансовым возможностям. Маститых и заслуженных скульпторов привлечь местные власти не могли. И были востребованы все, кто мог сделать фигуру солдата или отлить колоннуobeliska из железобетона. Халтурщики были эти скульпторы почти поголовно. Но язык не поворачивается их осудить. Они на пустом месте поставили памятники и высекли имена бойцов, живших в этих селеньях, и ушедших отсюда навсегда. И у правнуков будет вздрагивать сердце от прочтения своей фамилии на камне, и не пропадёт желание сохранить памятник, а, может, и улучшить.

Шаранга была третьим местом, где Курмышов ставил памятник. И жил там с напарником целое лето, изредка звоня по телефону Метелиной. Ему было скучно, но н семью надо было содержать. В свободные от работы часы он сидел в запаснике районной библиотеки и просматривал неучтённые книги, не забывая прихватить редкий томик для себя. «Скучает Мишка, – говорила Метелина попавшемуся на остановке Сугробину, который только что появился в городе после отпуска. – Всё ждёт, что кто—нибудь к нему заедет». «Ковры – самолёты из про-

⁴⁸ Шаранга – рабочий посёлок, райцентр на северо востоке Нижегородской области.

⁴⁹ Сергей Сергеевич Смирнов (1915 – 1976г.г.) – русский советский писатель, великий патриот. Автор знаменитой книги «Брестская крепость», затронувшей остатки совести даже у индюков.. На телевидение многие годы вёл телеальманах «Подвиг»

даже изъяли», – вежливо откликнулся Сугробин. А через две недели он с компанией слушал байки Курмышова и Шарангские легенды в его исполнении.

Вернувшись из Крыма, Сугробин не обнаружил привычного ажиотажа. Половина сотрудников в подразделении были в отпусках

– За пять лет первый раз так привольно, – улыбаясь и потягиваясь, говорил Василий Суматохин на своём рабочем месте перед осциллографом. – Не к добру это, но приятно. Ухожу в отпуск вместе с семьёй.

– Может и мне догулять оставшиеся полтора месяца, – ответил Леонид. – Когда ещё всё сложится.

– У тебя ещё полтора месяца? Недурственно. У меня, конечно, тоже записки о ночных бдениях есть, но Емельяныч говорит, что я «Лауреат» и должен государству прощать. Так что до октября, и не «летай в Иваново».

В городе гастролировал театр русской драмы из Ташкента. Беззаботный Сугробин посмотрел незапоминающийся спектакль, отметив хорошо игравшую главную героиню, и покинул театр, позабыл про Ташкент. На другой день был выходной, и он снова выехал в центр. На Покровке в кондитерском магазине он увидел актрису, которую отметил во вчерашнем спектакле. Она покупала конфеты Сормовской фабрики.

– Приме нравятся сормовские конфеты? – сказал Леонид, оказавшийся с ней рядом.

Женщина повернулась и посмотрела на Сугробина. Он не ошибся в своей оценке издали в театре. Она была молода, может чуток за тридцать.

– Почему Вы назвали меня «примой»?

– Я видел Вас в театре вчерашним вечером.

– И как я Вам показалась?

– Издали Вы были хороши, а вблизи несравненно лучше.

– Кто Вас научил так рассыпать комплименты?

– Женщины, сударыня! Я люблю женщин. А что может им дать простой советский инженер, кроме красивых слов и искренней любви. Правда, я почти поэт.

– Поэт и инженер – это почти артист.

Они уже вышли из магазина и шли по театральной площади.

– Так мы стоим на одной планке. Разрешите подарить Вам вот эту прелестную розовую гвоздичку, – остановился Леонид на мгновение у цветочницы, и подал цветок актрисе. – «Но он актрису любил, ту, что любила цветы».

– Откуда ты такой безмятежно очарованный? В твоём возрасте надо водить за собой тройку детей от десяти до пяти, а не рассыпать комплименты незнакомкам.

– Бог не осчастливил меня детьми, сударыня. Он отдалил от меня трёх прекрасных женщин, которые меня любили. Но он оставил мне способность не проклинать женщин, а любить их. И я всегда один, и всегда не один. Вы же чувствуете, что уже со мной.

– У меня сейчас репетиция, а вечером спектакль. Так что, прощайте, – сказала актриса из Ташкента. Посмотрела на Сугробина повнимательней, и подала ему руку для пожатия. – Попробуйте подождать меня после спектакля на этом же месте.

«Надо только выучиться ждать. Надо быть спокойным и упрямым. Чтоб порой от жизни получать, радости скудные телеграммы», – повторял шальной Сугробин мелодию Александры Пахмутовой, распрощавшись ранним утром с примой. «Театр закончил гастроли и уезжает. Не ищи меня. Это веление судьбы, как „солнечный удар“ у Бунина», – были последние её слова. Он поцеловал её пальчики, и она исчезла.

Сугробин сидел в летнем кафе на Откосе и ел сосиски с шукрутом, любуясь всегда прекрасным видом Волги с десятками судов на рейде, бескрайними далями Заволжья. И думал совсем не об актрисе, с которой расстался утром, и запахи её духов ещё сопровождали его.

Голова была наполнена радостью бытия и все рубцы и противоречия государственного устройства и наполненной лицемерием жизни, казались ему легко преодолимыми, стоит лишь ему и всем его друзьям, и всему его поколению вместе взяться за их преодоление. И рухнут навороченные искусственно преграды, и навсегда войдут в жизнь принципы, предначертанные создателем и лучшими умами человечества.

– Кому не пропасть, – услышал он сзади знакомый голос. К его столику подошли Макс Воскобойников с Пашей Шурановым. Оба с несвежими лицами, возбуждённо весёлые, они явно вышли на Сугробина после большого бодуна, закончившегося под утро.

– Вот нам и четвёртый, – сказал Макс, усаживаясь рядом.

– Подожди с делами, – остановил его Паша, – сначала выпить.

Официант принёс водку и сосиски.

– Тебе налить, – спросил Паша Леонида.

– Нет, мне и так хорошо.

– В отпуск ушли, и вчера весь день до позднего вечера готовили машину в экспедицию.

А потом посидели по случаю. Хотим по северу области пройти. Сначала через Воскресенск на Шарангу, а оттуда на Ветлугу.

– В Шаранге Курмышов памятник воинам ставит.

– Вот и его навестим. Нас трое. Я с Татьяной и Паша. Неплохо бы ещё мужика. Машину толкать в болотах не раз придётся.

– Надо позвонить Жаркову. Отпустит он меня в отгулы на недельку?

– Лучше на две, – подсказал Паша.

В Шарангу от Воскресенска пробивались через леса и болота три дня. У Воскресенска на пароме форсировали Ветлугу. В селе Воздвиженском, последнем населённом местечке перед лесным массивом, Паша купил три банки кильки в томате.

– Если дичи на нашем столе не окажется, будем варить рыбный суп, – сказал он.

До Шаранги по азимуту было семьдесят километров. До Йошкар-Олы сто пятьдесят. В баках было бензина на шестьсот километров шоссейного пути.

– Закройте окна, занавесьте. Я не могу смотреть, – чуть не плача говорила Татьяна, отворачиваясь от окон и закрывая лицо платком. И было отчего. Машина шла по сухой песчаной колее, пробитой не одним поколением лесовозов, но застаревшей от многих лет бездействия. Отличный сосновый лес здесь рубили с первого года войны, на левом берегу Ветлуги на крутом обрыве был заложен леспромхоз. В центре страны с отличной возможностью сплава плотами. по реке до Волги. А там в любую сторону измученной войной страны. Река была судоходна весь сезон. В лесные урочища были проложены узкоколейные железные дороги, и местечко процветало. Экспедиция пробивалась в Шарангу по местам, где рубки были закончены. Лесовозы не ходили здесь несколько лет. Да и другие машины тоже. И на выбитых колёсами бордюрах, уже оплывших, но ещё заметных, шеренгами стояли грибы. Подосиновики краснели мощными головками как светофоры, белые, прикрывались шляпами в суповую тарелку и звали к себе. В первые минуты две корзины и мешок отборных грибов были набиты, и другие были просто не нужны. Но как было обидно проезжать мимо такого богатства природы. Таня требовала остановки и, набив авоськи, кидала грибы на пол машины под ноги себе и охотников. «Одними грибами буду питаться», – говорила она и закрывала глаза от лесных красавцев.

– Давайте встанем и сделаем грибной ужин, – предложил Макс. – Куда нам торопиться.

– Мы на охоту поехали, а не за грибами, – строго сказал Паша и остановил машину. – Макс, доставай оружие, а мы с Леонидом откроем переднюю рампку. Сейчас, когда у нас ничего нет, не до охотничьего этикета. Глухари и тетерева любят по дорогам бродить и камешки ковырять.

Мы открыли и подняли переднее стекло. Паша передал руль Макс, а сам сел рядом с водителем, положив на капот куртку и на неё заряженное ружьё. Глухарь не заставил себя

ждать. Вальяжно шаркая ногой, он подпустил машину на тридцать метров и не успел удивиться, когда прогремел выстрел.

– Вот теперь можно определять место для стоянки. Доедем до первого ручейка и встанем, – сказал Паша. – И килька не потребуется.

Как прошли на машине остальной путь, не описать. Начались болота. И только полное безрассудство под лозунгом «Всё нипочём!» не оставили вездеход и всю экспедицию зимовать. Бесчисленные лесные дороги за многие годы были пробиты и зимой, и летом. И которая из них была проходимой, определить было невозможно. Два ведущих моста и три ваги из соснового ядрёного сухостоя определили нашу проходимость. Когда сели первый раз и, приподнимая машину на вагах, выбрались, то ваги остались на месте приключения. Когда через полкилометра сели снова, ваги далее поехали с нами на крыше. Бывали места, когда на вагах проходили непрерывно десятки метров, пробираясь по колено в воде, и для упора под ваги не было твёрдого бугорка. Тогда ставили в трясину обрубки брёвен и поднимали машину. Мужская троица была в грязи, шишках и синяках, но не грустила. Ночевали на сухих бугорках, доедали грибы и глухаря и спали крепко. Бензина у них по прибытию в Шарангу оставалось в баках на сто километров.

Курмышов и Сугробин сидели в импровизированной мастерской в пристрое при клубе, и лениво обсуждали творение художника. Макс с Пашей и коллега Курмышова ушли с ружьями в конец длинного пруда, на берегу которого стоял клуб. На пруду водились утки, и местные правила не запрещали их пошугать. Татьяна проверяла районные магазины. Они гостили у Курмышова третий день, приели все запасённые грибы и куриц с базара, и собирались назавтра уехать в сторону Костромской области, к Ветлуге.

– Халтурщик ты, Курмышов, – сказал Сугробин, осмотрев скульптуру подробно. – В Одессе бы любой одессит сказал тебе, что «в Одессе все так могут, но только стесняются».

– Не так и важно, что в Одессе или Москве скажут. У нас, в России за всю тысячелетнюю историю ничего в память о бойцах не создавали. Строили храмы, памятники императорам, возносили хвалу господу, а о ратниках не помнили. А сейчас встанет этот солдат на людном месте, и будут на пьедестале выбиты фамилии всех, кто ушёл и не вернулся. И ни какой-то великий советский солдат из Трептов – парка⁵⁰, а свой Иван с деревенской улицы имени Сталина. И кто-то вздохнёт, кто-то перекрестится.

В начале января неожиданно в одночасье умерла мама Тина. На новый год к родителям приехал Валентин Иванович вместе с женой. Леонид решил продлить родительские праздники и сообщил, что приедет на Рождество. И спокойно отгулял новогодние праздники в компании Курмышова с Алиной, четой Воскобойниковых, ещё с кем-то. И пришёл на работу довольный, в хорошем настроении. Через минуту после восьми зазвенел городской телефон.

– Тебя, Леонид Иванович, – поднял трубку Жарков.

– Здравствуй, Леонид, – послышался тихий голос Валентина Ивановича. – Приезжай срочно. Мама умерла. – И затих. Только слышались глухие всхлипывания. Потом снова тихо брат повторил, – приезжай, ждём.

– Леонид положил трубку и присел на стул у стола начальника..

– Мама умерла, Максим Петрович, – сказал негромко Леонид, и голова у него наклонилась к столу.

– Кто у тебя там? – спросил Петрович.

– Сейчас брат с женой, сестра.

– Может, помощь нужна? Давай двоих мужиков отправим с тобой.

⁵⁰ Памятник солдату – освободителю в Берлине с девочкой на руках

– Спасибо, Максим Петрович. Всё так неожиданно. Мы-то ведь всё думаем, что родители вечные. И я ещё ничего не осознал, ничего не понимаю. Только душа куда-то спряталась. Одну пустоту в груди ощущаю.

– Держись, Лёня. Давай, я тебе пятьдесят граммов налью. – Петрович открыл сейф. Леонид разбавил спирт водой и выпил.

– Поезжай и держись, – сказал Петрович. – Сколько дней тебе будет надо, столько и бери.

Как говорят в таких случаях, смерти не ждала мама Сугробиных, и не мучилась. Вечером удар и потеря сознания. А утром в шесть часов умерла, не приходя в сознание. Похороны стариков, не отмеченных историей, просты и торжественно грустны. Дети и самые близкие родственники, пожелавшие проститься, несколько соседей и землекопы на кладбище. День похорон был морозный, под тридцать градусов. Валентин Иванович, как старший, распорядился шапки не снимать.

– Прощай, мама! – сказал Леонид, бросил горсть земли и надел шапку на закуржевшие волосы. И, поддерживая падающую от горя сестру Татьяну, стоял перед засыпаемой могилой с окаменевшим лицом. Он только сейчас начал понимать, что у него окончательно ушло детство, ушла юность и закончилась молодость. И нет у него больше самой доброй на свете материнской руки.

XIII

1976 год. 6 сентября. С авиабазы Чугуевка в Приморье в плановый полёт поднялся новейший истребитель МИГ-25, пилотируемый старшим лейтенантом Виктором Беленко. На базу самолёт не вернулся. Виктор Беленко предал Родину, семью, ребёнка и приземлился в Японии в аэропорту Хокадате, и попросил политического убежища в США. Индюки не проявили жёсткости по отношению к Японии и Япония не вернула сразу секретнейший самолёт, лучший в мире истребитель – перехватчик того времени. Что двигало предателем? Он не был куплен заранее, не получил никаких денег и после перелёта и передачи самолёта. Возможно, лучшему лётчику полка не давали хода полковые индюки? Ему было 30 лет, а он был только ст. лейтенантом. Может его не устраивали верховные индюки, как генерала Поляков не устраивал Хрущёв, которого он презирал и оттого стал агентом США. Беленко понимал, что нанесёт огромный ущерб своей стране, а уж полковому начальству совершенно точно. И нанёс. Самолёт вернули в разобранном до последнего винтика, виде. Министерству обороны пришлось во всей авиации менять коды «свой – чужой» и многое другое, что стоило миллиарды полновесных рублей. В 2005 году Беленко погиб с США в ДТП.

1976 год. 18 декабря. Осуждённого диссидента В. Буковского советские власти обменяли на генерального секретаря компартии Чили Луиса Корлована.

1977 год, 8 января. В московском метро на перегоне от станции Измайловской к станции Первомайская был совершён первый террористический акт. Семь человек убитых, двадцать пять раненых. Мудрости это индюкам не прибавило. Они продолжали почивать на лаврах.

1977 год. Умер король рок энд ролла Элвис Пресли 42 лет. Гении умирают молодыми.

Жена Володьки Зверева считала, что Сугробин терпит неудачи оттого, что за красавицами гоняется. А он ни за кем не гонялся. Вручил свою жизнь в божественные руки и не ставил перед собой никаких рамочных целей. А после смерти мамы Тины Леонид совсем отошёл от активной позиции самца и, приглашённый на вечеринки, равнодушно взирал на «миг между прошлым и будущим». «Что ты, какой серый!» – упрекал его Слава Ласкаев. – Нельзя же быть таким потерянным. Девушки к тебе хорошо относятся, а ты их если и не отталкиваешь, то и не прижимаешь. Сугробин выпивал вместе со Славой Ласкаевым и его начальником отдела Стасом Басиковым, где Слава служил начальником лаборатории. Ребята вошли в круг друзей

Сугробина в последние годы по совместной работе, по семейному состоянию, и по отношению к окружающему миру. Все они были разведены, и у них было много общего в порядке жизни. Они сидели в квартире Ласкаева на Ошаре и отмечали возведение Сугробина в ранг начальника отдела. Предполагались работы грандиозные, и Рустайлин перевёл часть конструкторов к себе в личное подчинение. Жарков в это же время пошёл на повышение.

– Надеюсь, перестанешь меня скоблить в душе, что голым на пожар уехал, – сказал Рустайлин, подав подписанный приказ для ознакомления.

– Это было в прошлой жизни, когда я хотел поступить в юридический, – ответил Леонид. – И это моё назначение просто обязывает меня делать невозможное имеющимися силами.

– Это ты правильно понимаешь. Я надеялся на твоё понимание.

– Предлагаю отметить это втроём – мы и Максим Петрович.

– Что ж, Леонид Иванович! – сказал Жарков. – Родина ждёт от тебя новых свершений.

Комната собственная у тебя есть, должность получил достойную, направление работ самое боевое. На таких работах и госпремию заслужить можно. Так что вперёд! Желаем тебе успеха.

Это было вчера. А сегодня Слава после второй принялся за воспитание. Сугробина.

– Даже назначение никак не расшевелило. Что, совсем безразлично? Зарплата на сотню поднялась. Цветы девушкам без раздумий покупать можешь.

– Ты, Слава, как Петька Василя Ивановича, допрашиваешь.⁵¹ Можешь, можешь? Могу, Слава. Но сейчас не хочу.

– Тогда ты, по определению агенства ОБС, подлец.⁵²

– Да отстань ты от человека, – сказал Стас. – Коньяк он поставил. Уже кончается. – Пошарил в нагрудном кармане и вынул червонец. – Теперь мы ему поставим за его успехи, – пошарил в кармане и вынул ещё червонец. – И возьми две. Завтра выходной. Если что, то у тебя и останемся. Давай, Лёня! Это наша последняя беспартийная должность. Да и партия далее не поможет, если нет в её рядах близкой тебе волосатой лапы. Да, по правде, предложил бы мне всемогущий должность директора института, я бы не пошёл. Очень много начальникам приходится делать противозаконных поступков, поступать против совести. Недаром же у нас говорится, что любого самостоятельного руководителя с численностью предприятия от ста человек, можно на десять лет садить без суда и следствия. Оттого часто тоскливо и бывает. А если начальника от его несправедливых поступков не коробит, значит, он уже не человек, а индюк, например, как Леонид обзывается. А ты всё про девушек. Не могут девушки заслонить собой остальную жизнь.

– Что же мне делать, если я девушек люблю, – сказал Слава, и взял деньги у Стаса. – А если коньяка нет?

– Венгерский всегда есть. Или болгарскую Плиску» в крайнем случае, – подтолкнул его Стас. И когда тот ушёл, сказал: «Вот чего бабам надо? Не он ведь ушёл. Жена его уела. А думаешь, сама нашла кого? Никто не нашёлся. И кусает сейчас локоть, да не получается. А он дочку любит, тоскует. И всем нам скоро будет по сорок лет... А сорок лет не букет из ландышей».

И увидел Бог, что не ищет больше женщин Сугробин. И решил, что пришло время поставить Сугробина на предназначенную ему дорожку.

⁵¹ Петька. «Василий Иванович! А ты барыню можешь?» «Могу, Петька». «А польку, Василий Иванович?» «И Польку могу». «А Летку Еньку?».. «А это, Петька, что за б... такая?» (Байка)

⁵² Лекция по сексуальным вопросам. Лектор: «Как назвать человека, который может и хочет?». Крики – нормальный. «Как назвать человека, который хочет, но не может?» Крики – большой. «Как назвать человека, который может, но не хочет?» В зале тишина некоторое время. Потом пронзительный женский голос – «Подлец!» (Байка).

XIV

Лена, Леночка, Елена Максимовна жила далеко не первые дни на свете, имела почти взрослую дочь и потеряла мужа в ДТП на улицах города. Боль потери притупилась за десять лет, дочка подросла. И никто Лену не подхватил на руки за эти годы, не решился взять ответственность за чужую судьбу. Женщина она была привлекательная, в соискателях любви не была обижена и жизнь не казалась ей серой, несмотря на многие неустроенности и материальные недостатки. Окончив музыкальное училище и театральный институт, она поработала на разных должностях в объектах культуры, вращаясь в среде музыкантов, журналистов, актёров. Ни о чём она не задумывалась и в тот день, в который всевышний назначил ей встречу с Сугробиным.

Мишка Курмышов и его гость из Вологды врач Алексей Лисицкий выпивали во второй половине дня на веранде кафе «Нижегородское», когда там появились и присоединились к ним Лена с журналистом Гошей Поломкиным, её близким другом, и ещё двумя репортёрами из молодёжки. Журналисты выпили по стаканчику и удалились по делам. А Лена дала уговорить себя Лисицкому и Курмышову, и поехала к ним в гости, не зная зачем. Ей стало скучно уже в дороге, а в обычной компании совсем заскучала. За ней ухаживали, но никто не был интересен. И Лена придумывала предлог, чтобы покинуть собрание. На улице темнело. Лена подошла к хозяйке Алине Метелиной, жене Курмышова, и только собралась сказать, что уходит, как в комнату вошёл Сугробин. В доме уже давно висел дым, на который можно было повесить всё что угодно. Никто никого не слушал, и особенно никто никому не был нужен.

– А вот и Сугробин, – сказала Алина. – Познакомься, Лена. Он технарь, но ужасно хороший. Его зовут «Победитель резонанса». Он в своём институте всё время чего-то побеждает.

Лена посмотрела на мужчину, который внимательно слушал и смотрел на неё.

– А у вас уже за середину празднование перевалило, – оценил обстановку мужчина и представился. – Леонид Сугробин. Технарь, как сказала наша милая хозяйка.

– Отчего так поздно, – спросила Алина.

– В делах запутался. Босс перед отпуском в две командировки меня запустил. В это воскресенье еду в Москву, а в следующее воскресенье в Пензу. И свободен. Но сейчас я здесь и, отчего бы нам не выпить за знакомство.

– Едва ли что найдём, – сказала Алина. – Одни пьяницы сегодня собрались, лопают и лопают. Даже Лёшка Лисицкий едва сидит.

– Один момент, – сказал Сугробин и вынул из – за дверей портфель. – Это хозяйке, – протянул он Алине букет ромашек, – а это всем нам. И поставил на стол бутылку коньяка.

– Однако, – подумала Лена.

– За Вас, милые дамы, – сказал Сугробин, подняв бокал.

– Ну, зачем же за нас, – сказала Лена. – Мы сами. Правда, Алина. —И выпила всю большую рюмку. И задохнулась.

– Ах, закусить у нас нечем. Держите, – сказал Сугробин, обнял Лену за талию и поцеловал быстрым сочным поцелуем.

– Однако, – сказала Лена, но ничуть не обиделась.

– Ты доставишь меня домой? – спросила Лена часа через полтора. За это время у компании окончательно закончились все напитки. И только магнитофон не уставал, и крутилась катушка, и сменялись мелодии, под которые можно было обниматься, не забираясь в угол. Лена за это время успела познакомиться с Сугробиным так, что он ей казался давнишним знакомым, на какой-то период выпавшим из её жизни, а сейчас объявившимся. Она пожаловалась на свою жизнь, и довела до сведения полное отсутствие поддержки твёрдой мужской руки. Она

и сама не понимала, почему говорила ему слова, которые никому и никогда не говорила. А ему сказала. Он улыбался и целовал в такт каждому её признанию, и ей было приятно.

– В порядке первой поддержки я могу устроить нам медовый месяц, т.е. свадебное путешествие, – ответил Сугробин на её слова. – А там поймём, годимся ли мы друг для друга. Я получил приличную премию и через две недели у меня отпуск.

Подошёл качающийся Лисицкий.

– Сугробин! Ты не отходишь от этой женщины весь вечер. Когда мы с Мишкой её уговаривали, то не предполагали, что отдадим её тебе. Но если ты хочешь взять её навсегда, то тогда мы возражать не будем. Михаил! Иди сюда. Сугробин забрал нашу женщину. У тебя найдутся перчатки. Пусть одна. Мне не носить, только кинуть в эту образину, – обнял Лёшка Сугробина.

– Не надо перчатки, Лёшенька., – подошёл Курмышов. – Считаю, что ты подарил женщину Сугробину. Ты ощути приятность от такого поступка. Ты дарил кому—нибудь женщин? Нет! А сейчас подари. И ты же помнишь, как он говорил нам, что был боксёром. Ты ему перчатку, а он пинёт тебя в пах и вся медицина Вологды тебя не вылечит. Дари ему женщину, и пойдём выпьем. Я нашёл в шкафчике остаточки.

– Дарю тебе, Сугробин, женщину. Носи. На руках носи, дурачина. – И Лисицкий поковылял за Курмышовым.

– Так ты доставишь меня домой? – повторила вопрос Лена.

– Как я могу бросить подарок. Хотя меня самого в пору доставлять. У меня сегодня был длинный день, – сказал Сугробин.

– Он был тяжеловат, но держался строго; отыскал свой портфель, и они покинули дом Курмышовых. В такси Лене захотелось, чтобы он поцеловал её, и когда он нашёл её губы, ответила ему со всей страстью.

– У меня должно быть что—нибудь выпить, – сказала Лена, усадив Сугробина на диван. – И не беспокойся. В такое время и такого тёплого я никуда не отпущу.

В доме действительно нашлось. Они выпили за ласковый вечер. Лена включила телевизор, налила ему рюмку и ушла в ванну. Когда она вернулась, блестя мокрыми волосами, Сугробин, оставив не выпитую рюмку, сладко спал, свернувшись калачиком.

– Надо же!?! – сказала сама себе Лена – Или чрезвычайно перебрал и держался на последнем нерве. Или настолько морально здоров, что сон ему милее женщины. Она закрыла Сугробина пледом, поцеловала и выключила свет.

Утром Лену разбудил звонок. Она быстро поднялась, не желая, чтобы трубку поднял Сугробин, и прошла к телефону. Сугробин действительно озирался, пытаясь определить, где находится телефон. Она кивнула ему, прижав палец к губам, и подняла трубку.

– Куда пропала? Я весь вечер пытался тебя отыскать. У меня была полная свобода до утра.

Звонил милый друг Гоша Поломки. Он был женат, растил детей, но жил по женской логике. «Я женат, – говорил он себе. – Но она красивая, и мила со мной. Значит...» Лене он нравился. И пусть она не собиралась разрушать его семью, он был для неё близок ещё и как человек, с которым можно поговорить и посоветоваться.

– Ловила своё счастье, – ответила Лена и улыбнулась Сугробину.

– И как?

– Держусь за одно пёрышко и боюсь, что может вырваться.

– Не дёргай резко, – засмеялся Гоша. – А жаль, что вчера мы не встретились. Такое настроение на тебя было. Позвони, как время придёт.

– С работы интересовались расписанием моего дня, – сказала Лена, подсаживаясь рядом на диван и обнимая Сугробина. – Как спалось?

– Как младенцу. И ни капельки даже подсознания не коснулось, что я в доме, где находится красивая женщина. Но это не значит, что если ты будешь со мной, я равнодушно буду

смотреть на твоих знакомых и друзей, желающих ангажировать тебя на ночь. Условие твёрдое: я с тобой, ты со мной. Идёт. В отпуске мы будем представляться мужем и женой.

– А куда мы едем в отпуск?

– Чтобы не быть похожим на твоих друзей, свадебный месяц ты проведёшь на Иссык-куле. Пока я в Москве, уточнишь расписание самолётов и цены на билеты.

– Как скажешь. Я вчера ещё сказала, что согласна. А сегодня предлагаю посетить театр. Что сегодня гастролёры из Москвы дают, не знаю, но подходи за полчаса до начала, разберёмся. А после... После и разберёмся.

– Согласен, – ответил Сугробин. – А сейчас я полетел. Времени нет даже на то, чтобы назвать тебя своей. Пока, нареченная.

Он поцеловал Лену в губки и вылетел из квартиры, переваривая откуда-то выскользнувший Иссык-куль со свадебным путешествием. Лена тоже сидела задумчиво, осознавая сказанное нечаянным знакомым, который проспал у неё ночь и даже не попытался приставать.

На гастрольный спектакль московского театра Лена не попала. Днём она поехала навещать дочку в сад к бабушке – дедушке с мужниной стороны. Потом проехала в СТД, где никого не обнаружила по случаю субботнего дня и зашла в редакцию к Гоше. Тот угощал чаем жену, вернувшуюся из командировки. К чаю пригласил Лену. Подошли друзья друзей, и о назначенном свидании Лена вспомнила, когда театр закрылся. Лену домой никто не провожал. Она прошла мимо театра в полной неудовлетворённости. Сугробин, покрутившись у театра, за пять минут до начала купил с рук предложенный билет и смотрел совершенно проходной спектакль с названием «Снятый и назначенный», главной примечательностью которого были Лев Дуров и Леонид Броневова, снискавший известность в сериале «Семнадцать мгновений весны», где сыграл роль гестаповца Мюллера.

– Почему я такая неправильная, – думала Лена, засыпая. – Непутёвая компания отвлекла меня от человека, который может отказаться меня узнавать, приняв за пустышку. А я чувствую, что он мне нужен. И уснула в надежде, что Сугробин позвонит ей утром, и она зазовет его к себе для извинений за нарушенное свидание. Утром Сугробин не позвонил

– Пошутили вечерок, и ладно, – сказал себе Леонид утром и ушёл на Оку, где и провёл весь день один, купаясь и загорая.

Поезд №37 уходил в 23 часа. Сугробин и Василий Суматохин докуривали сигареты у вагона, когда перед ними появилась Лена.

– Извини, пожалуйста, – сказала она Леониду, протягивая ему букетик васильков. – Никак не получилось. Надеюсь, несильно обиделся.

– Совсем не обиделся. Мне подарила билет в театр очаровательная юная девушка. Я едва уговорил её, чтобы она не приходила меня провожать. Так что Ваши шалости в отношении достаточно взрослого человека могут оказаться с непредвиденными последствиями.

– Я больше не буду, – сказала Лена и поцеловала Сугробина.

В голубой юбке и белой кофточке с блёстками она была эффектна и молода. На неё оглядывались.

– Что за чёрт! – сказал Леонид. – Почему на меня все смотрят? Кажется на стенде «Их разыскивает милиция», я не вывешивался.

– Мужики смотрят на твою девушку. Они не могут перенести, что красавица не с ними, – сказал Суматохин.

– Не везёт мне. Одна провидица строго настрого запретила мне впредь любить красавиц. А ничего не получается. И со мной снова, и как всегда, красавица. Добра не предвижу. Целуюсь при всех?

– При всех, – ответила Лена, и сама крепко прижала Леонида к себе.

– Красивая у тебя девушка, – сказал Суматохин, когда поезд покидал пригороды, и они курили в тамбуре.

– Похоже, что на вторую половину жизни у тебя всё начинает складываться. Работа по душе, положение уверенное и даже комнатёнка собственная для ночёвок есть, – сказал Валентин Иванович, наполняя бокалы. Леонид только что ознакомил его с новостями нижегородскими, заехав к нему домой в эту короткую командировку. – И время подошло ещё разок подумать о жизни семейной, чтобы было не только куда, но и к кому возвращаться. Возраст у тебя критический, но для всего пригодный. Даём ему год на решение вопроса, – обратился он к жене.. – А не решит, бобылём звать будем. Давай, за твою семейную жизнь!

– И на кой ты соглашаешься ехать с ним в дебри Центральной Азии, – говорил Гоша Поломкин, отдыхая от бурной страсти. – Там же высокие горы, холодно, дикая природа, непонятные люди. И тебе неизвестно, насколько он горяч, чтобы согреть в заснеженные ночи. А? Что скажешь?

Лена не собиралась встречаться с Георгием, но была обижена, как ей казалось, Сугробиным. Тот, после того как она соглашалась быть его женой на целый отпуск, даже не попытался найти её перед отъездом. Не предпринял никаких действий для проверки её страсти. И что из того, что она не пришла в театр! Она красивая женщина и надо подтверждать действием свои желания быть с ней. И разогрев себя выдуманскими обидами, она откликнулась на звонок Гоши.

– А ты не преследуешь свой интерес? Я ведь тебе нужна, когда тебя жена не греет. А я побаиваюсь, что она мне глаза повыцарапывает, потому что если она и не знает о наших делах, то определённо начинает соображать. Я же тихая, драться не умею. Да и ты не тот, из – за кого бы я дралась.

– Есть интерес. Есть опасение, что после возвращения мне останется только твоя рука для поцелуя.

– Это точно. Сугробин махровый собственник. Ещё не обладая, предупредил, что пока мы с ним вместе, никаких взглядов на сторону. Курмышов предупредил, кстати, что он крепкий боксёр.

– Эх, и напугала. Иди скорее ко мне, пока свободна, и моей заднице ничего не угрожает. И всё же пока ещё билеты только заказаны, подумай, – сказал Гоша прижимающейся Елене.

В командировке Сугробину и Суматохину пришлось задержаться на субботу. В воскресенье утром с вокзала Сугробин позвонил Елене:

– Подъезжай с паспортом в авиакабину, – сказал он. В семь вечера я уезжаю в Пензу и до отъезда мы должны всё сделать, если не раздумали.

– Не раздумали, – сказала Лена. – Не передумала.

Она уже переживала от неявки Леонида в субботу, как он обещал. И укоряла себя за встречу с Гошей, мнительно рассуждая, что если Сугробин не объявится, то это будет её наказанием за измену ему. Но Сугробин объявился, и вся тревога пропала. «Я не знаю, как живёт он. И он не знает, как живу я. Значит всё в порядке», – сказала она себе, и мир снова стал прекрасен.

Елена не удержалась от возможности представления нового поклонника своим родным. Такого блистательного путешествия, которое он предложил, никто и представить не мог. Умный её друг Георгий только хмыкал от невозможности сотворить подобное. Ей вдруг размечталось, что всё будет правдой и настоящим. Сердечко билось учащённо, и она задумчиво застывала, собирая вещички для путешествия. Пусть она и приучила себя к мысли, что остаётся одна навсегда, сладкая мысль о состоянии в положении замужней женщины наполняла её беспокойной радостью.

Лену очаровала Киргизия. Её пленили восточные базары, засыпанные барханами фруктов, дынь, арбузов и предлагаемые на языках всех народов востока. Холодный кумыс из бурдюков, и шашлыки на коротких палочках. Бесконечно бурливая и ревущая водопадами река Чу в узком каньоне, по которому крутыми зигзагами поднималась дорога. И восьмое чудо света высокогорное море – озеро Иссык-куль Ослепительное горное солнце из одних ультрафиолетовых лучей, белые шапки вечных снегов на вершинах гор, и ласковая целебная вода. И искреннее восхищение окружающих мужчин её нерастроченной красотой. Она торжествовала, почти осязая раздевающие мужские взгляды, устремлённые на неё. Сугробин был джентльменом, предупредительным, готовым всегда исполнить её желания. И любовь дарил, не задумываясь о времени. И говорил, что это не разрушает его, а прибавляет новые силы.

В идилии супружеской жизни Лена провела три недели. Уже были куплены обратные билеты. Сугробин начинал готовить прощальный ужин. Он встретил давних друзей – альпинистов, и был очень доволен. А Лена на четвёртую неделю почувствовала усталость от обязанности быть женой, и принадлежать одному, единственному. Ей вдруг захотелось дикого разгула, захотелось освободиться от Сугробина, разбить его невозмутимый образ джентльмена и выставить перед побережьем разменянным любовником. Для начала она пофлиртовала с фотографом – армянином. Потом стала принимать ухаживания молоденького грузина, и даже улыбалась пастуху, предложившему ей тысячу рублей за ночь. Она доигралась до того, что чуть не попала на групповой секс, где женщиной была только она. Вернувшись поздним утром, она хотела, чтобы Сугробин её отmaterил. Но он был невозмутим, и не поинтересовался её ночными приключениями. И тогда на прогулке в горах она вывалила на него арбу неподдающихся бумаге упрёков, брани и личностных оскорблений. Сугробин и тут остался невозмутим. Лена сама уже не понимала, зачем она всё это делает. Никто не привязывал её к Сугробину. И он совершенно не совершил ни одного поступка против неё, кроме того, что всегда был с ней, оплачивал все её прихоти, показывал полную привязанность мужа к любимой жене. И надо было только вернуться домой и сказать, что он ей не подходит. И расстаться дружески в благодарность за невиданное путешествие. Но её захватывала всё глубже самая непристойная злоба на него за то, что он оказался настолько обязательным своим словам. Возможно, в ней проснулись доисторические воспоминания в подкорке, и ей требовалась для восстановления любви обыкновенная трёпка с тасканием за волосы и поучения суковатой палкой. Она не понимала. И войдя в раж нанесла последний удар, как ей казалось, самый сокрушительный. «Ты не думай, что меня купил. Я все потраченные тобой на меня деньги верну до копейки». Сугробин посмотрел на неё внимательнее обычного и сказал: «Хорошо! И если оплатишь полную стоимость за нас обоих, то можешь считать, что ты меня купила на пять недель. Я не привередливый и соглашусь». «Я так и знала, что ты полная низость!» – крикнула Лена.

Леонид закурил сигарету и вышел из комнаты. Лена бессильно опустилась на кровать. Она не знала, что её мать успела взять с Леонида слово, что тот вернёт её дочь в целости и сохранности, несмотря на любое её поведение.

Прошёл прощальный ужин, который Сугробину помогли устроить его друзья. Лена почувствовала глубокую усталость от своих выступлений и радовалась, что Сугробин не вспоминает ни о чём. «Слава Богу!» – шептала она. – «Какая же я дура. Ждала столько лет мужчину, который полюбит меня. Дождалась и сломала всё. Помолчу до дому. Может, рассосётся».

В аэропорту столицы Киргизии Сугробин отошёл с билетами на регистрацию. Лена ласково улыбалась. Объявили посадку. Сугробин отдал Елене билет в руки и взял её сакволяж.

– А где твой билет? – спросила Лена.

– Мой билет у меня в кармане. Я задерживаюсь. И думаю, что ты довольна тем, что свадебное путешествие заканчивается на день раньше. Прощай.

– Ты больше не любишь меня? – только и нашлась Лена.

– Я не успел понять, любил ли я тебя. Наверное, любил, но это уже не имеет значения.
– А ты меня не спрашиваешь, люблю ли я тебя.

– Разве ты мне не сказала, что твои друзья выше меня по всем качествам. Я не могу стоять у них на дороге. Да и тебе скучно быть с одним Сугробиным. В общем, как информирует агентство ОБС: «Ночь в общей постели – для женщины не повод для знакомства». Прощай! – ещё раз повторил Леонид и подал Лене букет киргизских роз.

Лена прошла на посадку. По указанию стюардессы села на место, пристегнулась. В иллюминаторе мелькнула снежными вершинами ласковая земля удивительной страны, и всё скрылось за облаками. Среди стебельков букета белела бумажка. Лена развернула. Крупными буквами знакомым уже почерком было написано: «Не всё голубое подходит к зелёному». Она сжала бумажку в кулаке и ей, женщине последних дней бальзаковского возраста, неудержимо захотелось плакать.

Оставшись один, Сугробин разыскал Петровича. Городской адрес ему на Иссык-куле выдал Юра Приходько. К большой радости Леонида, Петрович оказался дома и один. Семья была в отъезде. Целая ночь воспоминаний промелькнула в одно мгновение. Он остался у Петровича до отлёта. Было радостно от встречи с другом и грустно, что не получилось, как задумывали. Утром Леонид проводил Петровича на службу и поехал разыскивать Фомина. Лысый Фомин встретился ему возле ограды домика, в котором Леонид гостил пятнадцать лет назад. И долго смотрел на Сугробина что-то припоминая. Потом засмеялся и стал обниматься, приговаривая

– Надо же, какие дела.

Потом крикнул отца, и все вместе гоготали как растревоженные гуси. Все были обрадованы неожиданной встречей, разговаривали невпопад, и все вместе одновременно. Витька выросил уже двух пацанов до десяти лет и жил в таком же домике по соседству. Вместе с родителями у него образовался приличный сад, и до вечера они просидели в беседке, увитой виноградником с янтарными гроздьями. Младшие братишки у него стали офицерами, и воплощали задумки, которые не удалось исполнить старшему брату. И как вчера с Петровичем к Леониду вернулась молодость, сегодня с Виктором к нему вернулась юность. Время растворилось в пространстве памяти и перестало существовать. И прекрасная Елена, уколотившая его бредом женской независимости, исчезла из памяти под наплывом воспоминаний. «Всевышний знает, что делает!» – сказал Леонид Виктору, покидая его дом.

– Что, мамочка! Опять навьёгивалась, – спросила Лену пятнадцатилетняя дочка Алочка, когда она заявила домой одна в очень растрепавшихся чувствах после одиночного полёта над континентом. – А мужик-то был получше ранее показываемых женихов.

– Поставь в вазу, – подала она букет дочке. И упала на диван. Усталость от полёта, и непредвиденное расставание в аэропорту Киргизии не складывались в спокойное русло окончания отдыха.

– Георгий все провода оборвал, – сообщила дочь, устанавливая розы на журнальный столик рядом с диваном. – Какие цветы красивые. Сугробин подарил или сама купила?

– Сугробин, конечно, – ответила Лена и откинулась в изнеможении на подушку. Она не знала, как ей поступить и, кроме Сугробина, никто не занимал её мыслей.

XV

Лена металась. Театр уезжал на гастроли в Феодосию. Её вместе с администратором отправляли вперёд всего коллектива для подготовки приезда труппы. Несколько дней до отъезда, а Сугробина не было. Она уже почти забыла, почему его нет вместе с ней. И на все

звонки отвечала, что «свадебное путешествие» прошло блестяще. А на предложение Полонкина встретиться, чтобы не позабыть, ответила, что сексуально переполнена. Гоша был ей нужен, как умный советник, и она не отталкивала его, как других настойчивых. Бесновался милый друг детства Коля, который был у неё первый после гибели мужа. Ему она сказала уверенно, что любовь закончилась, и она выходит замуж. А Георгию рассказала ситуацию, и спросила совета, как её повернуть. «Не бросишь меня насовсем, подскажу», – засмеялся Гоша. «Разберёмся с тобой», – ответила Лена. – Ты сейчас скажи, что мне делать». «Скажи ему, что не ты, а твоя неразумная подкорка сопротивлялась потере независимости. А за то, что получилось оскорбительно, извинись. Встань на колени. И главное, затащи его снова в постель», – посоветовал умный Гоша. Слова «потеря независимости» кольнули Лену, охваченную одним желанием вернуть Сугробина, выйти за него замуж, и избавиться от звания «вдова». Независимость!? Она привыкла к независимости, и как будет отвыкать, не задумывалась. Будучи свободной и сексуально активной, она не влюблялась до страданий. И спокойно оставив друга в Нижнем Новгороде, так же радостно встречалась на другой день с другом в Ленинграде, куда ездила на сессии во время заочной учёбы в институте кинематографии. Она и в Сугробина не влюбилась до боли. Ей хотелось, чтобы у неё был муж, а она бы была женой. И попросту не задумывалась, какой она будет женой. Как и о том, что быть женой в любом возрасте – это обязанность и самоограничение. А становиться женой в годы уходящей молодости после десятилетия самостоятельности можно было после выстраданного, твёрдого решения. Такого решения у Лены не было. Она предполагала, что её судьба навсегда останется одной. «Всех близких друзей ласково оставлю, и буду только с Сугробиним», – сказала она себе, и снова принялась набирать телефоны Леонида. Она не знала ритма его работы и сложности «царевой» службы, связанной с командировками.

– Дружочек милый, ты почему не звонишь своей милочке. Она соскучилась, – обиженно говорила Лена, откликнувшись, наконец, на звонок Сугробину. – Я уезжаю скоро и очень хочу тебя видеть. Приезжай вечером обязательно.

Сугробин молчал. Он не ожидал услышать Лену. Встретившись с юностью и молодостью, Леонид спокойно просмотрел события последних пяти – шести недель, и понял, что в жизни потеряно мало. Он прожил яркие, искрящиеся любовью и страстью дни и радовался, что такие дни состоялись. И возвращаясь, уже в самолёте думал больше о предстоящей работе, и предстоящей поездке на Камчатку, чем об упорхнувшей от него женщине, которую он самым серьёзным образом собирался взять в жёны по закону.

– Почему молчишь? Я люблю тебя. Очень люблю. А всё, что я выкинула, это неосознанное из подкорки выплеснулось. Я совершенно так не думала, и не собиралась поступать, а оно, неосознанное, само выперло. Я думаю, что оно защищало мою независимость, которая мне совершенно не нужна. И всю мою независимость я передаю тебе, не задумываясь. Приезжай. Поговорим, держа друг друга за руки.

«Похоже, Всевышний думает не по моему, раз женщина возвращается. Я обещался не противиться, – подумал Леонид и сказал – Хорошо, Леночка, я приеду».

– Знаешь что, Леночка, – говорил Сугробин обнимая усевшуюся к нему на колени женщину, – тебе совершенно незачем выходить замуж. Ты провела со мной блестящий отпуск, и можешь провести ещё немало времени. И тебе не надо будет придумывать скандалы, чтобы защитить свою независимость. Ты независима и свободна. Можешь быть со мной, можешь не быть. За удовольствия мужчины платят. Ты ведь не всерьёз говорила, что будешь рассчитываться за путешествие. И я не смогу предъявить тебе никаких претензий. А будешь женой... У нас с тобой всё было необыкновенно, и я предполагал, что мы можем создать необыкновенный союз. Нам оставалось только и всего-то забыть о прошлой жизни, большой или малой любви, случившейся до нашей встречи. И поверить друг другу. Но всё оборвалось так невозвратно. И наш союз уже не сможет быть необыкновенным, и будет, как у всех. Одни обяза-

тельства и претензии с обеих сторон. «Где зарплата? Где премия? Почему поздно пришла?» И к тому же ты прожила свободной немало дней и не в монастыре. А французское отделение агентства ОБС сообщало неоднократно, что «можно найти немало женщин, которые не изменяли своему мужу. Но невозможно найти хотя бы одну, которая изменяла один раз». И тебе будет непросто быть женой, и быть одинокой в постели, когда муж в командировках.

– Я никогда не была содержанкой, и не хочу быть. Я хочу быть твоей женой и мне наплевать, что говорят француженки. Я уезжаю и хочу, чтоб ты был со мной здесь сейчас, и был со мной в моей разлуке.

– Хорошо, милая. Я тоже уезжаю после твоего отъезда далеко и надолго. И согласен быть с тобой, пусть и понимаю что не всё просто. Ты мне нравишься, и тебе нужна помощь, которую я могу оказать. Но дело будет за тобою. В жизни одинокий человек держит оборону со всех четырёх сторон. Создав семью, человек не заботится о спине, которую защищает его половинка. И я откажусь от твоих обязательств по защите моей спины, если ты снова захочешь быть свободной женщиной. О своём возвращении буду подавать телеграммы, чтобы не было случайностей. У нас с тобой почти два месяца на проверку решений. Феодосия – непростое место для сохранения намерений. Там военно – морская база подводных лодок Черноморского флота.. А это значит, что вокруг будут «кортики, медали, ордена».⁵³

– Пусть это тебя не волнует, – обворожительно улыбнулась Лена.

⁵³ Строчка из фольклорной песни «Офицеров знала ты немало...»

Камчатский меридиан

I

Рустайлин, Суматохин, Жарков и Сугробин сидели в кабинете Рустайлина и обсуждали вопросы решения новых задач, полученных Рустайлиным.

– Ввожу в курс дела, – сказал Емельяныч. Наш ВМФ держит на Камчатке соединение из шести кораблей, предназначенных фактически исключительно для организации морского полигона в акватории Тихого океана для приёма баллистических ракет при отработке их траекторий. Несут они и другую службу, в частности обеспечивают запасной район посадки космонавтов в аварийном случае и пр., но основная задача флотилии обеспечение наших работ. Леониду Ивановичу надо будет разработать проект оснащения кораблей нашим комплексом. И вертолётов Ка—25 тоже. – Добавил он на незаданный вопрос. – К сожалению, эта флотилия была собрана с миру по нитке и все шесть кораблей разные. Никто дополнительных специальных помещений строить не будет и нам придётся разместиться там, где стоит действующая аппаратура. Василию Васильевичу надо определиться с совместимостью нашей системы с остальными корабельными системами, максимальной длиной кабелей и прочим, отсюда невидимым и не слышимым. Перестройка кораблей и дооборудование будет выполняться во Владивостоке на «Дальзаводе» Сроки на переоснащение поставлены жёсткие. Обычный порядок с выдачей заданий Приморскому ЦКБ и вертолётному КБ Камова не проходит, так как работа растянется на несколько лет. Леониду Ивановичу придётся освоить «разработку кораблей и вертолётов». Разработать документацию, согласовать её и передать морскому и авиационному предприятиям на доработку кораблей и вертолётов. И сделать такое КД, чтобы можно было осуществить доработку кораблей силами рабочей бригады нашего института. Так что выпишите господу Сугробин и Суматохин командировки в дальние края, сгоняйте на денёк в Арзамас (Саров), возьмите там все исходные данные о морском соединении, имена командиров, точную дорогу и перечень необходимых документов. Вы будете первыми представителями нашего института на камчатском меридиане.

II. Дневник Сугробина

Вечером у себя дома Сугробин открыл новый блокнот, разгладил листы и записал.: «Настоящими записками начинается описание путешествия в края «восходящего солнца» над моей страной, ибо в тех краях на нашу землю приходят первые минуты и часы нового дня.

Путешествие будет совершено сотрудниками НИИ Василием Васильевичем Суматохиным и Леонидом Ивановичем Сугробиним в порядке служебной командировки и открыло путь нашему институту к освоению новых территорий. Я бы не сказал, что это путешествие. Обыкновенная служебная командировка, даже не длительная, просто дальняя, если сравнить с европейскими масштабами. В теперешнем XXI веке большие расстояния не являются диковинкой. И нынешние глобальные политики за неделю успевают пересечь планету вдоль и поперёк. Но тогда это всё только начиналось. Единая государственная компания «Аэрофлот» только, только начала беспосадочные рейсы до Хабаровска, забираясь в арктические широты, и этим сокращая воздушный путь от Москвы, проходивший ранее над транссибирской железнодорожной магистралью. И было в диковинку за несколько часов комфортного полёта сменить московскую европейскую обстановку и время на необычные меридианы Дальнего востока и Камчатки. Но суть путешествия состоит в том, что путник, меняя одно географическое название на другое, познаёт что-то новое для себя, и если удаётся, то открывает новое и для других.

Я не думаю, что открою новое для других в этой поездке и потому, оттолкнувшись от первого предположения, в географическом смысле я путешествую для себя и исполняю заданную работу для общества. А теперь всё по порядку листков календаря».

13 сентября.

В 15 часов я встретился с Василием Суматохиным в горьковском аэропорту Стригино и совместно с ним предъявил билет для регистрации по маршруту: Горький – Москва-Хабаровск – Петропавловск-Камчатский. После регистрации я посчитал, что уже вылетел. И дал об этом сообщение Елене телеграммой в Феодосию, где её театр гастролировал с конца августа. В 17 часов самолёт был в Москве. А перед этим мы с Василием вдвоём съездили в Саров, где встретились с создателями измерительной системы первого поколения. От них мы получили полную информацию по всем заданным вопросам. Потом в Нижнем посетили четвёртый отдел МВД и получили пропуска на посещение закрытых районов страны, к которым относились Камчатка и Владивосток. И по этим пропускам в «Аэрофлоте» получили билеты.

Из Москвы самолёт должен был вылететь в 0 часов 40 минут. А у Василия в руках был фанерный ящик с ручкой, в каких наши северяне тащат с юга, возвращаясь из отпуска, немного фруктов в качестве гостинца родным и близким. Василий же собирался заполнить ящик помидорами в качестве презента для аборигенов – вулканологов, которых мы не знали, но получили их адрес и предполагали, что познакомимся. Пренебрегая призывными кликами таксомоторщиков у выходных дверей аэровокзала, мы сели в электричку и направились в центр. С электрички на Павелецком вокзале нырнули в метро и материализовались на площади Свердлова. И также сразу продвинулись в Столешников переулок к магазину «Вино». Вина было много и разного. Можно было купить и то, и то, и это. «Давай поступим по иезуитски, – сказал Василий. – «Купим и то. И то. И это». Так и сделали. На углу Столешникова переулка и ул. Пушкина над подвалом мерцал призывной огонь, и густо пахло отработанным пивом. Мы посмотрели друг на друга, мысленно сказали себе, что на Востоке пива даже в банках не бывает, и нырнули в подвал. Мне приходилось бывать в этом закутке с Саней Ширяевым. Тогда было достаточно прилично, стояли столы и можно было пировать сидя. Тогда нам подали отличные лангусты. Сейчас в подвале был смрад, дым, грязь и пиво через автоматы. Обещанные рекламой на листке бумаги, прикрепленной кнопками к дверям, креветки почему-то успели съесть до нас, но пиво оказалось хорошим.

– Надо бы помидоры купить, – проталкивал Роман свою генеральную линию. Вышли к Моссовету и зашли в «Елисейский». Магазин был заполнен виноградом, а помидор не было. Купили виноград и две банки прекрасного растворимого советского кофе. Тогда импортных банок с кофе не было и правильно, что не было. До сего времени советский кофе растворимый тех лет считаю лучшим. Прошли через Тверской бульвар, поприветствовали Александра Сергеевича. Хотелось сделать что-то ещё, но время для Москвы заканчивалось. В 23 часа мы были в аэропорту «Домодедово».

14 сентября.

Регистрацию объявили во-время. «Не к добру!» – засмеялся Василий. Действительно, на «Аэрофлот» это не похоже. За день вторая посадка в назначенный срок. Самолёт сегодня у нас большой. Самый большой в Аэрофлоте ИЛ—62. Расстояние в 6300 километров без посадки должен покрыть за 7,5 часов. Это кратчайшее расстояние до Хабаровска самолёт пролетает по северным широтам. От Хабаровска до Петропавловска-Камчатского ещё два с половиной часа лёту. Прямая трасса без посадки будет освоена через год и будет занимать время 8 часов. Я же уже оговаривал, что дальние полёты только начинались. Стюардесса в полёте рассказала немного об этом и сказала, что самолёт ведёт первооткрыватель этой воздушной трассы. Мы с Василием, естественно, возгордились. Из Москвы самолёт сразу и круто забирал к Северу чуть не до устья Лены и затем поворачивал к Хабаровску. И вот мы сидим в первом салоне в четвёртом ряду согласно купленным билетам. Мы с Василием немало летали, никогда

не падали, и уверенности у нас было, хоть отбавляй. Запасы Столешникова переулка лежали у нас под креслами, как и ящик с виноградом. А не успели мы набрать высоту, как раздалась команда «Приготовить столики». Что мы и сделали. А потом и то, и то, и это. Двигатели у самолёта были в хвосте, звук турбин в первом салоне был не слышен, и только вентилятор над головой гудел негромко, но назойливо, за что и был вырублен. Высота полета 10000 метров, скорость около 1000 км/час (275 м/сек). Далеко внизу проплывали немногочисленные электрические огни. «Спят, а электричество не выключают», – сказал я Василию. «Нельзя выключать, – ответил он, – шарить будут».

За Уралом внизу стало темно. Светить было некому. Блестели озёра под луной, реки сверкали змейками, а огней не было. Самолёт шёл над Ханты-мансийским краем, потом параллельно берегу ледовитого океана, оставляя далеко к югу и Якутск и Байкал и, пересекая Становой хребет, повернул на Хабаровск. В первых лучах восходящего солнца увидели, что вершины гор были посыпаны лёгким свежим снегом. (В пургу летим...) А на равнинной тайге бушевала осень. И золото лиственных дубрав прерывалось только извилистыми руслами рек и речек, и причудливыми пятнами болот. А каких—нибудь следов житья – бытья внизу не было. В половине восьмого зажглось табло «Не курить! Пристегнуть ремни!» И самолёт пошёл на снижение.

Земля под Хабаровском красная, рыжая и жёлтая. Сверху смотреть – зрелище не передаваемое. К тому же долина Амура изрезана речками, протоками, старицами и озёрами в неисчислимом количестве, создавая немислимый абстрактный рисунок из голубого, зелёного, жёлтого и красного. Можно делать снимки и копировать с них модели для ковров. Будет и необыкновенно, и красиво.

Посадку в Хабаровске первооткрыватель трассы совершил отменно. Но ИЛ-62 дальше не летит. Пассажиры должны будут пересесть на два самолёта ИЛ-18 местного отделения Аэрофлота, и уже на них достичь желанной Камчатки. Всё шло по графику. Через три часа мы сидели в самолёте и ждали приказа «Пристегнуть ремни!» Прошёл час в отсидке. К самолёту снова подали трап, но уже не для экипажа, а для выгрузки сидевших в самолёте пассажиров. Петропавловск не принимает по метеоусловиям. ЭХ, АЭРОФЛОТ!

Мы все понимаем, что погоду не делают и для нашей же безопасности задерживают рейс. Но спасённые предупредительной остановкой, пассажиры многими часами и сутками живут в аэропортах как брошенные собаки: без конуры, без клочка сена под боком и, в основном, стоя, так как сидячие места моментально занимаются навсегда. За сотни совершённых полётов я пришёл к абсолютному убеждению, что «Аэрофлот» – самая непутёвая организация по охране прав человека даже в Советском Союзе, в котором, благодаря стараниям руководителей – индюков, о правах человека вспоминают, когда составляют очередные конституции. Человек для Аэрофлота никто и ничто. Его можно заставить часами выстаивать в очередях перед единственным окошечком кассы или справочного бюро. Его не принимает начальство аэропортов, скрываясь за закрытыми бронированными дверями, его не приглашают отдохнуть (боже упаси – в гостиницу) при длительной задержке рейса, не дают кресел в залах ожидания. А вместо того, чтобы объявить, что самолёт задерживается на двое суток (прекрасно об этом зная), пассажиру регулярно сообщают в течении этих двух суток, что рейс откладывается на два часа. И если посмотреть на авиапассажиров столичного или крупного провинциального аэропорта, то видишь огромную толпу измученных, небритых, немых, дурно пахнущих людей, включая детей всех возрастов. Спать негде, есть негде, сесть негде. И Хабаровский аэропорт, возможно, похуже других, так как переваливает людей от Владивостока до Чукотки, где неустойчивая погода и задержки рейсов часты и обоснованы. Пустой корпус «Интуриста» (кого интересуется неизвестность нашего востока), пустой депутатский зал и, забитый как

территория толкучки в базарный день, корпус вокзала. «Зима прошла – настало лето, спасибо партии за это».⁵⁴

В Хабаровском аэропорту я, вместе с Рустайлиным, провёл самые жестокие в моей жизни авиапассажира двое суток в ожидании вылета. Случились эти двое суток ожидания с двадцать восьмого по тридцатое декабря. «Чумикан» пришёл из океана после натуральных госиспытаний комплекса во Владивосток и встал в Дальзавод на профилактику. Комиссионеры выбрали авиарейсы по усмотрению. И кроме меня с Емельянычем, полетели по домам через Свердловск.⁵⁵ А мы полетели через Москву. Емельяныч вальяжно запланировал подписать по пути бумаги. Самолёт на Свердловск ушел, минуя Хабаровск. Мы полетели вслед за ним и через час вышли в Хабаровске, предвкушая скорую посадку, аэрофлотовский ужин и встречу с первопрестольной. И боже мой! В аэровокзале стояли люди плечом к плечу. Встали и пассажиры нашего рейса, уплотнив толпу. Слушаем информацию. «Совершил посадку самолёт из Магадана. Совершил посадку самолёт из Южно – Сахалинска, Совершил посадку самолет из Москвы. Рейс номер... до Москвы задерживается ввиду отсутствия керосина...! Оп! Мы посмотрели друг на друга. Температура за дверями минус тридцать пять по Цельсию. «Давно стоишь?» – спросил я моряка, стоявшего впереди по направлению к лестнице на второй этаж, где виднелся буфет. «Сутки будут через полтора часа, – ответил моряк и грустно улыбнулся. – Когда прилетел, по залу можно было пройти. Но не один самолёт не улетает, а прибывают по расписанию». Как мы выдержали сорок три часа – не знаю. В буфет стояли три часа. Там варёная курица, хлеб и какая-то вода. Догадались купить впрок две курицы, чтобы больше не стоять. В зале прелый воздух создавал атмосферу не убираемого свинарника. В полушубках и ватниках, без кислорода, народ потел и вонял. И среди толкучки грудные дети, беременные женщины. И через три дня Новый год. На улице мороз. Пока выкуриваешь сигарету, мороз пробирается под одежду и высушивает пропотевшее тело. Втискиваешься обратно. На площади перед вокзалом подземный туалет. Летом он выступал на метр над поверхностью и имел две широкие лестницы. Отсутствие керосина на порядок в туалете, конечно, не должно влиять. Но туалет не работал, так как обе лестницы были заполнены какашками на тот самый метр выше площади, на который туалет выступал из земли. И высота продолжала расти. Мы с Емельяновичем долго пытались показать себя воспитанными людьми, но с компанией моряков расширили площадь туалета. На вторую ночь Емельяныч решил позвонить любимой женщине. Как очень, очень многие, он пережил развод, и имел намерение создать семью с другой женщиной. Женщины, несмотря на предупреждение агенства ОБС,⁵⁶ продолжают стремиться вновь выйти замуж. Звонить так звонить. Прошло полгода, без малого, как мы оставили родные места. И нас наши женщины ждали, чтобы хоть в лицо высказать своё нежелание продолжать такую жизнь. А может, и наоборот. Причитающаяся нам зарплата и премии переданы жёнам и агенство ОБС не раз передавало, что «лучший муж – это глухой капитан дальнего плавания». Емельяныч заказал разговор, и мы с ним встали у стенки перед тремя кабинами. Ни стульев, ни скамеечек в переговорном пункте не было. Зато было не тесно и тепло. Из кабинки вышел человек. Я заметил, что он, перед тем как выйти, приподнялся. В кабине была скамеечка. «Пойду, посижу», – сказал я Емельянычу и зашёл в кабинку. Я присел первый раз за тридцать часов и мгновенно заснул. В дверь постучали. Стоял клиент. Я вышел. Рустайлина не было. Посмотрел по кабинкам. В двух вёлся разговор, в третьей спал Рустайлин. На переговорном

⁵⁴ Народная прибаутка.

⁵⁵ Ныне город Екатеринбург, вернувший себе историческое название.

⁵⁶ Агенство ОБС предупреждает о том, что каждый новый муж хуже предыдущего

пункте мы отдыхали таким путём два часа, пока нас не погнали операторы. Мы покинули Хабаровск тридцатого в полдень, проведя на ногах сорок три часа.⁵⁷

14 сентября. Продолжение.

Нас с Василием Васильевичем вместе с другими пассажирами вынули из самолёта, попросив не расходиться. Но через два часа объявили отсрочку до утра без каких либо предложений о ночлеге. По местному времени было около семи вечера (разница с Москвой 7 часов) Поскольку мы мало и плохо спали в самолёте, то очень хотелось спать, а оттого, что мало ели – хотелось есть. Часа через два, покрутившись у лётной гостиницы (для сотрудников аэрофлота) и предъявив по очереди справки, что мы летим в интересах аэрофлота, мы проникли на законных основаниях за плату в 1 рубль и 50 копеек в ночь в большую комнату, заставленную двумя десятками кроватей одна к одной, но с чистым влажным бельём. (трёхзвёздочная гостиница по коммунистически). Устроившись с поджатыми ногами на кроватях, мы со спокойной совестью допили столичные запасы спиртного, и пошли в ресторан кормиться. Кроме картофельной похлёбки, тухлых котлет и водки в ресторане ничего не было. К счастью в буфете оказалась курица. Курица нас согрела. Мы спрятались в холодные постели, нагревая воздух своим дыханием. Сон наступил мгновенно.

15 сентября.

К 9-ти утра мы появились на вокзале. Рейс на Петропавловск ещё на табло не означился. Но через полчаса дали инфомацию о вылете в 14—30. Сомневаясь и в этом, решили посмотреть на город Хабаровск. Маршрутка за двухгривенный довезла минут за десять до железнодорожного вокзала. Напротив вокзала стоял памятник Ерофею Хабарову. В кафтане стрелецком, заломленной шапке на сером граните стоял открыватель – завоеватель этого огромного края. За памятником, спустившись на трамвае, обнаружили улицы Карла Маркса и Ленина, которые образуют центр города. Времени у нас было мало, мы не хотели подвергать себя излишнему риску. Вышли на красивую площадь Ленина, большую, ухоженную, с фонтаном и цветником. Посмотрели книжный магазин где, несмотря на имеющееся краевое издательство, местных изданий фактически не было. Остановились в маленьком кафе и за стоячими столиками выпили по чашечке кофе со сливками. Кофе было не хуже, чем в кондитерских магазинах Киева. Добрались до Амура, буйно – могучего. Город стоит на левом невысоком берегу. Правый берег напротив города высотой также не отличался. Ерофей Хабаров выбрал место для городка на достаточно резком повороте реки влево. Опёршись на могучую скалу, река поворачивала прямо у современного прибрежного сквера или парка отдыха. Река огибала скалу, и пласты воды, рассечённые скалой, бурлили и завихрялись под неукротимым напором быстрого течения. Рыбаки кидали в стремнину блёсны. Полюбовавшись на стихию, пересадочные пассажиры сели в автобус и к назначенному времени прибыли в Аэропорт.

– А ваш рейс уже летит!

– Как!?

– А так. Где вы были?

Но мы не опоздали. Мы были в числе задержавшихся. Бегом в гостиницу за вещами, и спецавтобус подвёз задержавшихся к самолёту ИЛ—18. «Хоть у трапа не дерутся, как вчера дрались», – грустно пошутили мы с Василием. Да, действительно, шутка грустная. И во всём виноват Аэрофлот, а может беда в чём-то более серьёзном. У людей нет уверенности в том, что они улетят даже имея на руках все необходимые документы. Волнуются примерно также как люди, получившие ордер на вселение в квартиру после двадцати лет ожидания, но ещё не вселившиеся. И потому у трапа происходят события достаточно непристойные, смотреть на кото-

⁵⁷ Как показал на практике авиaperевозок пришедший капитализм, о правах человека в нём вообще совсем не знают. Авиакомпании прогорают, не могут оплатить за топливо, за всё другое и пассажиров просто выкидывают из аэропортов вместе с купленными билетами (Прим. автора)

рые больно и неприятно, а приходится поступать также. Давят друг друга перед трапом, отталкивают детей, ругаются. Вчера при посадке подрались мичман и капитан 1 ранга. Мичман защищал сына лет семи, которого капитан оттолкнул на первой ступеньке трапа, а мичман оттащил капитана за воротник. И это тоже Аэрофлот. Как и плакат на подъезде к аэропорту: «СССР – величайшая авиационная держава».

Но как бы-то ни было, летим. Погода ясная. Под крылом самолёта отлично виден Николаевск на Амуре, устье Амура, лента Татарского пролива и северная оконечность острова Сахалин. Дальше летим над Охотским морем и полтора часа ничего не видим кроме водной глади. 2,5 часа всего. ИЛ-18 интересный самолёт. Концы крыльев у него подрагивают, и мне кажется, что ещё немного и для поддержки самолёт будет крыльями махать. Но ничего этого не происходит – крылья подрагивают, но не машут, а самолёт летит.

– Слушай, Василь, говорю я задремавшему коллеге. – А почему нет спасательных жилетов на полках? Вдруг присядем на воду.

– Не муди природу, накаркаешь. Если сядем на воду, самолёт продержится две минуты, за которые никто не успеет выйти. И лучше утонуть сразу, чем мучиться в холодной воде часами. Парашютов ведь тоже на борту нет. И я хочу сон досмотреть. Не мешай.

На Камчатке разница во времени уже 9 часов, Самолёт придёт к вечеру. Успеем ли застать людей на службе – вот вопрос!? Летим. Пустое море сверху не интересно. Мотор гудит, Василий спит, есть не дают. А хочется.

Камчатка открылась издалека. Появились горные цепи, в дальней дымке показалась на минутку Ключевская сопка белым конусом, Самолёт пошёл на снижение и вышел на Авачинскую бухту. Бухта с высоты необыкновенна, и захватывающе красива, так как огромна, и имеет в себе многочисленные бухты и бухточки, острова и полуострова, речки, стекающие с гор. И с двух сторон конусы засыпанных вечными снегами вулканов. Вулканы, конечно, чудо природы. И хотя приходилось видеть фильмы и фотографии, всё равно удивляешься их правильным конусам, идущим по правильной кривой и заканчивающейся острым пиком или срезанной верхушкой действующего вулкана. Пишут, отыскивая красивые сравнения, журналисты, что в Авачинской бухте можно разместить все флоты мира. А мне показалось, что не только разместить, а и спрятать...

Самолёт пробежался по бетонной полосе мимо холмов – ангаров с истребителями-перехватчиками и остановился у небольшого невзрачного здания, на котором читались неяркие буквы: «ПЕТРОПАВЛОВСК – КАМЧАТСКИЙ». В салон вошли пограничники и проверили верительные документы: паспорта, пропуска, командировки. И вот мы уже стоим с Василием на твёрдой земле. Светит тёплое солнце, нет и следа непогоды вчерашней, разве что лужи в ямках на бетоне. Я потрогал пульс. Нормальный. Посмотрел на Авачинскую сопку – красиво и тоже спокойно. Наверное, я не осознал, что пролетел 10000 километров и стою на берегу самого великого океана, при упоминании о котором у школьника Лёни сладко сжималось сердце в восторге от мечты. И вот мечта сбылась. Немного поздновато, конечно, и не в той форме. Но пусть сердце бьётся ровно, я всё равно радостно приветствую в мыслях этот экзотический край, где дальше на восток – уже Америка. А здесь вулканы, гейзеры, олени и лососи, И камчатские медведи, родственники Аляскинским медведям гризли. Ключевская огнедышащая сопка в пять километров высотой и всё кипит или дрожит.⁵⁸

⁵⁸ И вот я здесь, как грань привета. Как гвоздь в обычной суете. Одной ногой топчу край света. Другой болтаю в пустоте. (стихи автора)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.